

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РФ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

доктор исторических наук Ю. Ф. Карпович
кандидат исторических наук С. В. Назаров

доктор исторических наук А. А. Тишкин
доктор исторических наук В. В. Горбунов

Глава III. Характеристика объектов Бийкинского
Культурно-исторического заказника «Бийке» (Горный Алтай).
Часть I. Описание объектов культурного наследия. 2005.

А.А. ТИШКИН, В.В. ГОРБУНОВ

КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ р. БИЙКЕ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Монография

Эта монография посвящена комплексному исследованию археологических памятников в долине реки Бийке на территории Горного Алтая. В ней описаны и исследованы памятники древней культуры, относящиеся к различным этапам истории региона. Авторы анализируют находки, сделанные в ходе археологических раскопок, и делают выводы о культурных связях населения долины Бийки с другими регионами. Работа будет полезна для специалистов в области археологии и истории, а также для широкой аудитории, интересующейся историей Алтайского края.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛТАЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Барнаул – 2005

© А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, 2005
© Издательство Алтайского государственного университета,
Барнаул, 2005

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ, ОБНАРУЖЕННЫХ БЛИЗ УСТЬЯ р. БИЙКЕ И В ЕЕ ДОЛИНЕ

В горах долина Катуня представляет собой территорию, довольно ограниченную для проживания людей. Поэтому количество археологических памятников, сосредоточенных по обоим берегам этой крупной реки, можно считать значительным. Имеющиеся разнообразные древние и средневековые объекты отражают этапы освоения и использования Горного Алтая, а также дают представления о многих сторонах жизнедеятельности населения разных эпох. Любые строительные мероприятия могут уничтожить эти свидетельства истории (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1990), которые чрезвычайно важны, так как письменных источников о древних и средневековых народах Алтая очень мало, они не конкретны и порой противоречивы.

Археологические разведки, предпринятые в конце 1970-х гг. и 1980-е гг. в связи с планировавшимся строительством гидроэлектростанции, позволили выявить там многие историко-культурные зоны. Краткая история их изучения представлена в специальной статье В.Д. Кубарева (1990). В ходе проведения раскопок методом сплошного исследования зафиксирована большая плотность расположения объектов. Оказалось, что число археолого-этнографических комплексов на самом деле превышает перечень памятников, которые обязательно нужно было изучить до затопления водохранилища. Однако следует указать, что многие объекты до сих пор должным образом не обозначены, поэтому требуются дополнительные, более тщательные обследования. В настоящее время данная работа должна быть осуществлена и в связи с активным использованием долины Катуня в туристических, хозяйственных и других целях. В этом плане важен уже имеющийся опыт изучения археологических микрорайонов таких, как, например, Тыткескенский (Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В., 1992; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994; Кунгуров А.Л., 1994; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997а–б; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; и мн. др.).

Археологические памятники близ устья р. Бийке и в ее долине зафиксированы и изучались разными специалистами в основном в период строительства Катунской ГЭС (1980–1990-е гг.), хотя некоторые из них стали известны раньше. Часть объектов оказалась обнаружена уже после прекращения работ в предполагаемой зоне затопления.

История исследования древних и средневековых памятников и анализ материалов рассматриваемого Бийкенского археологического микрорайона будут представлены по мере возможностей в хронологическом порядке. В ходе такого изложения в определенной мере найдут отражение сведения о природно-ландшафтных и других особенностях территории, находящейся на границе среднего и нижнего течения Катуня (от Куюса до Чемала). Данный подход позволит лучше воспринимать предлагаемые для рассмотрения

результаты многолетних археологических исследований, а также обеспечит соответствующее информационное наполнение в ходе реализации комплексного изучения имеющихся данных.

В 1976 г. экспедиция Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки проводила обследования в долине Катуня. В устье ее правого притока Бийке Б.И. Лапшин (1977, с. 215) зафиксировал местонахождение каменных орудий и курганный комплекс из трех объектов с каменными насыпями. В связи с тем, что на месте древней стоянки располагались заимка и огород, находки, отнесенные к эппалеолиту–мезолиту, встречались в переотложенном состоянии на ближайших двух террасах правого берега Катуня (Лапшин Б.И., 1985, с. 12).

В 1979 г. в Горном Алтае работал археологический отряд Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством А.П. Погожевой. Группа сотрудников проводила обследования территории на правом и левом берегах Катуня от р. Бийке до р. Урсул. В результате был зафиксирован ряд местонахождений петроглифов. Осенью 1979 г. при осмотре утеса неподалеку от устья р. Бийке обнаружен памятник с древними наскальными изображениями. Описание этих «рисунков» и их анализ опубликованы Е.А. Окладниковой (1984, с. 6–8, 57). В монографии «Петроглифы Средней Катуня» имеются таблицы с композициями, датированными эпохой раннего железа. Следует указать, что скопированные и представленные в указанном издании рисунки имеют ряд неточностей, что заставило нас сделать съемку части петроглифов заново (об этом см. ниже). Тем не менее исследования О.Е. Окладниковой заслуживают положительной оценки, так как впервые Бийкенская писаница (название наше – см.: Тишкин А.А., Майчиков О.В., 1997, с. 87; Тишкин А.А., 2000б) была изучена квалифицированным специалистом. Информация о петроглифах с Бийке опубликована в сводке памятников древнего изобразительного искусства Алтая, подготовленной В.Д. Кубаревым и В.П. Маточкиным (1992, с. 45): «Бийка. Между с. Еландой и с. Кунос, в 0,2–0,3 км выше устья р. Бийка (правый приток Катуня). На скале «Бийке» выбиты рисунки: козлов, оленя, лося, антропоморфной фигуры; чашевидные углубления. Общее число рисунков не более 50».

Отдельные образы и сюжеты Бийкенской писаницы демонстрировались в немногочисленных публикациях разного характера (Долговесова Е.Б., 1993; Тишкин А.А., Майчиков О.В., 1997; Тишкин А.А., 2000б; и др.). Не исключено, что на памятнике уже отсутствуют некоторые изображения. Это связано с теми разрушениями, которые произошли за многие столетия в связи с различными повреждениями поверхностного слоя камней. Образование темной патины, постоянное увлажнение и перепады температур могли привести к исчезновению ряда петроглифов, находившихся на наиболее открытых участках массива, а расслоение (или, в отдельных случаях, отбивка) повлияло на композиционную целостность сюжетов. Поэтому необходимо, используя опыт консервации и охраны подобных объектов наскального искусства (Беднарик Р., Дэвлет Е.Г., 1993; Маточкин Е.П., 1993), попытаться предотвратить исчезновение оставшихся рисунков.

В августе 1989 г. Бийкенским отрядом Алтайской археологической экспедиции АГУ в тогда еще Шебалинском районе Горно-Алтайской автономной области были начаты раскопки аварийного памятника – курганного могильника Бийке. Основной задачей отряда являлось исследование археологических объектов памятника, попадающего в зону затопления при предполагаемом строительстве Катунской ГЭС (Тишкин А.А., 1990).

Указанный курганный могильник находится на первой надпойменной террасе правого берега Катунь, в 8 км от с. Еланда (ныне – Чемальский район Республики Алтай) по дороге в с. Куюс, в 0,5 км на восток–северо-восток от устья р. Бийке. Памятник был обследован сотрудниками Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая (ЛАЭИА) АГУ при проведении разведочных работ на территории планируемого водохранилища. План археологического объекта и сведения о нем включены в отчет Н.Ф. Степановой (1980). За курганной группой было закреплено обозначение «Бике» по названию близлежащей речки и урочища, где она протекает. Однако на карте правый приток Катунь в этом месте подписан как Бийка. Данное обстоятельство, а также уже используемое название Бике (Кубарев В.Д., 1990; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990), послужило основанием для уточнения соответствующего топонима. В результате многочисленных консультаций и выяснений оказалось, что река местными жителями (тогда Эдиганского совхоза) называется Бийке. Поэтому во всех последующих отчетах и публикациях автором раскопок было принято реальное обозначение, которое перенесено и на другие позже зафиксированные археологические объекты, о которых речь пойдет ниже (Тишкин А.А., 1990, 1992, 1993, 1998а и др.).

Топонимы *Бия*, *Бийка*, *Бике*, *Бийке*, *Бий-Суу* и другие связываются исследователями с названиями разного плана (Молчанова О.Т., 1979, с. 158–159; Малолетко А.М., 1992, с. 19–21; и др.). В одних случаях приводятся алтайские слова *бий*, *пэк*, *бэг*, *бии* – господин, а также древнетюркское *be:g* – глава клана или племени, подчиненный вождь. G. Clanson и Э.В. Севортян предполагали заимствование указанного последним словом из китайского *po* – глава сотни человек. Другие объяснения, встречающиеся в специальной литературе, выводят рассматриваемое обозначение «Бийке» из *бэй* – река, из самодийского *ба* – река или северной группы тунгусо-маньчжурского языка *бија* – речка, ключ (Молчанова О.Т., 1979, с. 159). В данном плане выскажем свое соображение на используемое название. Возможно, первоначально оно существовало как Бий-Ке(м). Формант* *кем* обнаружен во многих топонимах Алтая. Он был широко распространен в древности и так или иначе связан с обозначением воды (Молчанов О.Т., 1979, с. 55–62). Тогда значение гидронима сложится в возможное смысловое определение – «речка, где находились владения подчиненного вождя или главы (клана, «сотни человек»)». Подобная трактовка не противоречит имеющимся топонимическим объяснениям.

*Формант (от лат. *formans* – образующий) – то же, что и аффикс – часть слова, противопоставляемая корню и выражающая грамматическое или словообразовательное значение.

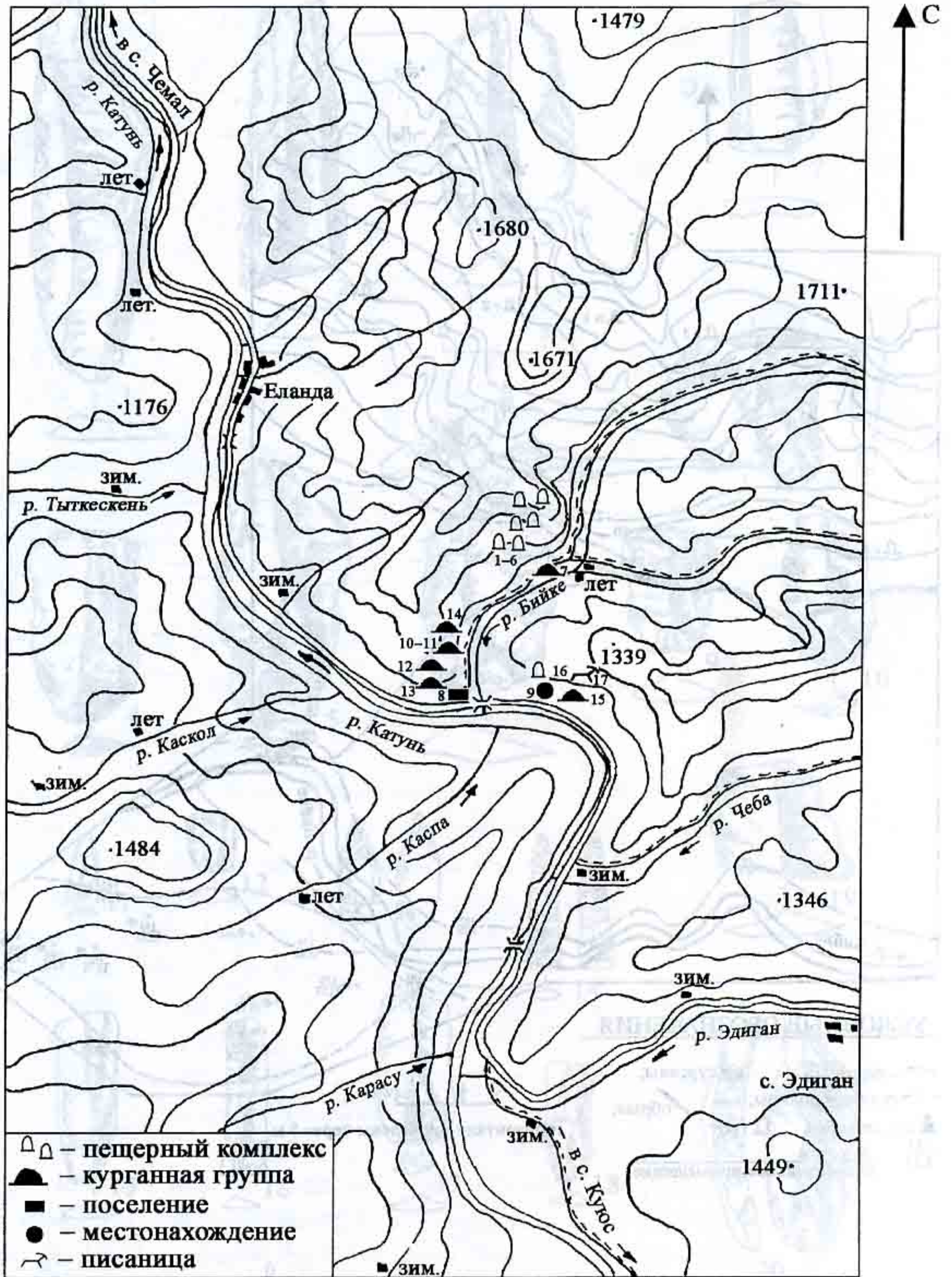

Рис. 2. Карта-схема расположения памятников
близ устья Бийке и в ее долине

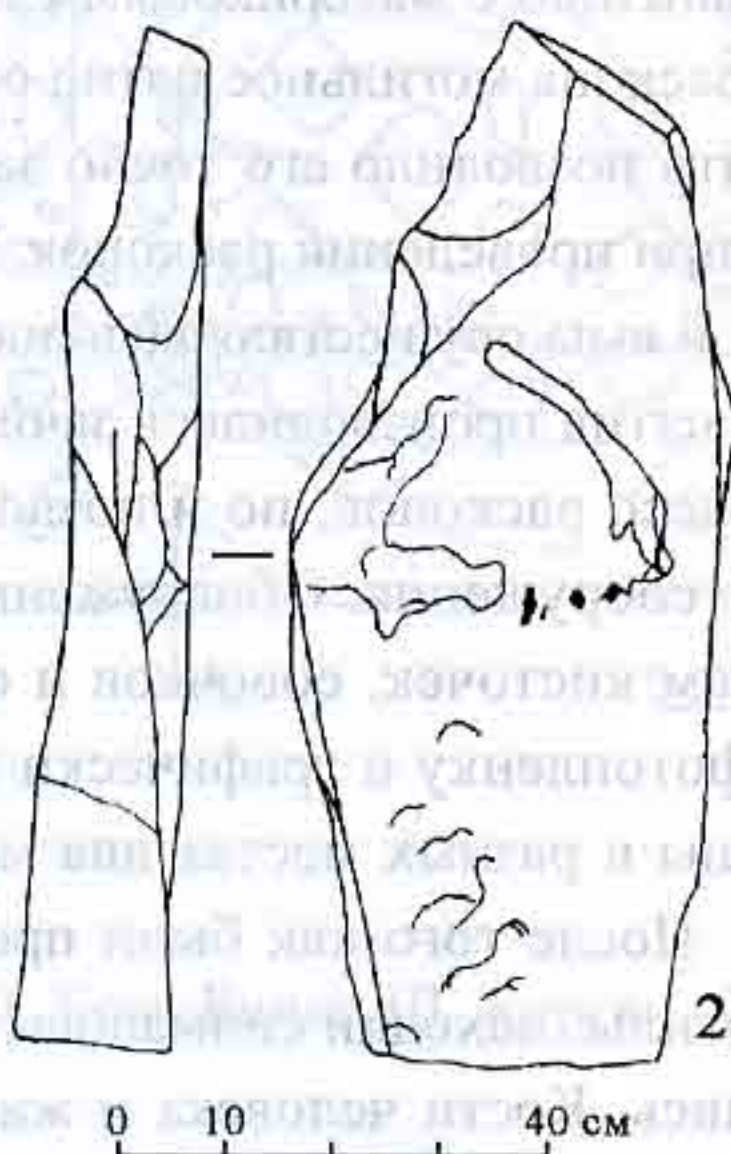
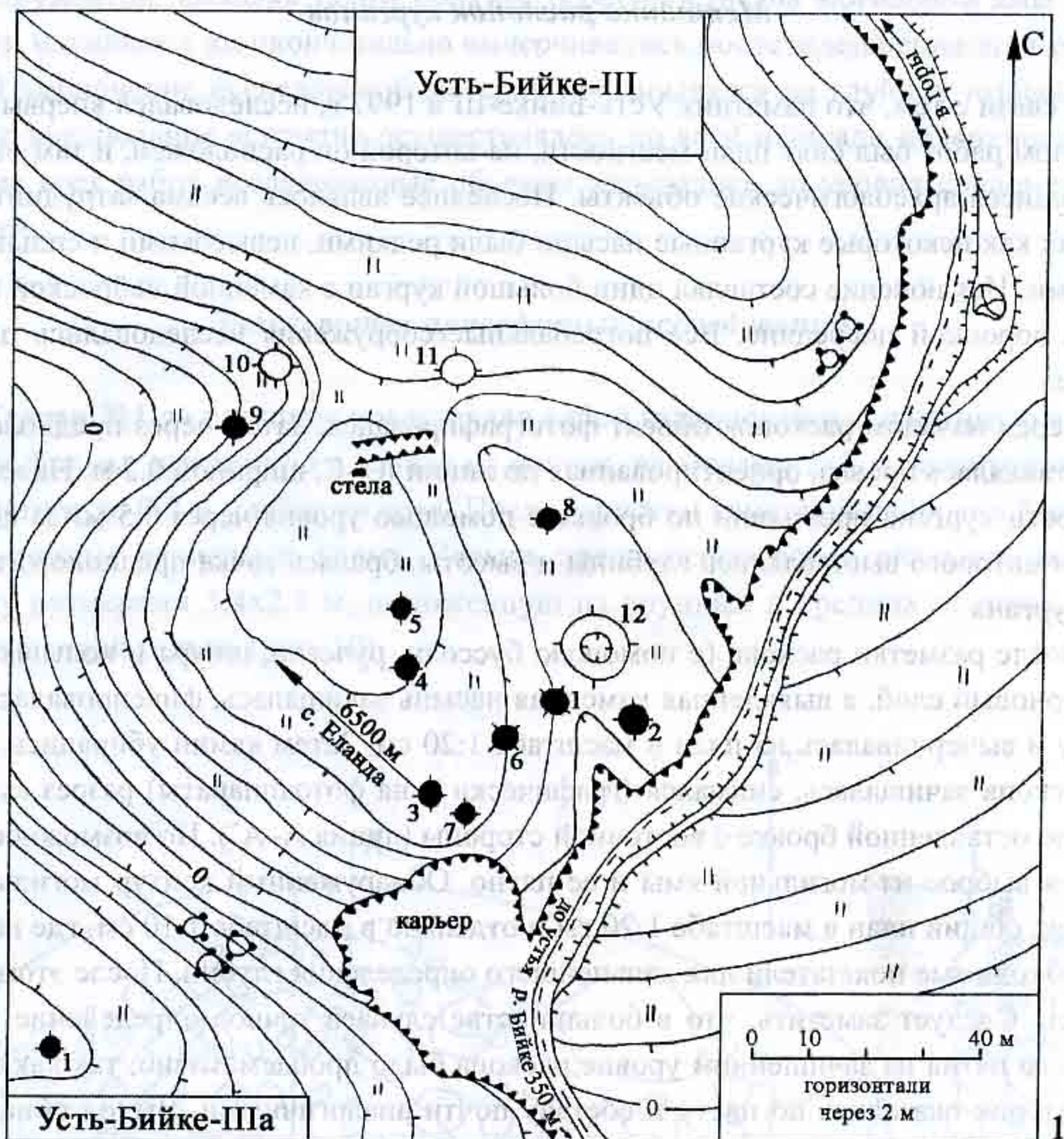

Рис. 9. 1 – план расположения курганной группы Усть-Бийке-III и одиночного кургана Усть-Бийке-Ша; 2 – каменная стела

Методика раскопок курганов

В связи с тем, что памятник Усть-Бийке-III в 1997 г. исследовался впервые, то перед началом работ был снят план местности, на которой он расположен, и там обозначены имеющиеся археологические объекты. Последнее являлось весьма затруднительным делом, так как некоторые курганные насыпи были редкими, невысокими и сильно задернованными. Исключение составлял один большой курган с каменной наброской и грабительской воронкой посередине. Все погребальные сооружения исследовались по одной методике.

Перед началом раскопок объект фотографировался. Затем через предполагаемый центр оставалась бровка, ориентированная по линии Ю-С, шириной 0,2 м. Нивелировку поверхности кургана проводили по бровке с помощью уровня через 0,5 м. За единый 0 (ноль), от которого выставлялись глубины и высоты, бралась точка предположительного центра кургана.

После разметки раскопа (с помощью буссоли, рулетки, шнура и кольшков) снимался дерновый слой, а выявленная каменная насыпь зачищалась, фиксировалась на фотопленку и вычерчивалась на план в масштабе 1:20 см. Затем камни убирались, поверхность раскопа зачищалась, снимался (графически и на фотоаппараты) разрез курганной насыпи по оставленной бровке с восточной стороны (линия А-А'). По возможности фиксировался выброс из могильной ямы и ее пятно. Обнаруженный контур могилы вычерчивался на общий план в масштабе 1:20 см и отдельно в масштабе 1:10 см, где выставлялись необходимые показатели для дальнейшего определения глубин. После этого бровка убиралась. Следует заметить, что в большинстве случаев точное определение границы могильного пятна на зачищенном уровне раскопа было проблематично, так как заполнение и материк оказались по цвету и составу почти аналогичными. Выход обнаружился после того, как прошел дождь, безошибочно выявивший пятно могилы за счет проникновения воды в более рыхлое, по сравнению с материковым слоем, заполнение ямы. Таким образом, на подсохшем участке раскопа могильное пятно оставалось еще мокрым на протяжении достаточного времени, что позволило его точно зафиксировать. Данное наблюдение было взято на вооружение при проведении раскопок.

Выборка заполнения могильной ямы осуществлялась послойно на глубину штыка лопаты (0,25-0,3 м). После каждого снятия производилась зачистка. Это давало возможность не только контролировать процесс раскопок, но и позволяло своевременно отражать особенности внутримогильного сооружения. Обнаруженные захоронения зачищались при помощи разных по размерам кисточек, совочков и обычного ножа. Все найденное в могиле фиксировалось на фотопленку и графически на миллиметровку. С помощью рулетки определялись глубины в разных местах дна могилы и при нахождении предметов погребального инвентаря. После того как были проведены все мероприятия по точной фиксации содержимого могилы, находки снимались, очищались от грунта, отдельно упаковывались и маркировались. Кости человека и животных аккуратно убирались последовательно от черепа до нижних конечностей. Они также очищались, упаковывались и маркировались. Найденные при снятии костей изделия обозначались на плане. Слой земли, на котором было совершено захоронение, зачищался при помощи мел-

ких инструментов, выявляя таким образом особенности дна могильной ямы. Разрезы кургана и могильных ям окончательно вычерчивались после завершения этих работ.

В заключение исследований материк прокапывался на глубину штыка лопаты. Такое же контрольное вскрытие осуществлялось по всей площади поверхности раскопа. После всех работ исследованные объекты засыпались до уровня современной поверхности.

Результаты проведенных исследований

Курган №1 до раскопок представлял собой задернованную каменную выкладку овальной формы, вытянутую с запада на восток, размерами 2х3 м, высотой от 0,05 м у северного и до 0,2 м у южного края. После зачистки каменной наброски были выявлены ее полные размеры и форма. Насыпь представляла собой овальную каменную выкладку размерами 3,4х2,1 м, выложенную из крупных и средних валунов, рваных камней и мелкой гальки (рис. 10).

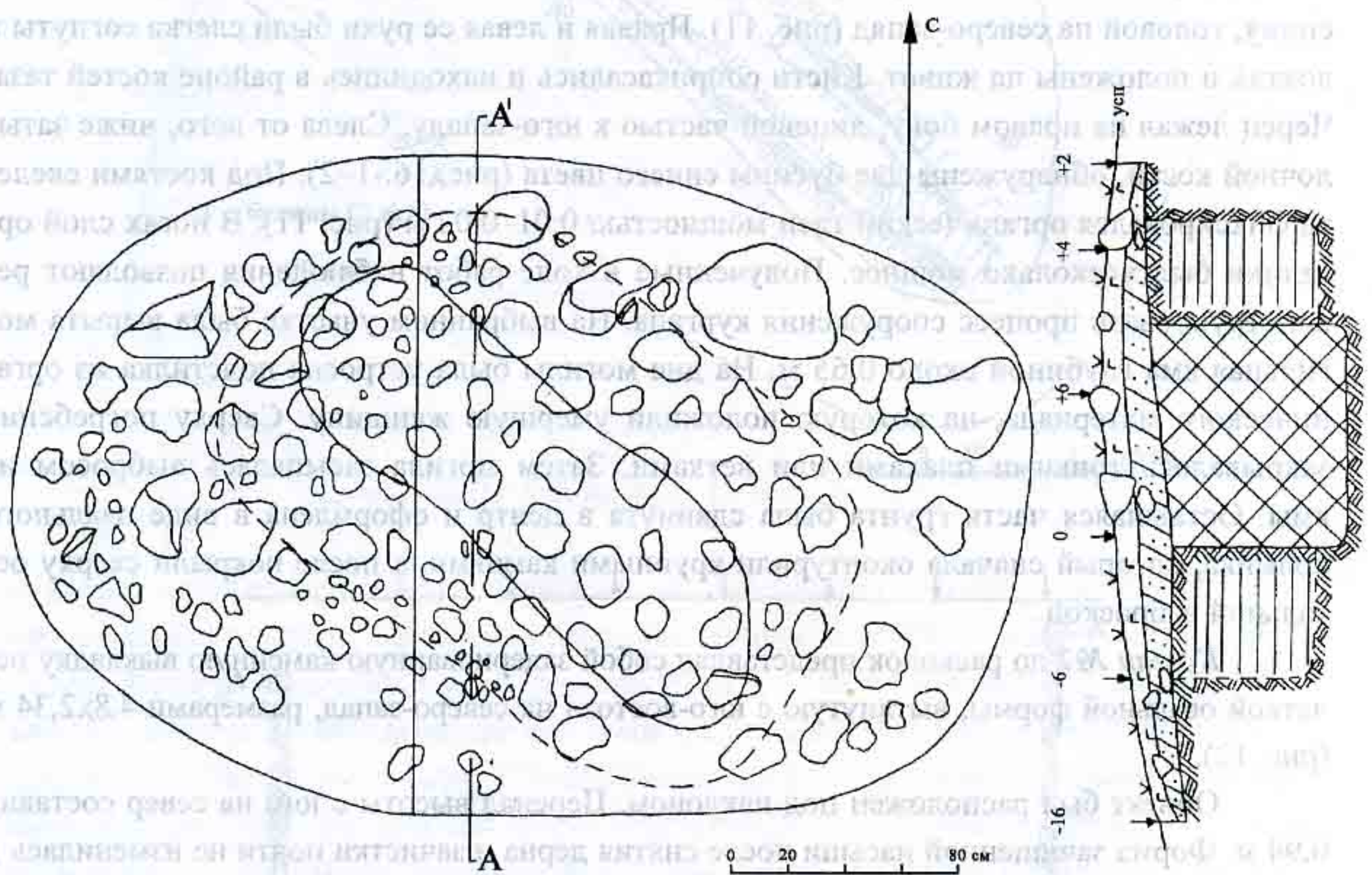

Рис. 10. Усть-Бийке-III. Курган №1. План и разрез

Крупные камни располагались по краям выкладки, средние по краям и равномерно в центре, галька и скальные обломки в основном оконтуривали западную, юж-

ную и немного северную сторону насыпи. При снятии наброски выяснилось, что до сооружения каменной выкладки над могилой был насыпан небольшой холмик (серая супесь с гравием мощностью от 0,04 м по краям до 0,12 м в центре), вероятнее всего, из могильного выброса. Затем камни просели в рыхлый грунт, местами до материка. Кос-где под крупными и средними камнями находились мелкие, хотя выкладка, в общем, была сооружена в один слой. Зачистка раскопа по материка не позволила выявить могильного пятна. Тогда с целью обнаружения погребения выборка грунта осуществлялась ямой овальной формой размерами 1,4x2,2 м (рис. 10). Данные показатели были выбраны, ориентируясь на более рыхлый грунт и с учетом центра кургана.

Так выборка была произведена на глубину 0,7 м, где обнаружались более четкие и реальные границы могилы. Зафиксированное могильное пятно представляло собой овал неправильных очертаний, ориентированный длинной стороной по линии ЮВ–СЗ, размерами 2x0,6 м. При зачистке пятна обнаружился слабый, неподдающийся какой-либо фиксации, древесный тлен, вероятно, от продольного перекрытия могилы. Далее могила выбиралась по обозначенному контуру на глубину 0,8 м. На дне могильной ямы расчищен скелет умершей женщины 35–40 лет*, которая была уложена на спину, головой на северо-запад (рис. 11). Правая и левая ее руки были слегка согнуты в локтях и положены на живот. Кисти соприкасались и находились в районе костей таза. Череп лежал на правом боку, лицевой частью к юго-западу. Слева от него, ниже затылочной кости, обнаружены две бусины синего цвета (рис. 16.-1–2). Под костями скелета фиксировался органический тлен мощностью 0,01–0,02 м (рис. 11). В ногах слой органики был несколько мощнее. Полученные в ходе работ наблюдения позволяют реконструировать процесс сооружения кургана. На выбранном участке была вырыта могильная яма глубиной около 0,65 м. На дне могилы была устроена подстилка из органического материала, на которую положили умершую женщину. Сверху погребение закрывалось тонкими плахами или ветками. Затем могила засыпалась выбросом из ямы. Оставшаяся часть грунта была сдвинута в центр и оформлена в виде овального холмика, который сначала оконтурили крупными камнями, а после покрыли сверху остатальной наброской.

Курган №2 до раскопок представлял собой задернованную каменную выкладку нечеткой овальной формы, вытянутую с юго-востока на северо-запад, размерами 4,8x2,34 м (рис. 12).

Объект был расположен под наклоном. Перепад высоты с юга на север составил 0,94 м. Форма зачищенной насыпи после снятия дерна и зачистки почти не изменилась и представляла собой неправильный овал, ориентированный длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Насыпь была сложена из крупных и средних валунов, рваных камней, с редкой примесью мелкого щебня. Крупные камни располагались по периметру и в центре насыпи. Большая концентрация их отмечена в юго-восточной части наброски. Вероятно, что часть из них сползла по склону. Средние камни распределены равномерно.

* Здесь и до кургана №7 включительно даны антропологические определения, выполненные к.и.н. Д.В. Поздняковым.

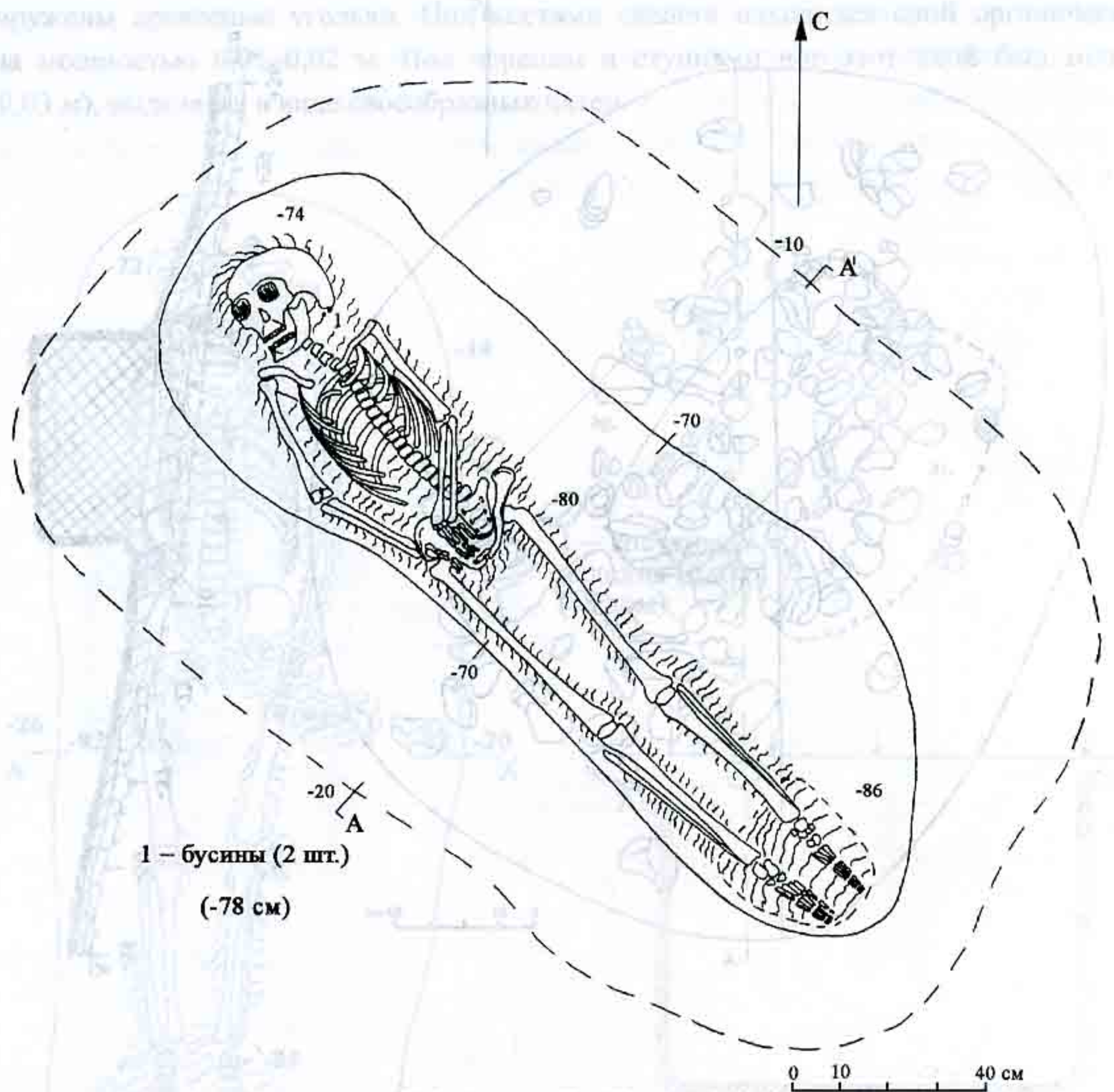

Рис. 11. Усть-Бийке-III. Курган №1. План и разрез могилы

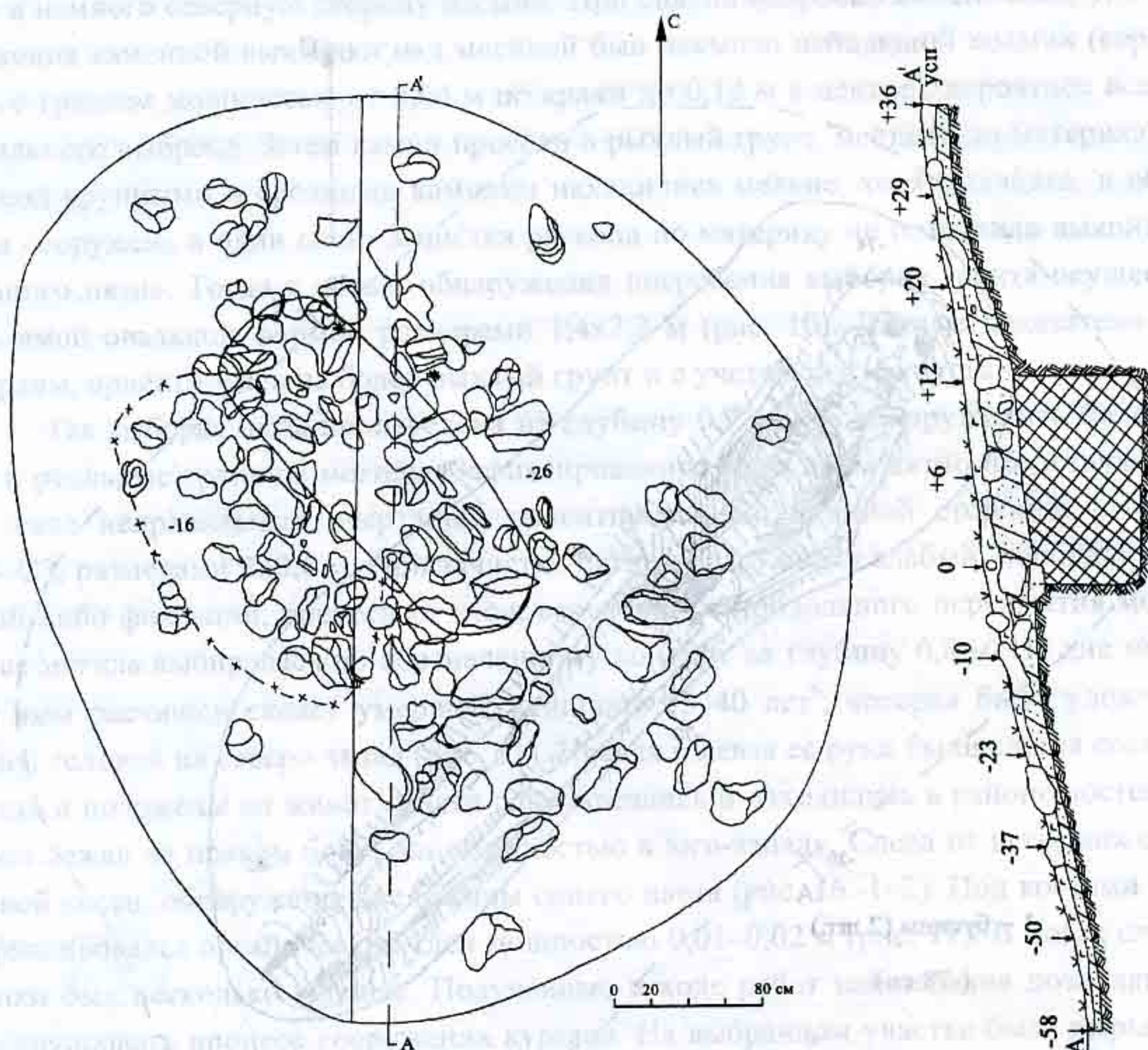

Рис. 12. Усть-Бийке-III. Курган №2. План и разрез

В результате работы установлено, что каменная кладка перекрывала земляную наброску (серая супесь с гравием) мощностью от 0,18 до 0,2 м в центре и 0,06 м по краям. Местами камни просели до уровня материка и кое-где наслоились друг на друга в результате сползания. Зачистка раскопа по материка выявила контур могильной ямы, ориентированной длинной стороной по линии ЮВ-СЗ, размерами 2,16x0,79 м. К юго-западу от него прослежен выброс грунта при рытье могилы. Он имел подовальную форму, размерами 1,95x0,86 м, северо-восточной стороной примыкая к могильному пятну. Мощность зафиксированного выброса составляла до 0,1 м. Выборка могильной ямы осуществлялась на глубину 0,82 м. На дне могилы расчищен скелет женщины 45-50 лет, которая была уложена вытянуто на спине, головой на северо-запад (рис. 13).

Правая рука была согнута в локте так, что кисть оказалась в районе таза. Левая уложена на бедро. Череп слегка развернут лицевой частью на северо-восток. С внешней стороны левого бедра, возле пальцев левой руки расчищено пятно органического тлена мощностью до 3 см, на котором лежало шесть костяных предметов в виде треугольных

стрелок с вырезами в основании (рис. 16.-3-8). У левого колена и у пальцев левой ноги обнаружены древесные угольки. Под костями скелета находился слой органического тлена мощностью 0,01–0,02 м. Под черепом и ступнями ног этот слой был мощнее (до 0,03 м), выделяясь в виде своеобразных пятен.

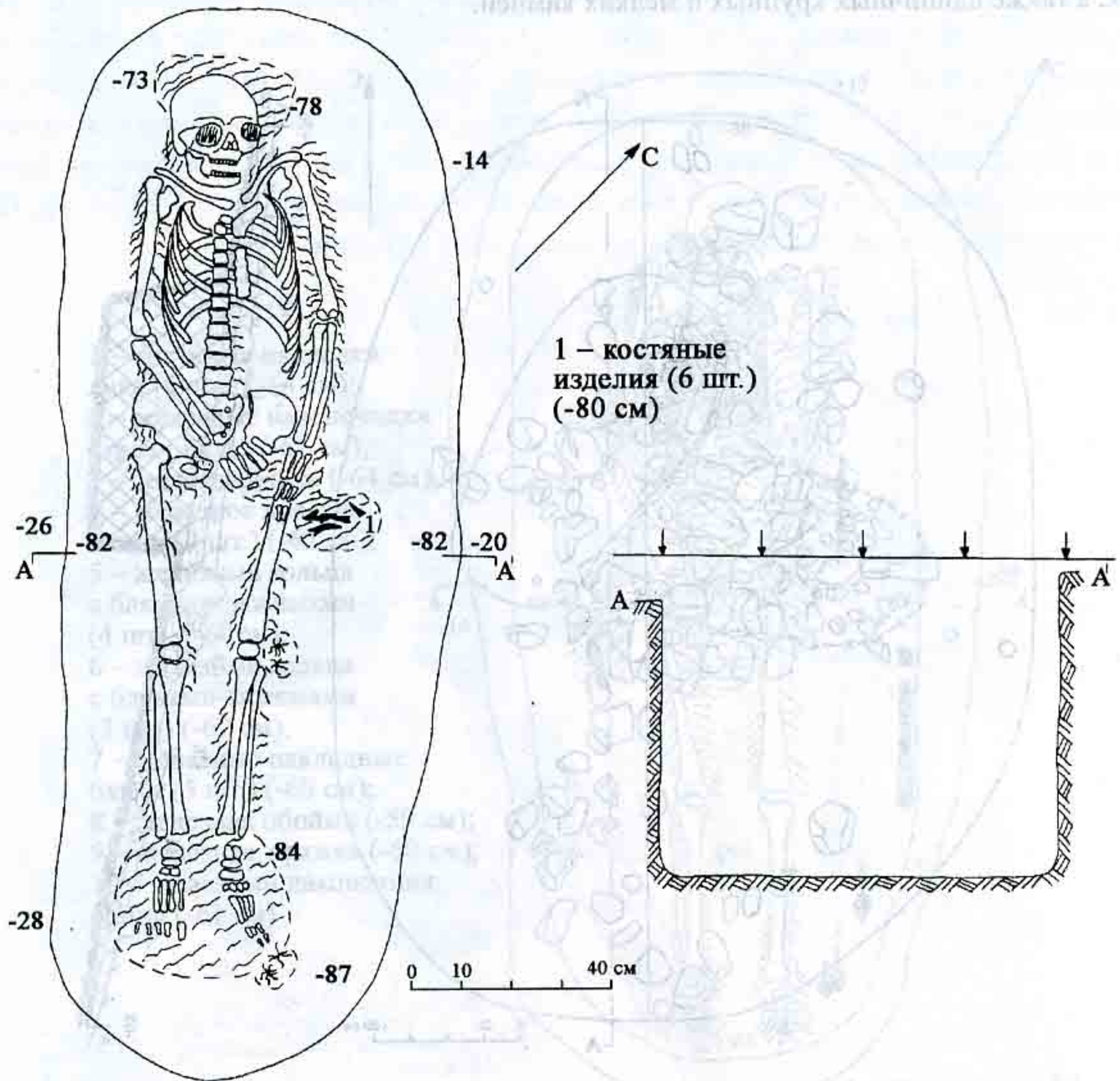

Рис. 13. Усть-Бийке-III. Курган №2. План и разрез могилы

Курган №3 до раскопок представлял выкладку овальной формы, вытянутую по линии ЮЮВ–ССЗ, размерами 4,4x2,8 м, расположенную под наклоном. Перепад высоты с севера на юг – 1,04 м. После снятия дерна и зачистки каменной конструкции (рис. 14) обнаружилась сложная конфигурация выкладки. Компактное скопление камней находилось лишь в центре и состояло из двух примыкающих друг к другу овальных кладок. Оно было ориентировано с юго-запада на северо-восток, имело размеры 1,8x1,5 м. К северо-западу находились три отдельные группы камней, а к югу тянулась цепочка из камней,

поворачивающая к северо-западу и образовавшаяся, по-видимому, при сползании основной выкладки по склону. В западной и северо-восточной частях раскопа находились отдельные мелкие камни. Насыпь образована из крупных и средних валунов, скальных обломков и небольшого числа мелкой гальки и щебня. Центральная часть наброски включала все камни равномерно. Осыпь и отдельные скопления состояли в основном из средних, а также единичных крупных и мелких камней.

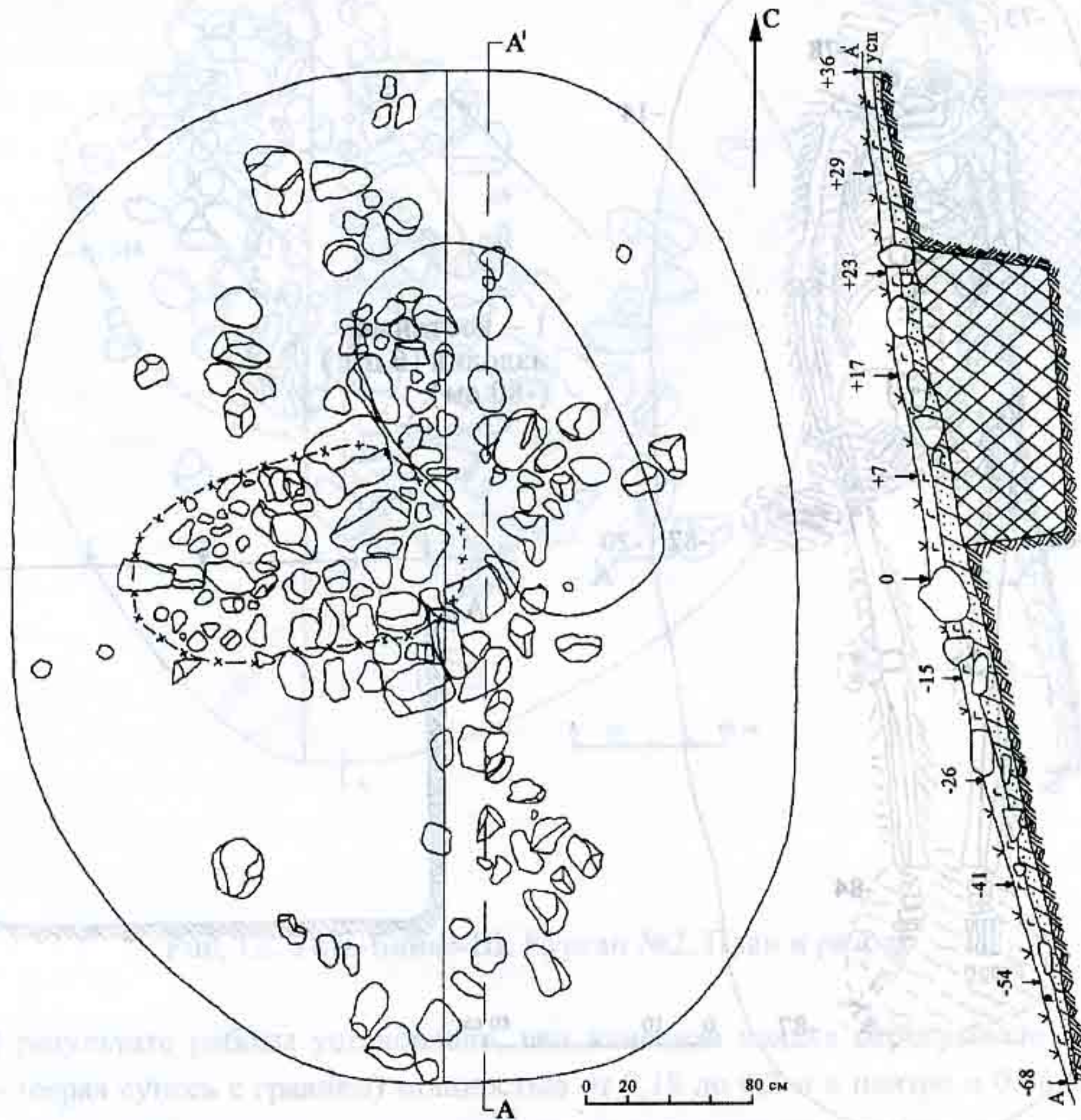

Рис. 14. Усть-Бийке-III. Курган №3. План и разрез

В результате этой работы выяснилось, что каменная кладка перекрывала земляную наброску (серая супесь с гравием) мощностью 0,12 м в центре и 0,04 м по краям. Выкладка оказалась однослойной, местами камни просели до материка. Зачистка раскопа по материка выявила контур могильной ямы, который был овальной формы, ориентирован длинной осью по линии ЮВ–СЗ, размерами 2x0,98 м. С юго-западной стороны зафиксирован могильный выброс, овальной формы, размерами 1,6x0,95 м, мощностью до 0,1 м (рис. 14).

При зачистке могильного пятна, на уровне материка, обнаружены следы тлена от деревянного перекрытия, состоящего из нескольких поперечных и двух продольных плах, которые можно было только зачистить и сфотографировать. Могильная яма была выбрана на глубину 0,64 м. На дне могилы расчищен скелет умершего мужчины 25–30 лет, которого положили вытянуто на спину, головой на северо-запад (рис. 15).

- 1 – костяные накладки лука (4 шт.) (-64 см);
- 2 – железные наконечники стрел (3 шт.) (-67 см);
- 3 – железный нож (-64 см);
- 4 – железное кресало, камни (2 шт.) (-62 см);
- 5 – железные кольца с бляхами-зажимами (4 шт.) (-60 см);
- 6 – железные кольца с бляхами-зажимами (3 шт.) (-62 см);
- 7 – железные накладные бляхи (5 шт.) (-60 см);
- 8 – железная обойма (-59 см);
- 9 – железная пряжка (-60 см);
- 10 – железный наконечник ремня (-61 см)

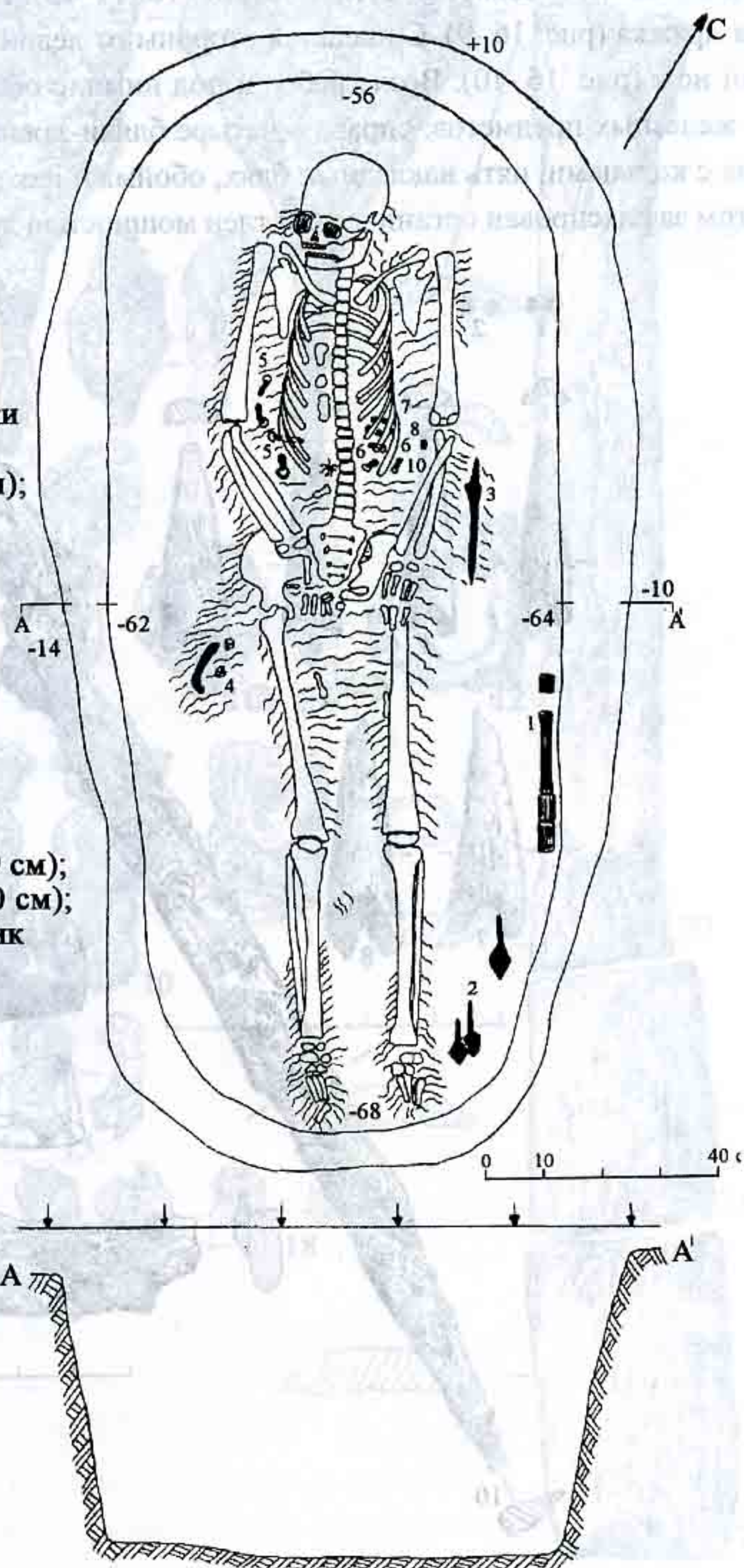

Рис. 15. Усть-Бийке-III. Курган №3. План и разрез могилы

Правая его рука была слегка согнута в локте и находилась в районе таза, левая же лежала на бедре. Череп оказался развернут лицевой частью к юго-западу. Напротив левого бедра, вдоль стенки могилы, сохранились костяные накладки от рукояти сложносоставного лука (рис. 17.-19-22). Ниже них, параллельно берцовой кости, лежали три железных наконечника стрел остриями вниз (рис. 17.-1-3). С внешней стороны правой бедренной кости обнаружено железное кресало и два камня, а под ними находился слой органического тлена, видимо, от сумочки (рис. 16.-11-13). Ниже крестца была расчищена железная пряжка (рис. 16.-9). С внешней стороны от левой локтевой кости зафиксирован железный нож (рис. 16.-10). Возле ребер и под ними, с обеих сторон позвоночника, найдена серия железных предметов: справа – четыре бляхи-зажима с кольцами, слева – три бляхи-зажима с кольцами, пять накладных блях, обойма и наконечник ремня (рис. 17.-4-18). Под скелетом зафиксирован органический тлен мощностью до 0,03 м.

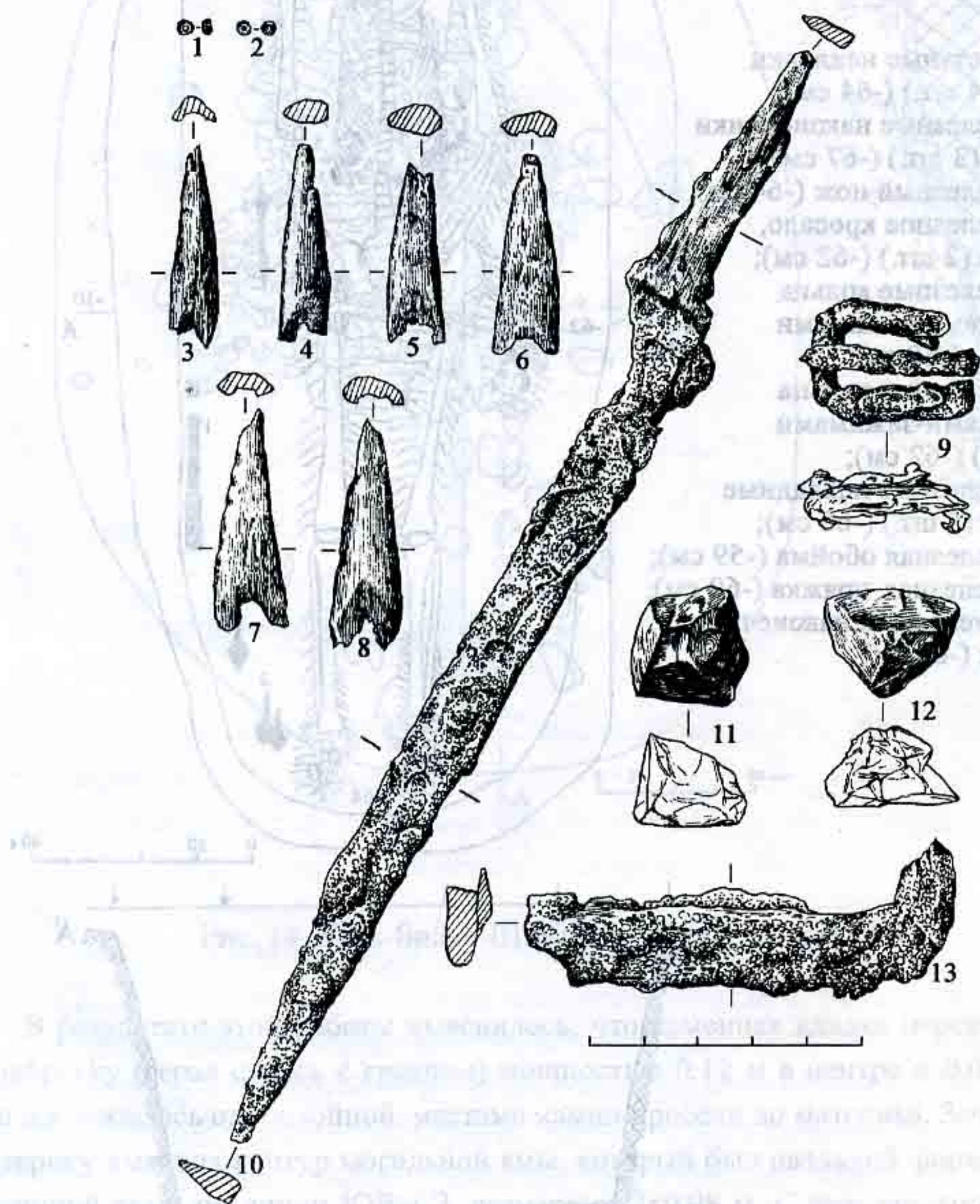

Рис. 16. Усть-Бийке-III. 1, 2 – бусины из кургана №1; 3-8 – костяные изделия из кургана №2; 9-13 – изделия из кургана №3 (9, 10, 13 – железо; 11-12 – камень)

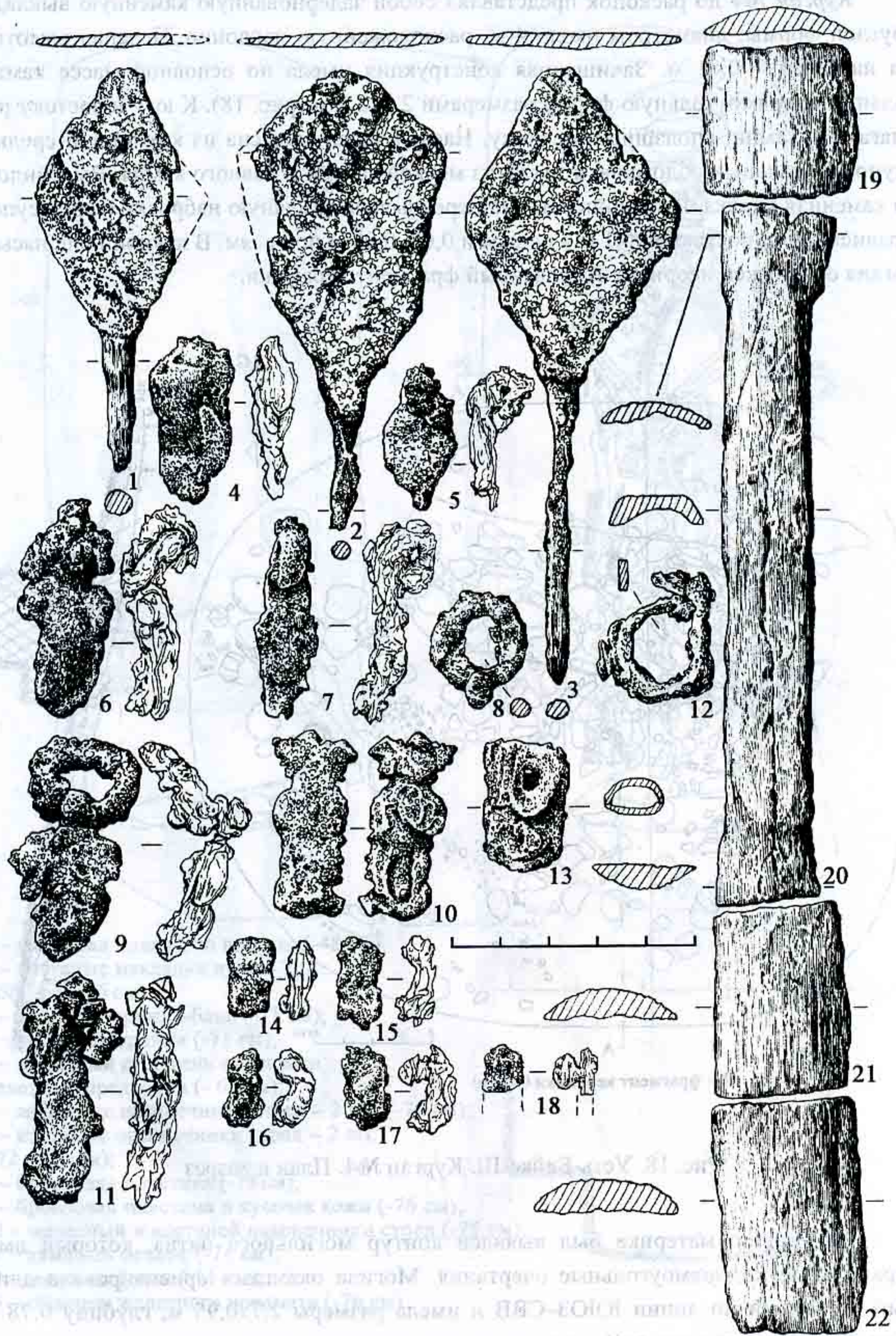

Рис. 17. Усть-Бийке-III. Курган №3. Изделия из железа (1-18) и рога (19-22)

Курган №4 до раскопок представлял собой задернованную каменную выкладку округлой формы, диаметром около 4 м, расположенную наклонно. Перепад высоты с юга на север — 0,81 м. Зачищенная конструкция имела по основной массе камней овально-подпрямоугольную форму размерами 2,8x2,2 м (рис. 18). К югу и востоку располагались камни, сползшие по склону. Насыпь была сложена из крупных и средних валунов и скальных обломков, а также из мелкой гальки и рваного камня. Выяснилось, что каменная кладка однослойная и она перекрывала земляную наброску (серая супесь с гравием), мощностью до 0,1 м в центре и 0,02–0,08 м по краям. В южной поле насыпи кургана обнаружен неорнаментированный фрагмент керамики.

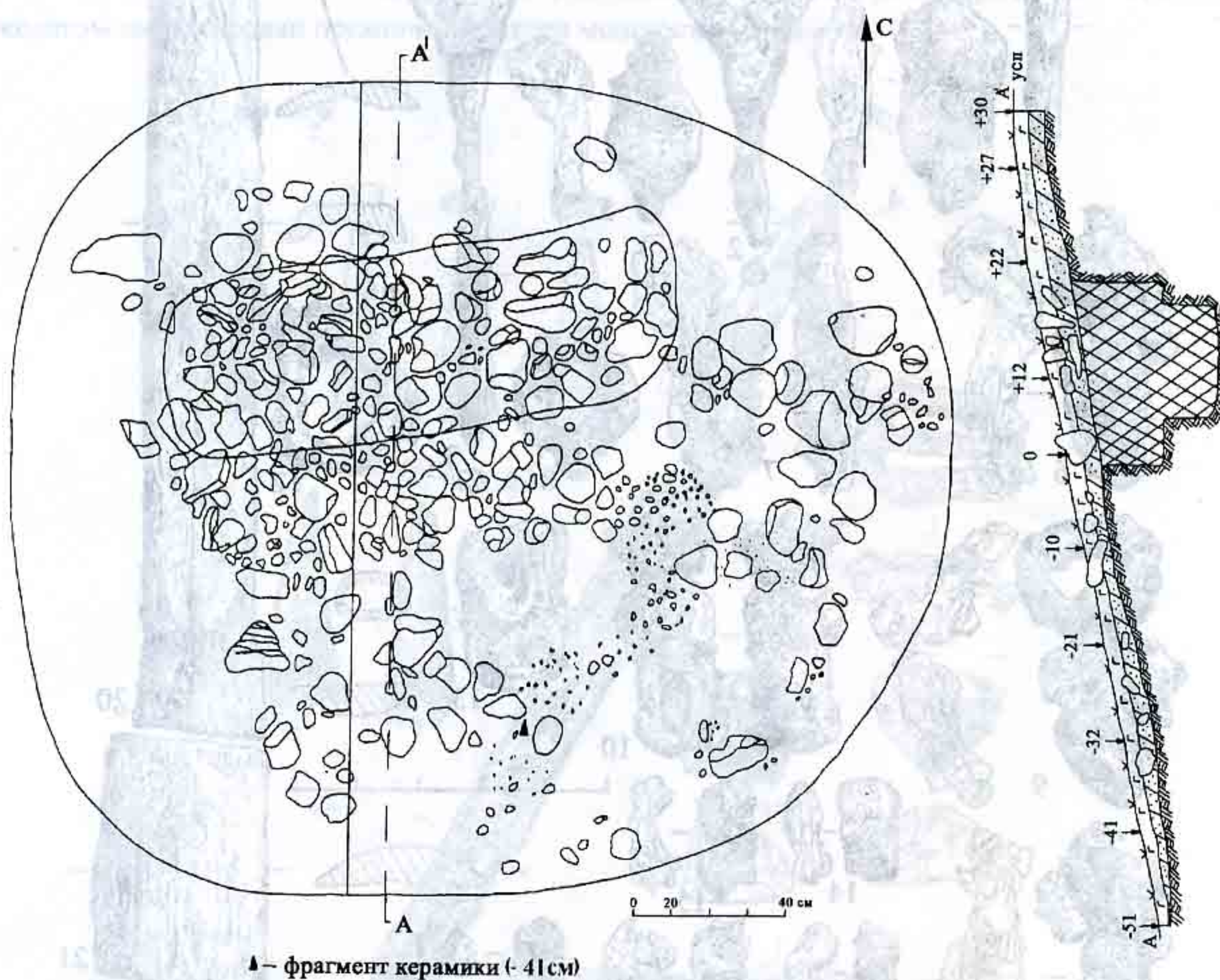
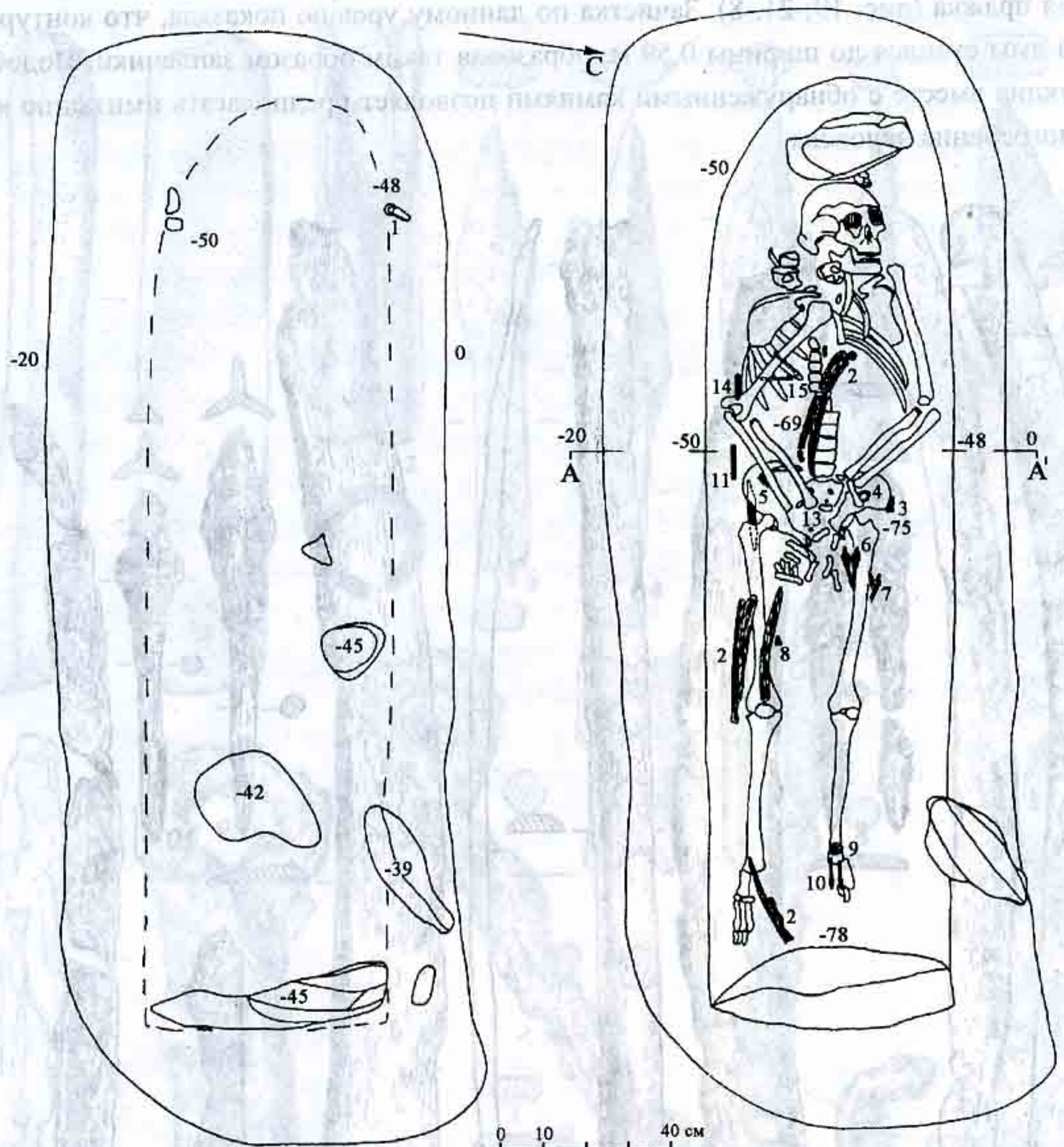

Рис. 18. Усть-Бийке-III. Курбан №4. План и разрез

По уровню материка был выявлен контур могильного пятна, который имел неправильные подпрямоугольные очертания. Могила оказалась ориентирована длинными сторонами по линии ЮЮЗ–СВВ и имела размеры 2,7x0,95 м, глубину 0,78 м. Стоит заметить, что хорошим ориентиром для выявления пятна могилы на зачищенной материковой поверхности был достаточно большой камень, стоявший с восточной стороны.

- 1 – железная пряжка со щитком (-48 см);
- 2 – костяные накладки лука – 7 шт. (-68, -66, -76 см);
- 3 – костяная пряжка-блок (-71 см);
- 4 – железная пряжка (-71 см);
- 5 – железный стержень и обломки железных предметов (-66 см);
- 6 – железные наконечники стрел – 2 шт. (-70 см);
- 7 – костяные наконечники стрел – 2 шт. (-72, -77 см);
- 8 – бронзовая пластика (-73 см);
- 9 – бронзовая пластина и кусочек кожи (-76 см);
- 10 – железный и костяной наконечники стрел (-75 см);
- 11 – каменный оселок (-74 см);
- 12 – железный нож (-71 см);
- 13 – обломок железного предмета (-76 см)

Рис. 19. Усть-Бийке-III. Курган №4. Планы и разрез могилы

При выборке заполнения могильной ямы на глубине 0,5 м обнаружались камни и железная пряжка (рис. 19; 21.-8). Зачистка по данному уровню показала, что контур могильной ямы сузился до ширины 0,59 м, образовав таким образом заплечики. Подобная конструкция вместе с обнаруженными камнями позволяет предполагать имитацию ящика для погребения человека.

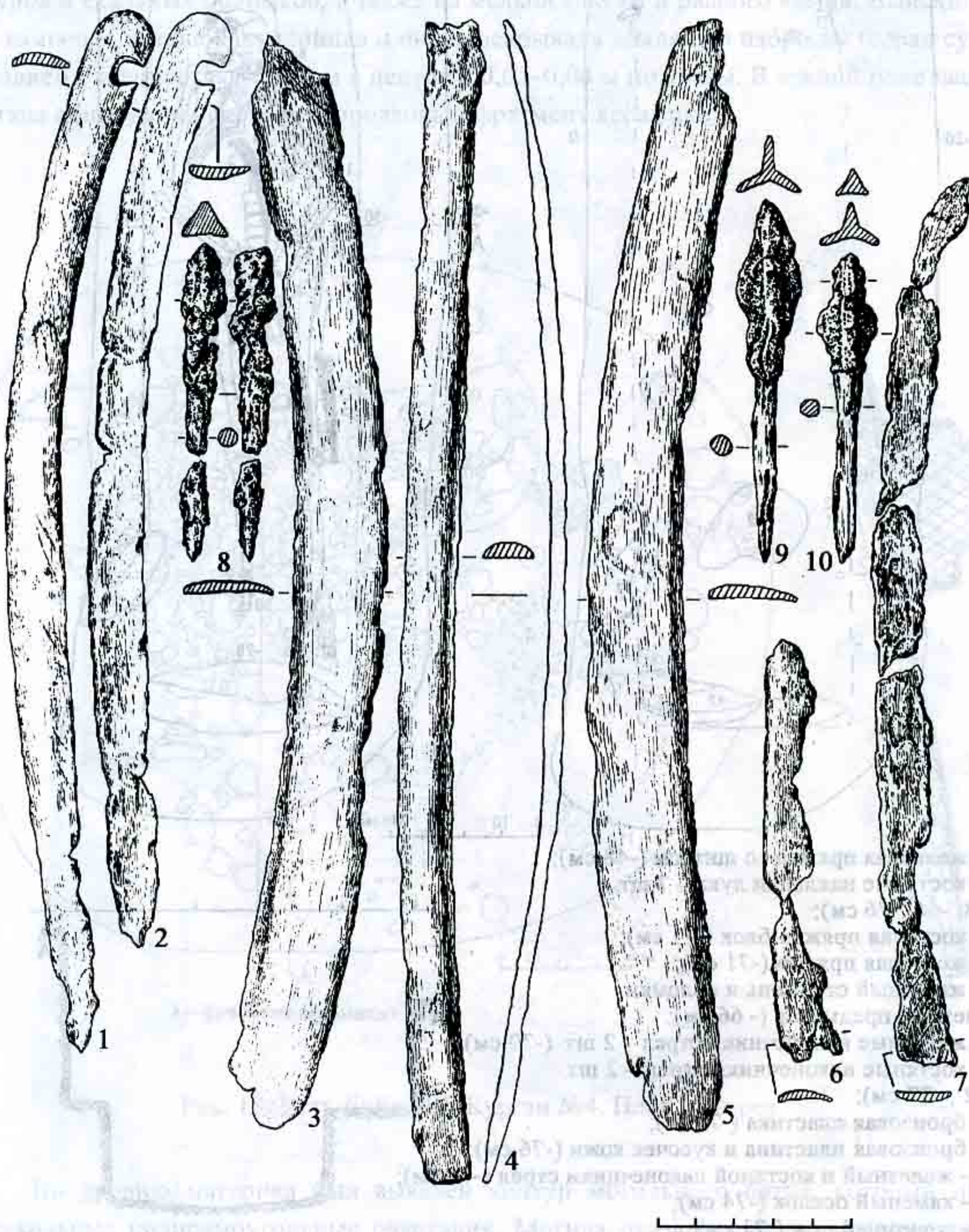

Рис. 20. Усть-Бийке-III.Курган №4. 1-7 – костяные накладки лука;
8-10 – железные наконечники стрел

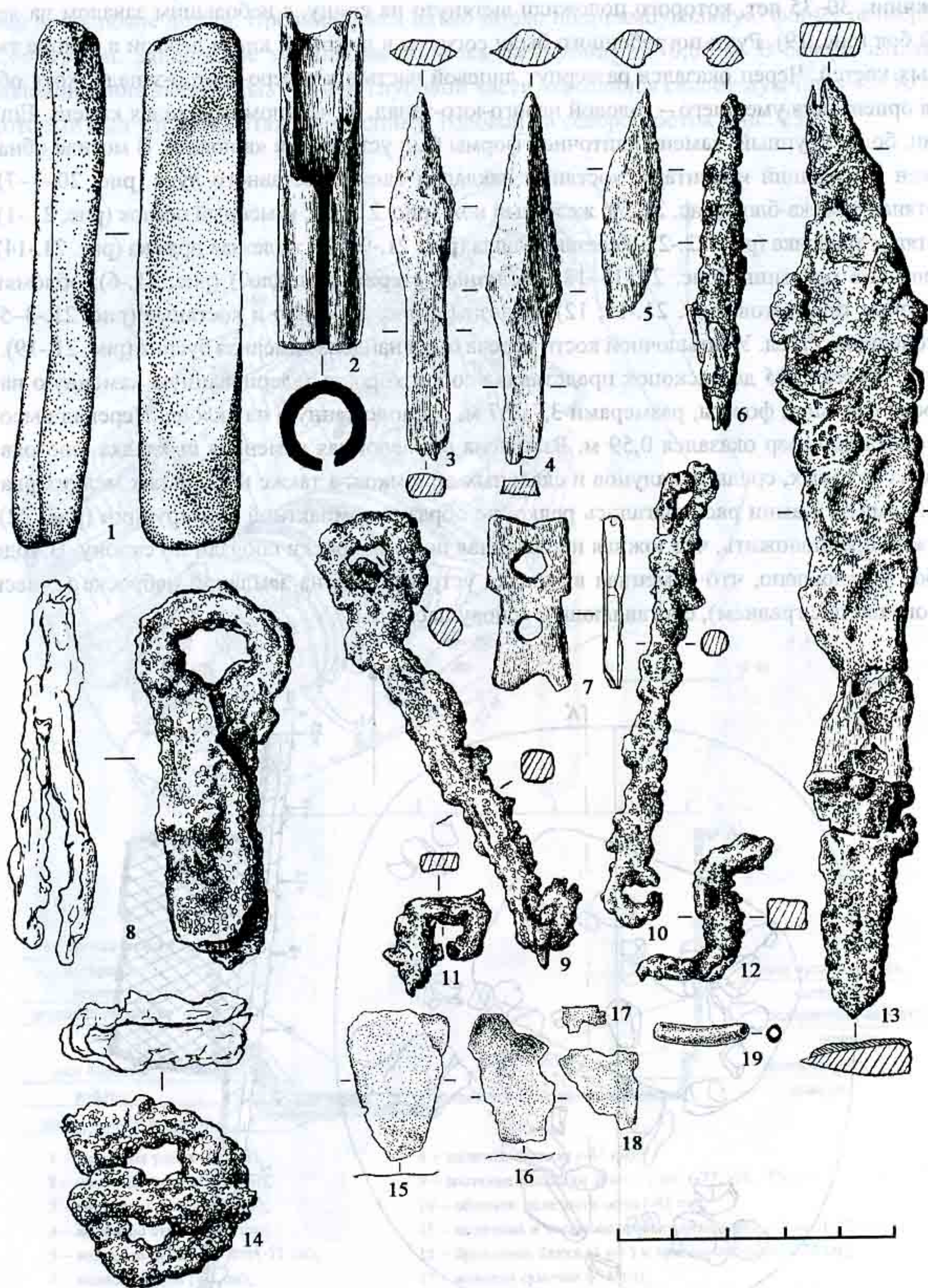

Рис. 21. Усть-Бийке-III. Курган №4. Погребальный инвентарь: 1, 19 – камень; 2-5, 7 – кость; 6, 8-14 – железо; 15-18 – бронза

На дне могилы, глубина которой составила от 0,69 до 0,78 м, был расчищен скелет мужчины 30–35 лет, которого положили вытянуто на спину, с небольшим завалом на левый бок (рис. 19). Руки погребенного были согнуты в локтях, а кисти лежали в районе тазовых костей. Череп оказался развернут лицевой частью к северо-северо-западу, хотя общая ориентация умершего – головой на юго-юго-запад. За черепом находился камень. Еще один, более крупный, камень плиточной формы был установлен «в ногах». В могиле обнаружен следующий инвентарь: костяные накладки сложносоставного лука (рис. 20.-1–7); костяная пряжка-блок (рис. 21.-7); железный нож (рис. 21.-13); каменный оселок (рис. 21.-1); костяная трубочка (рис. 22.-2); железные удила (рис. 21.-9, 10); железная пряжка (рис. 21.-14); бронзовые пластины (рис. 21.-15–18); железный стержень (шило?) (рис. 21.-6); обломки железных предметов (рис. 21.-11, 12), железные (рис. 20.-8–10) и костяные (рис. 21.-3–5) наконечники стрел. У затылочной кости черепа была найдена каменная бусина (рис. 21.-19).

Курган №5 до раскопок представлял собой хорошо задернованную каменную наброску овальной формы, размерами 3,7х2,7 м, расположенную на склоне. Перепад высоты с юга на север оказался 0,59 м. Выявлена однослойная каменная выкладка, состоявшая из крупных, средних валунов и скальных обломков, а также нескольких мелких равных камней. Камни располагались редко, не образуя компактной конструкции (рис. 22). Можно предположить, что южная и восточная полы наброски сползли по склону. В ходе работ установлено, что каменная выкладка устраивалась на земляной наброске (супесь серого цвета с гравием), составляющей основу насыпи.

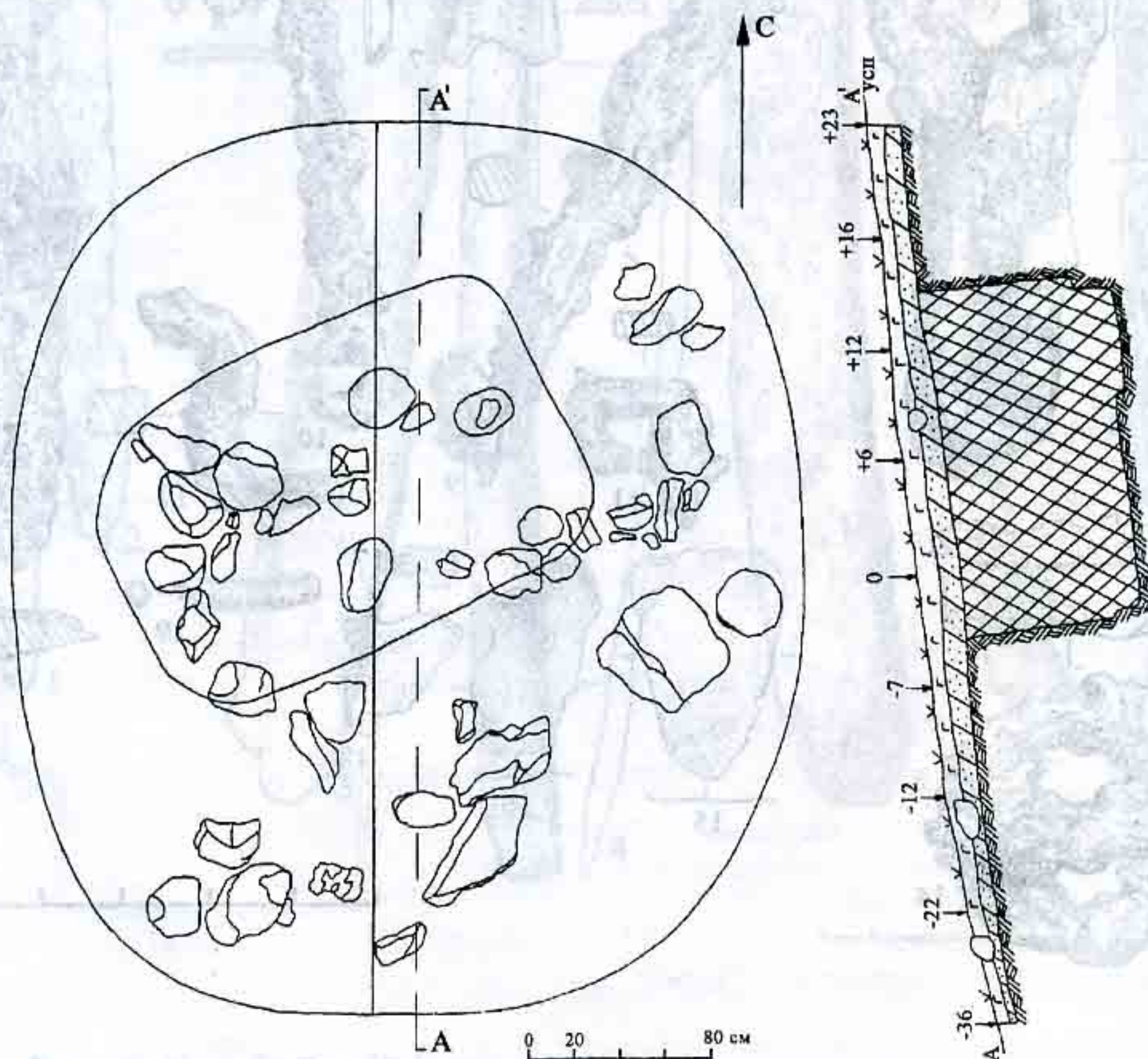
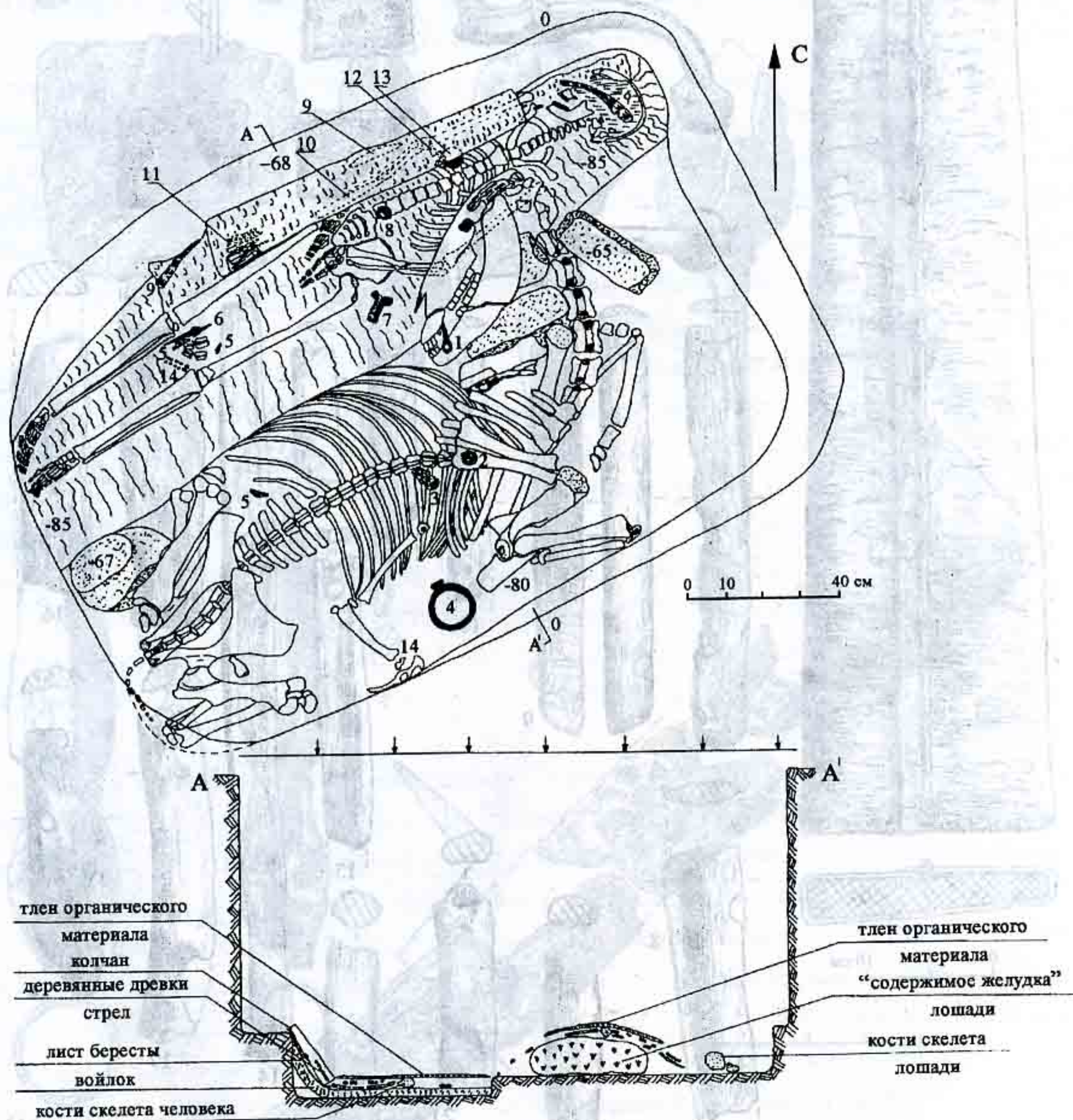

Рис. 22. Усть-Бийке-III. Курган №5. План и разрез

Зачистка раскопа по матерiku не выявила контур могильного пятна. Он стал виден лишь после дождя. Проявившееся пятно имело подпрямоугольную форму размерами 2,06x1,42 м. Заполнение могилы выбиралось на глубину до 0,85 м. В северо-западной половине могильной ямы, в самой глубокой части, находился скелет мужчины 45–50 лет, который был уложен вытянуто на спину, головой на северо-восток (рис. 23).

- 1 – железные удила (-70 см);
- 2 – железная пряжка (-68 см);
- 3 – костяная пряжка (-68 см);
- 4 – железное стремя (-79 см);
- 5 – костяные цурки – 3 шт. (-72 см);
- 6 – железный нож (-73 см);
- 7 – изделие из железа и кости (-82 см);

- 8 – железная пряжка (-81 см);
- 9 – костяные накладки лука – 6 шт. (-77, -71, -73 см);
- 10 – обломок железного меча (-81 см);
- 11 – железные и костяные наконечники стрел – 7 шт. (-77 см);
- 12 – бронзовые бляхи (5 шт.) и крючок-застежка (-75 см);
- 13 – кожаная сумочка (-78 см);
- 14 – кости овцы (-70 см)

Рис. 23. Усть-Бийке-III. Курган №5.

Захоронение человека с конем в могильной яме и их разрез

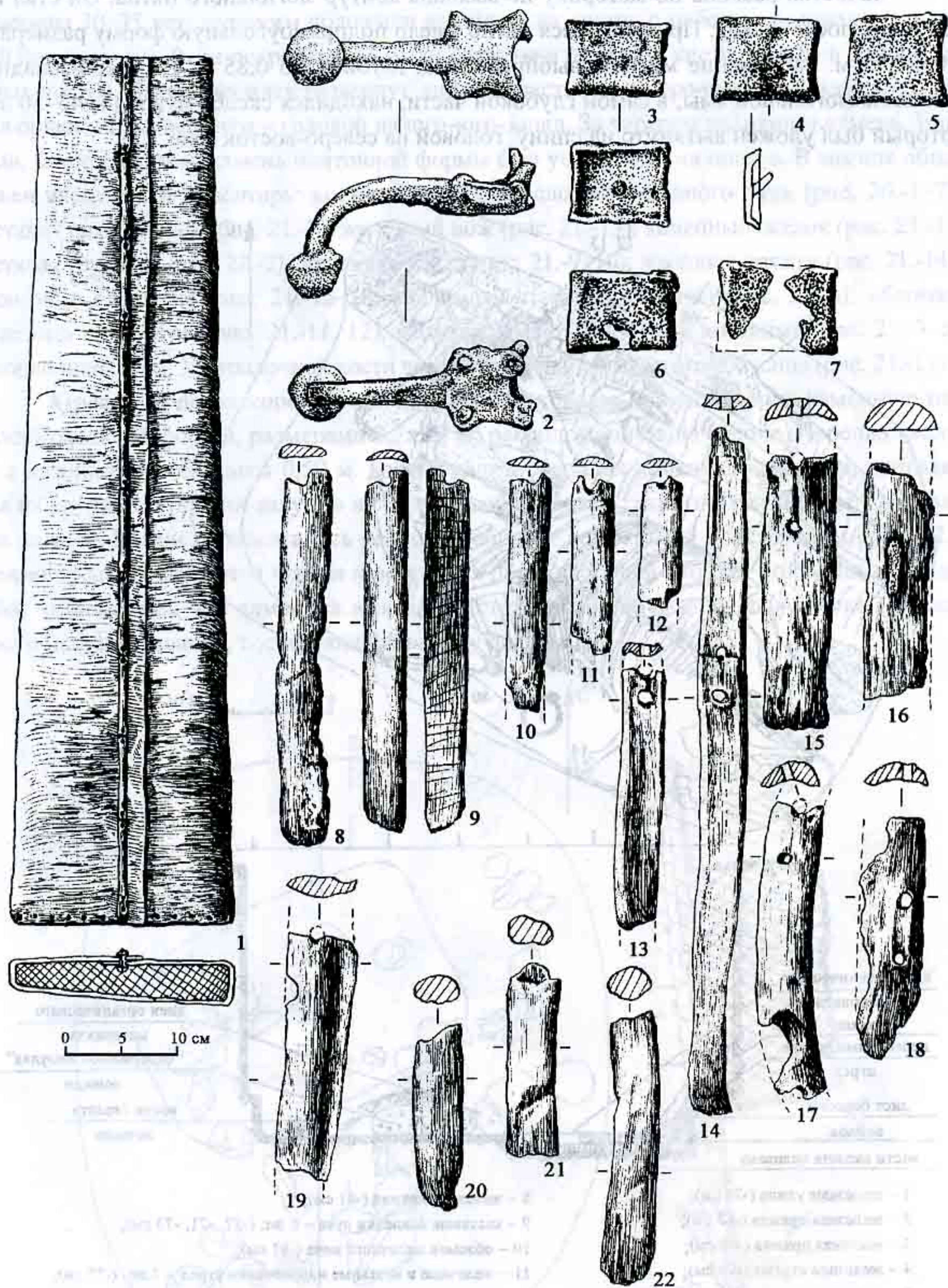

Рис. 24. Усть-Бийке-III. Курган №5. 1 – реконструкция колчана из бересты; 2 – бронзовый крючок-застежка; 3–7 – бляхи-накладки от пояса из цветного металла; 8–19 – костяные и деревянные накладки на колчан; 20–22 – фрагменты древков стрел

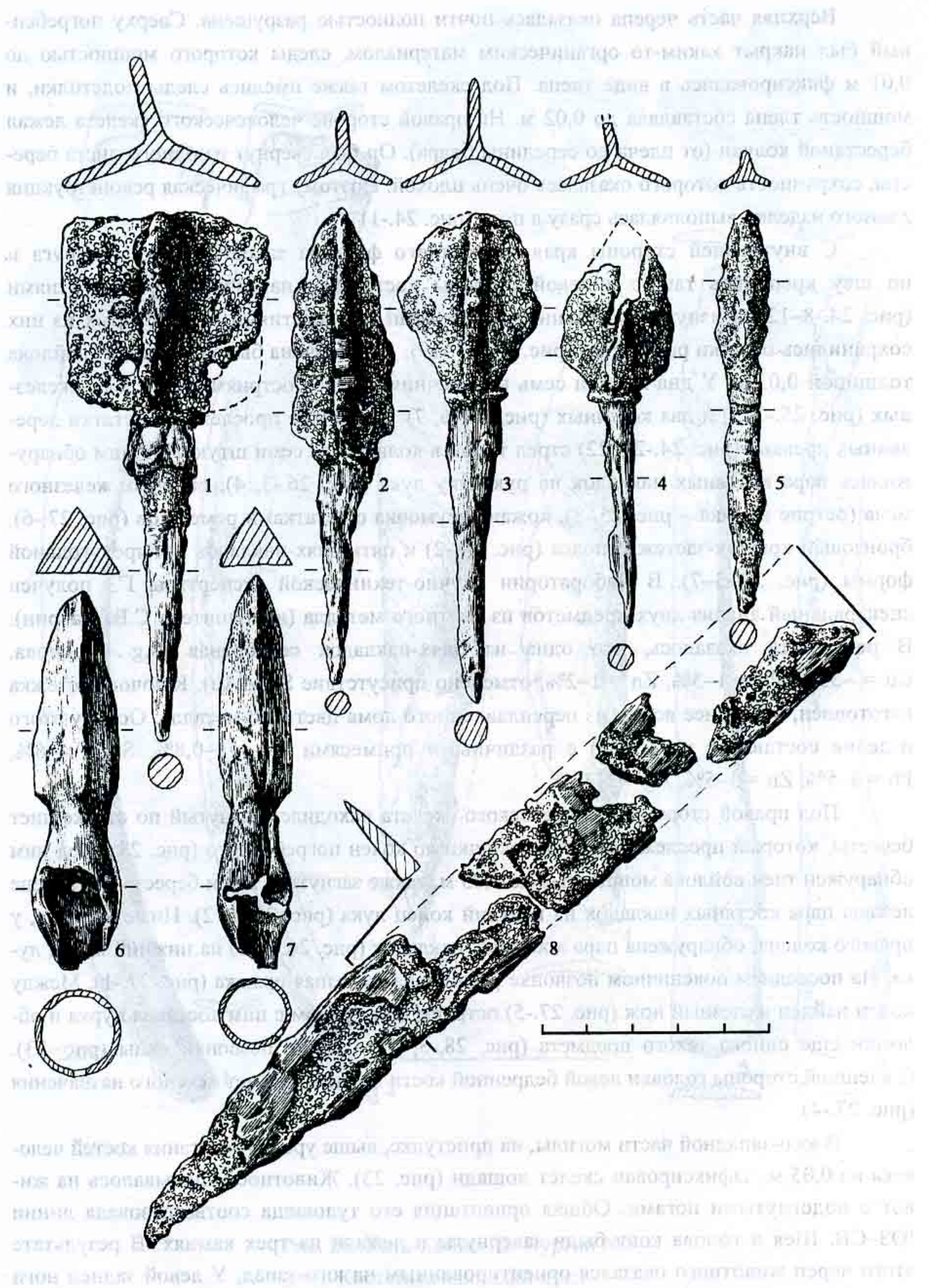

Рис. 25. Усть-Бийке-III. Курган №5. 1-5 – железные наконечники стрел;
6, 7 – костяные наконечники стрел; 8 – обломок железного меча

Верхняя часть черепа оказалась почти полностью разрушена. Сверху погребенный был накрыт каким-то органическим материалом, следы которого мощностью до 0,01 м фиксировались в виде тлена. Под скелетом также имелись следы подстилки, и мощность тлена составляла до 0,02 м. На правой стороне человеческого скелета лежал берестяной колчан (от плеча до середины бедра). Он был свернут из одного листа бересты, сохранность которого оказалась очень плохой. Поэтому графическая реконструкция данного изделия выполнялась сразу в поле (рис. 24.-1).

С внутренней стороны края берестяного футляра заходили друг за друга и по шву крепились так: с лицевой стороны костяными накладками с отверстиями (рис. 24.-8-12), а изнутри деревянными планками с отверстиями (в некоторых из них сохранились остатки ремешков) (рис. 24.-13-19). Дно колчана было сделано из войлока толщиной 0,03 м. У дна лежали семь наконечников стрел остриями вниз: пять железных (рис. 25.-1-5) и два костяных (рис. 25.-6, 7). В колчане прослежены остатки деревянных древков (рис. 24.-20-22) стрел также в количестве семи штук. Под ним обнаружилась пара костяных накладок на рукоятку лука (рис. 26.-3, 4), обломок железного меча (острие клинка – рис. 25.-8), кожаная сумочка с остатками ремешков (рис. 27.-6), бронзовый крючок-застежка пояса (рис. 24.-2) и пять блях-накладок четырехугольной формы (рис. 24.-3-7). В Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ получен спектральный анализ двух предметов из цветного металла (исполнитель С.В. Хаврин). В результате оказалось, что одна из блях-накладок серебряная (Ag – основа, Cu = ~35%, Pb = 1-3%, Zn = 1-2%, отмечено присутствие Sn и Au). Крючок-застежка изготовлен, вероятнее всего, из переплавленного лома цветного металла. Основу этого изделия составляет медь (Cu) с различными примесями (As = ~0,8%, Sn = 4-6%, Pb = 3-5%, Zn = 3-5%, Ag = 2-3%).

Под правой стороной человеческого скелета находился загнутый по стенке лист бересты, который прослеживался от макушки до колен погребенного (рис. 23). Под ним обнаружен тлен войлока мощностью до 0,03 м, также загнутый, как и береста. На черепе лежала пара костяных накладок на верхний конец лука (рис. 26.-1, 2). Ниже колчана, у правого колена, обнаружена пара костяных накладок (рис. 26.-5, 6) на нижний конец лука. На последнем поясничном позвонке расчищена железная пряжка (рис. 27.-1). Между колен найден железный нож (рис. 27.-5) острием вниз, рядом с ним костяная цурка и обломки еще одного такого предмета (рис. 28.-3, 4), а также позвонки овцы (рис. 23). С внешней стороны головки левой бедренной кости найден предмет неясного назначения (рис. 27.-4).

В юго-западной части могилы, на приступке, выше уровня залегания костей человека на 0,05 м, зафиксирован скелет лошади (рис. 23). Животное укладывалось на живот с подогнутыми ногами. Общая ориентация его туловища соответствовала линии ЮЗ-СВ. Шея и голова коня были завернуты и лежали на трех камнях. В результате этого череп животного оказался ориентированным на юго-запад. У левой задней ноги отмечен установленный валун.

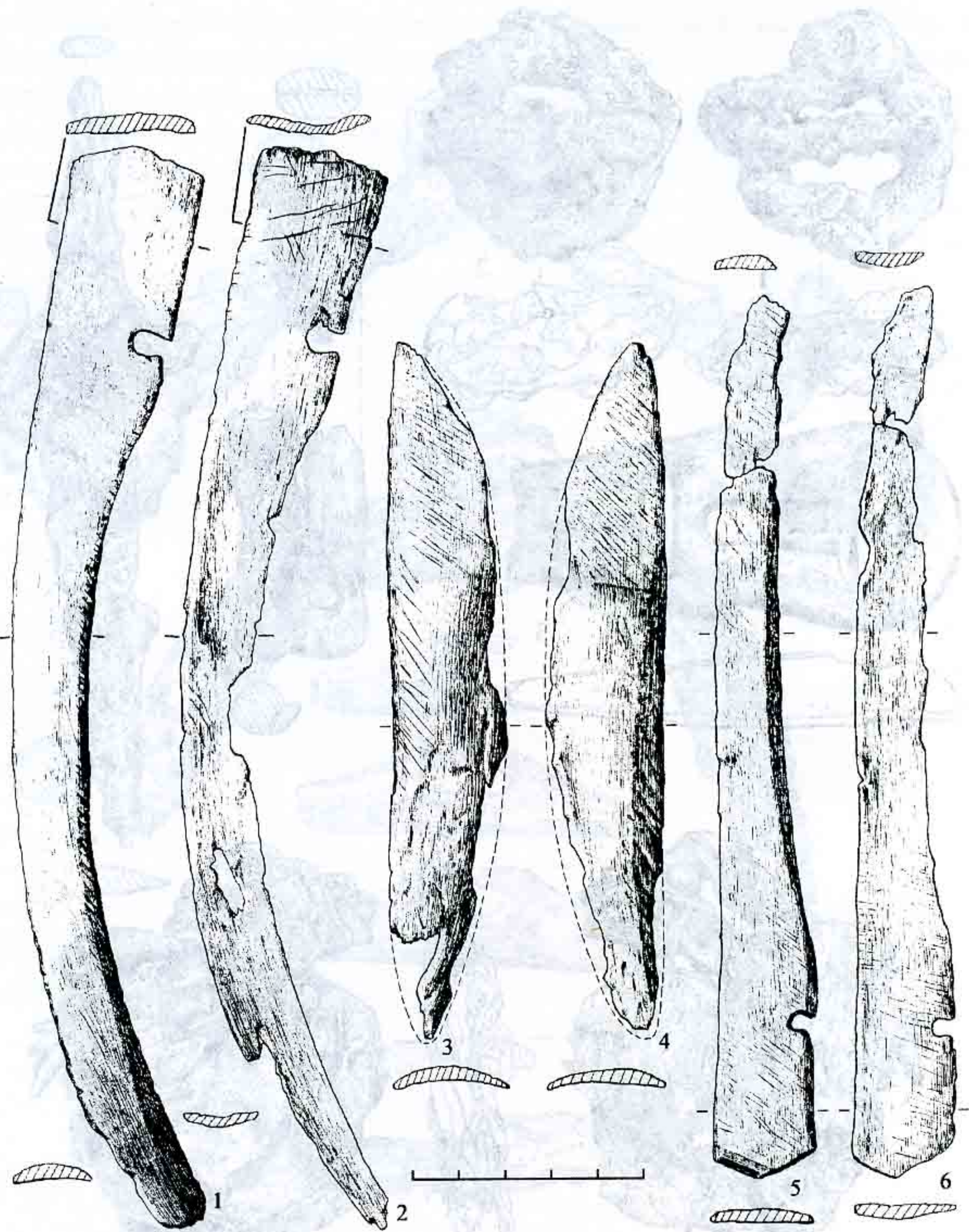

Рис. 26. Усть-Бийке-III. Курган №5.

Костяные накладки лука

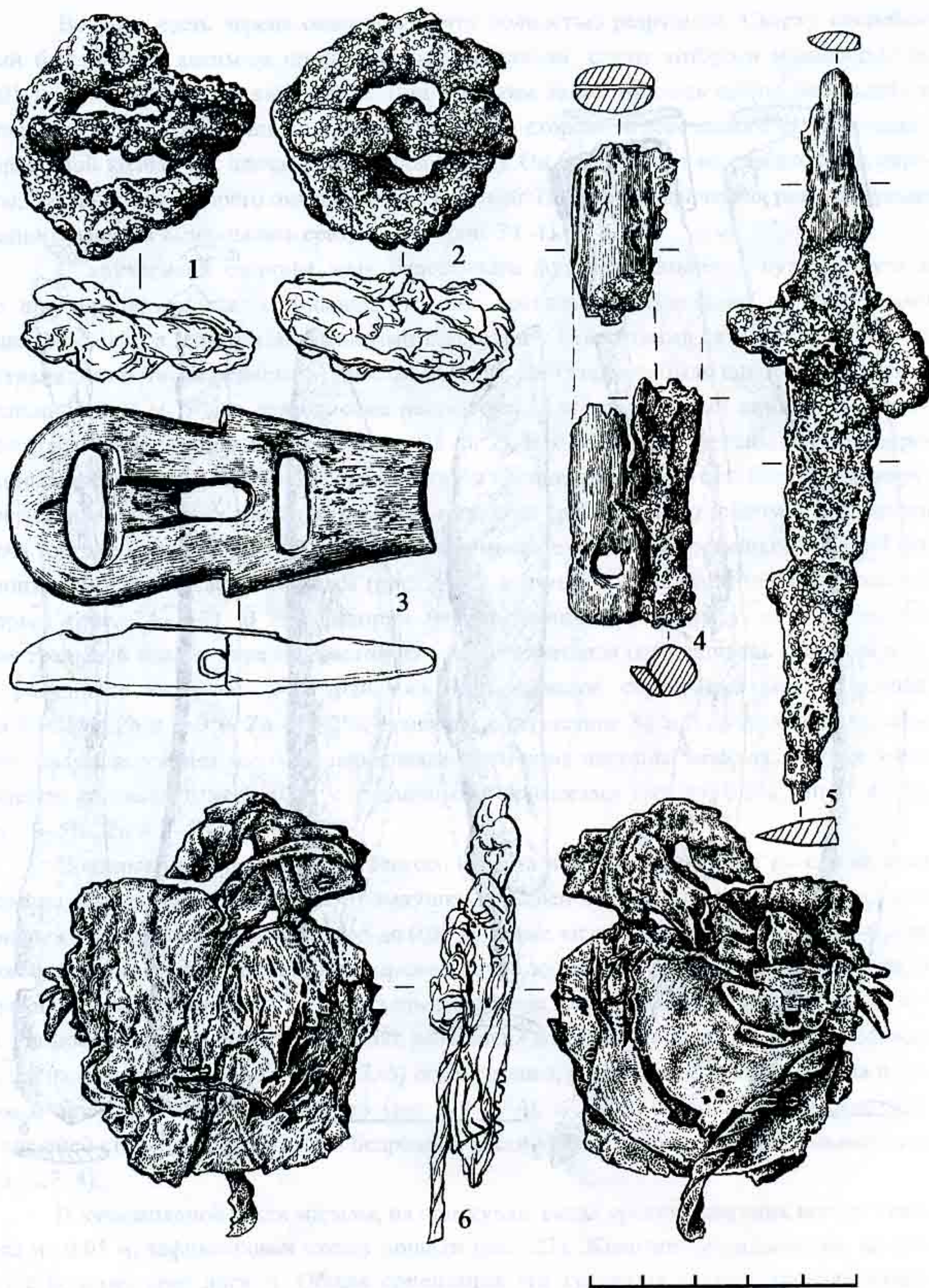

Рис. 27. Усть-Бийке-III. Курган №5. 1-2 – железные пряжки; 3 – роговая пряжка; 4 – предмет неясного назначения (кость, железо); 5 – железный нож; 6 – кожаная сумочка

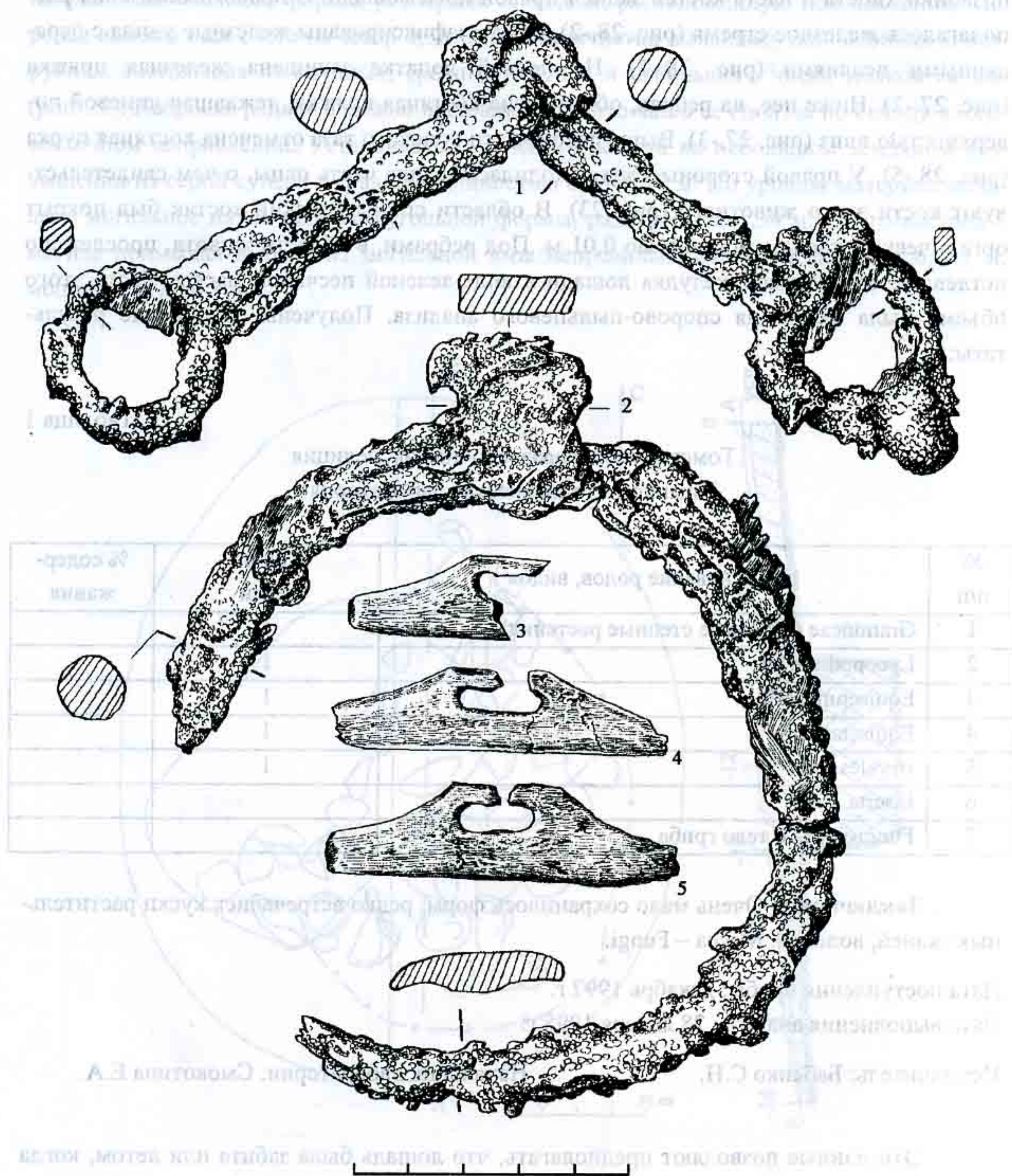

Рис. 28. Усть-Бийке-III. Курган №5. 1 – железные удила с остатками деревянных псалий; 2 – железное стремя; 3–5 – костяные цурки и обломок аналогичного предмета

Юго-западный угол могильной ямы имел небольшой подбойчик, где находились позвонки хвоста и часть костей задней правой ноги лошади. С правого бока коня располагалось железное стремя (рис. 28.-2), во рту зафиксированы железные удила с деревянными псалиями (рис. 28.-1). На правой лопатке зачищена железная пряжка (рис. 27.-2). Ниже нее, на ребрах, обнаружена костяная пряжка, лежавшая лицевой поверхностью вниз (рис. 27.-3). Выше левой части конского таза отмечена костяная цурка (рис. 28.-5). У правой стороны коня находилась задняя часть овцы, о чем свидетельствуют кости этого животного (рис. 23). В области спины конский костяк был покрыт органическим тленом мощностью 0,01 м. Под ребрами, в области живота, прослежено истлевшее содержимое желудка лошади в виде зеленой песчаной массы. Часть этого объема была взята для спорово-пыльцевого анализа. Получены следующие результаты:

Таблица 1

Томская геологоразведочная экспедиция
Химико-литологическая лаборатория

№ п/п	Наименование родов, видов	Кол-во зерен	% содержания
1	Gramineae (злаковые степные растения)	4	
2	Lycopodium sp	1	
3	Equisetum sp	1	
4	Equisetacea	1	
5	Bryales sp	1	
6	Inserta sedis		
7	Fungi-гифы и тело гриба		

Заключение: Очень мало сохранилось форм, редко встречались куски растительных тканей, волокна. Масса – Fungi.

Дата поступления пробы: декабрь 1997 г.

Дата выполнения анализа: 28 января 1998 г.

Исполнитель: Бабенко С.Н.

Начальник лаборатории: Смокотина Е.А.

Эти данные позволяют предполагать, что лошадь была забита или летом, когда паслась на злаковых лугах в период цветения растений (июль-август), или в зимне-весенний период, если ее кормили сеном, заготовленным в указанный срок. В какой-то мере в пользу первого указания свидетельствуют обнаруженные немногочисленные показатели влаголюбивых форм флоры. Но для более весомых выводов необходима серия подобных определений и сравнительных анализов. В данном случае лишь продемонстрирована возможность подобной работы.

Курган №6 до раскопок представлял собой задернованную каменную наброску неправильно-овальной формы, размерами 2,7x1,6 м, расположенную под наклоном. Перепад высоты был с юга на север 0,36 м. После зачистки выявилась однослойная конструкция, состоявшая из крупных, средних валунов и небольшого числа мелкой гальки (рис. 29). Наброска редкая и можно предположить, что часть ее сползла по склону в юго-восточном направлении. Установлено, что камни лежали на небольшом земляном возвышении из серой супеси с гравием мощностью 0,05–0,17 м. По уровню материка выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, размерами 2x1,34 м. С юго-востока к могиле примыкал выброс из могильной ямы неправильно-овальной формы 2,6x1,7 м, мощностью до 0,1 м.

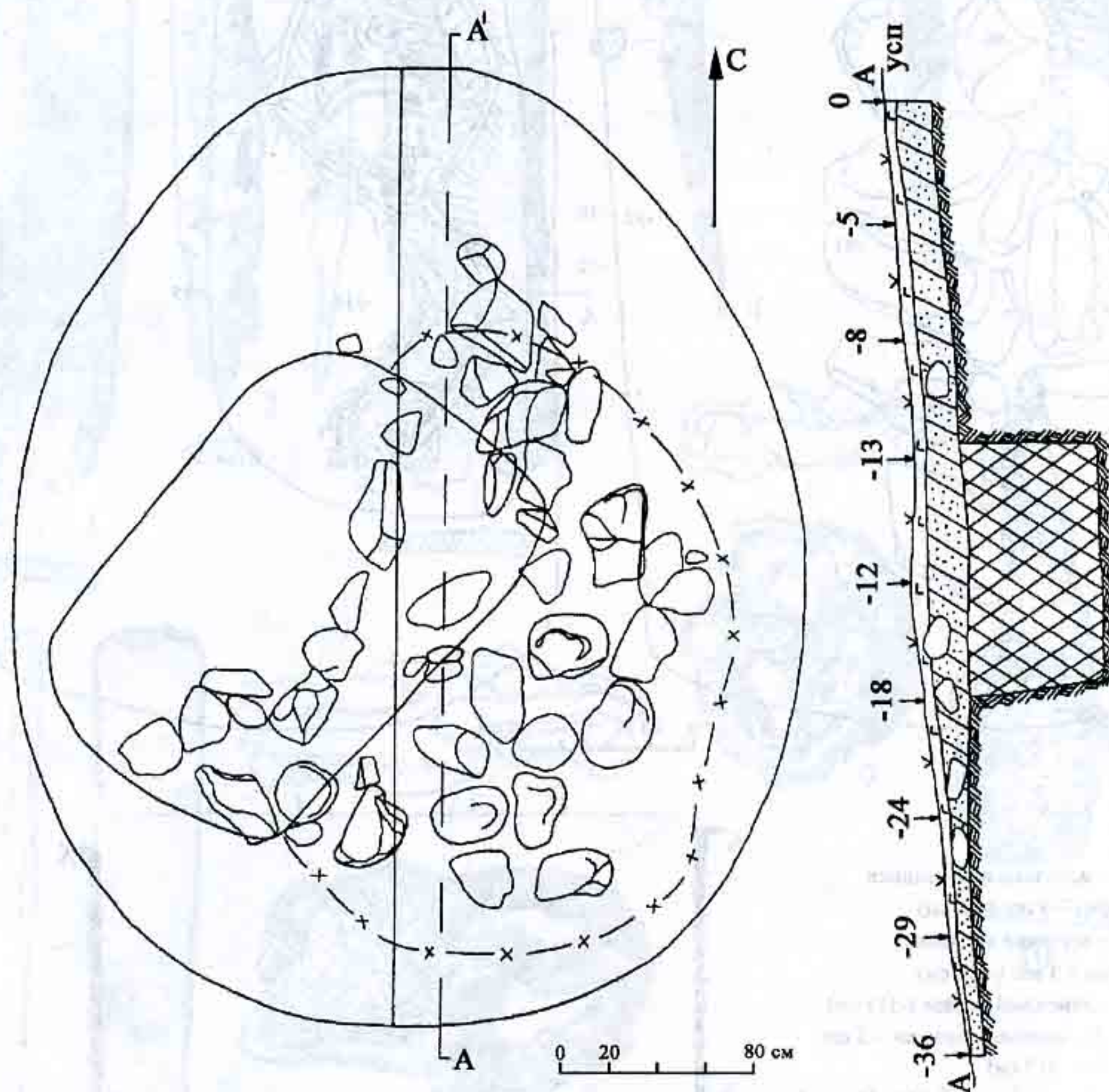
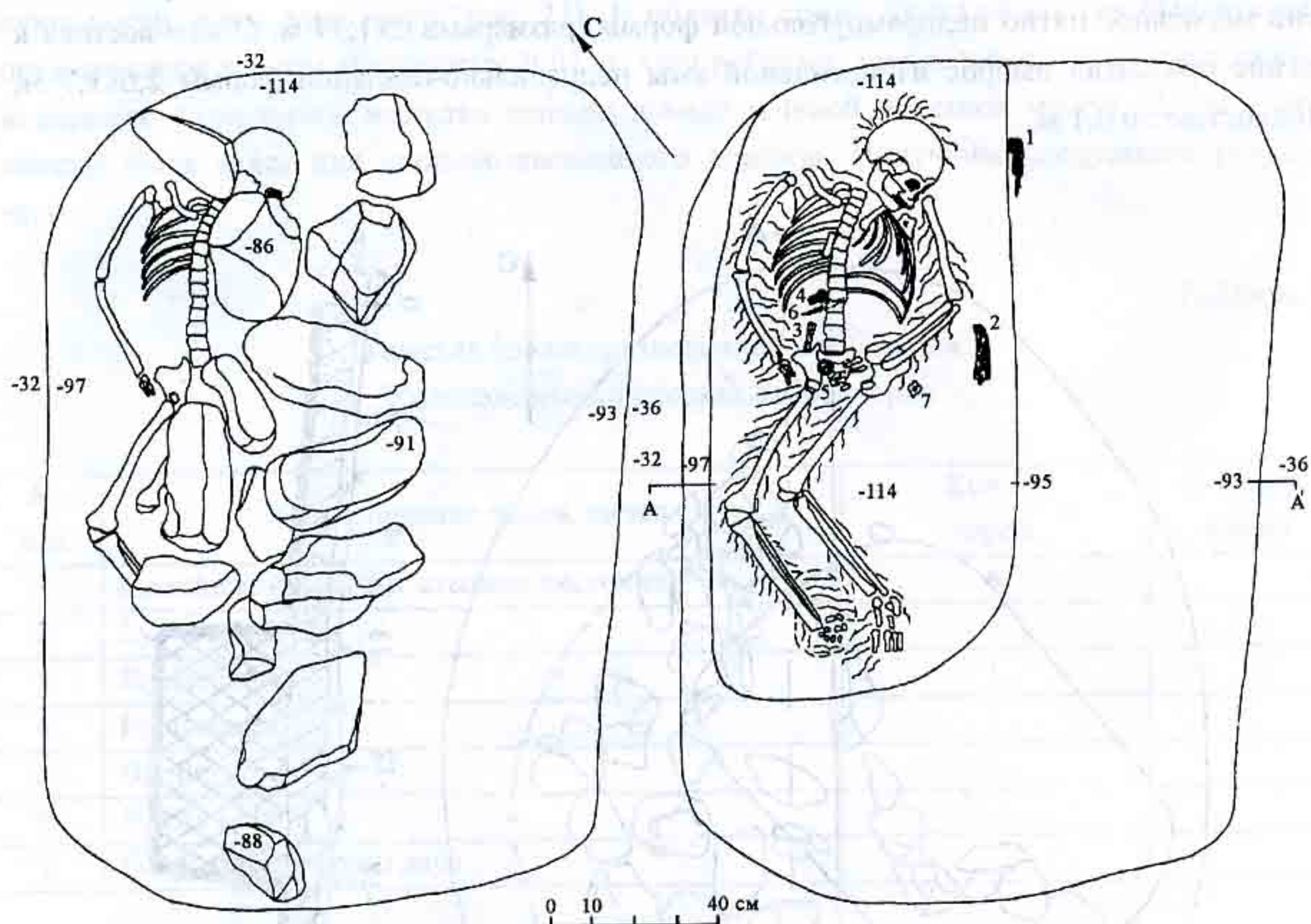

Рис. 29. Усть-Бийке-III. Курган №6. План и разрез

В заполнении могилы на глубине от 0,86 до 0,91 м была зачищена выкладка из крупных валунов, семь из которых образовывали перегородку могилы по линии ЮЗ–СВ (рис. 30). Пара камней средних размеров служила в качестве контрфорсов более крупным, а еще пять валунов находились над скелетом человека, перекрывая его изначально

или скатившись с перегородки. В северо-западной части могилы находилось углубление, в которое уложен умерший мужчина 55–60 лет с подогнутыми в коленях ногами, на спину, головой на северо-восток (рис. 30). Руки были согнуты в локтях. Череп лежал на левом боку, лицевой частью к югу. Пальцы правой руки отсутствовали. Под скелетом отмечен органический тлен мощностью 0,02 м, более плотный он был у костей ступни правой ноги.

- 1 – железные наконечники
стрел – 3 шт. (-93 см)
- 2 – костяные накладки
лука – 3 шт. (-112 см)
- 3 – каменный осколок (-113 см)
- 4–5 – железные пряжки – 2 шт.
(-110, -112 см)
- 6 – железный нож (-113 см)
- 7 – кость животного (-112 см)

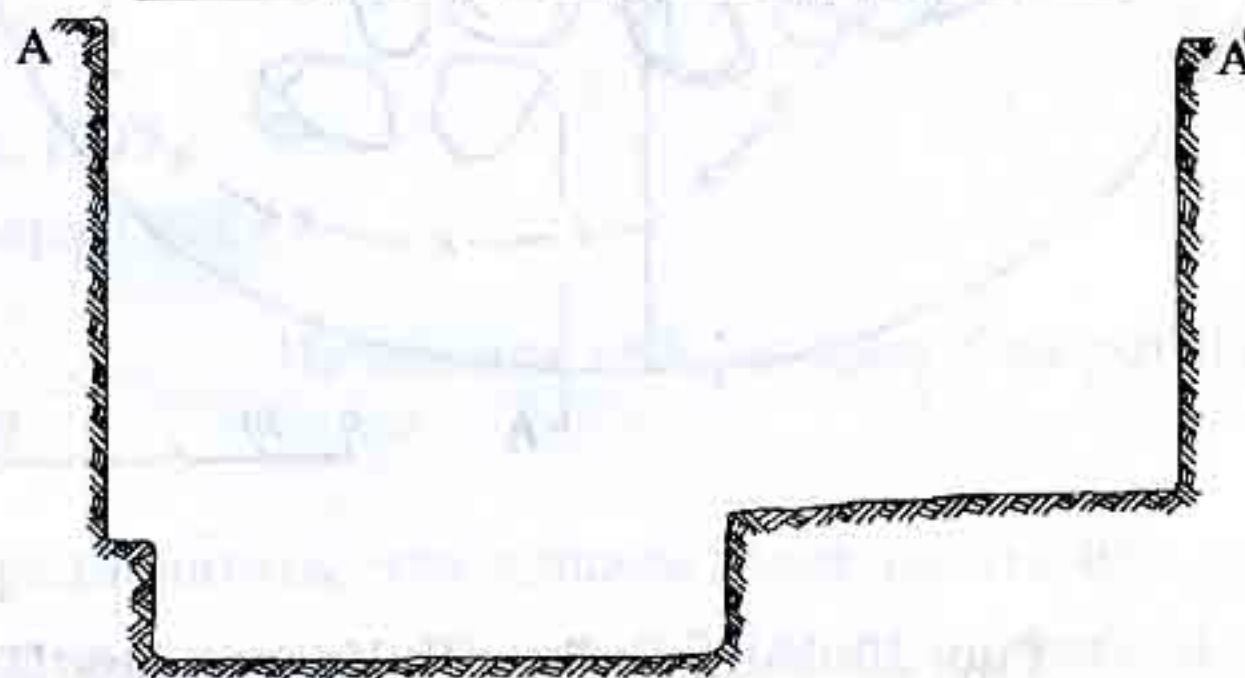

Рис. 30. Усть-Бийке-III. Курган №6. Могила, каменное внутримогильное сооружение, погребение человека.

Разрез могильной ямы

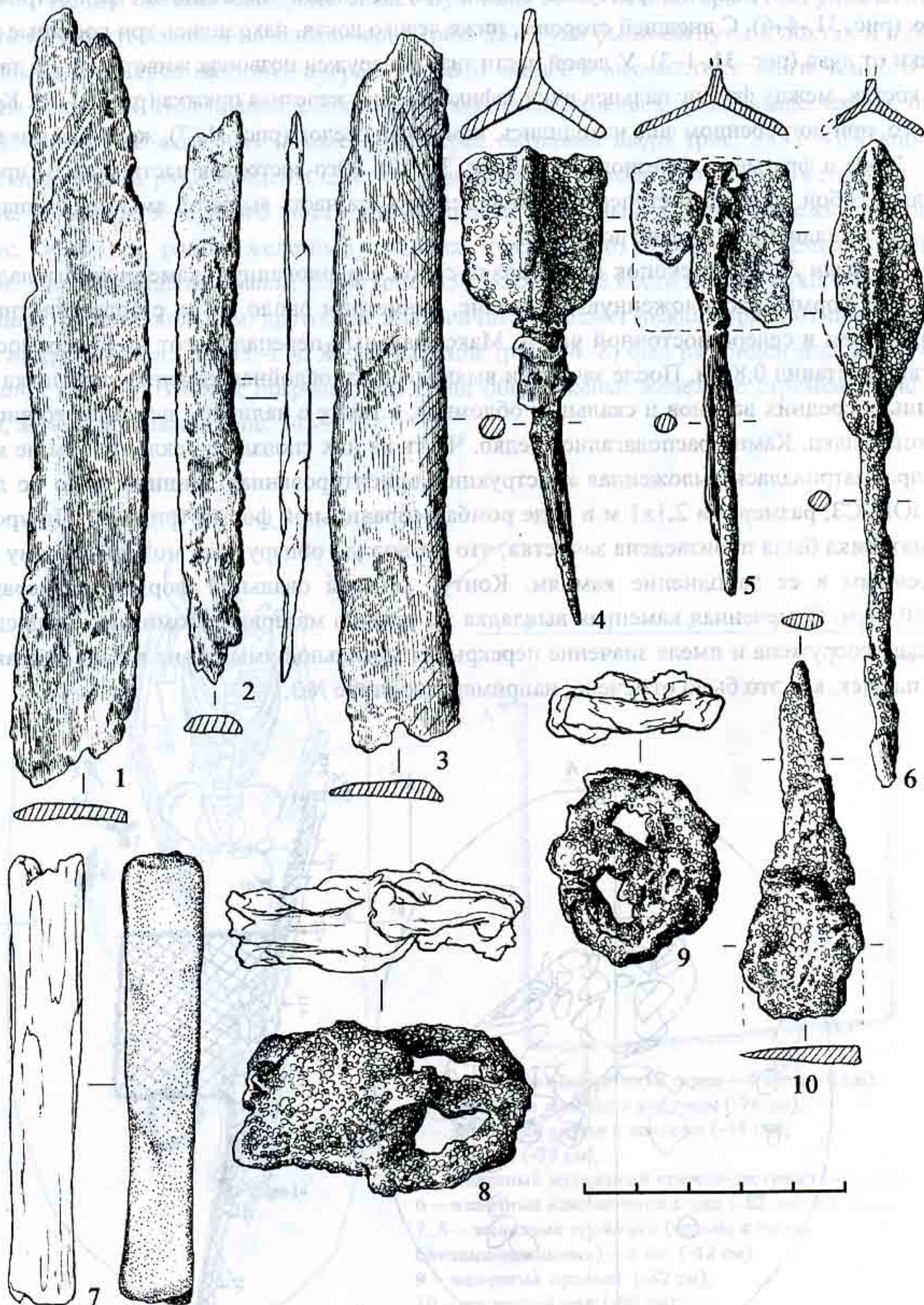

Рис. 31. Усть-Бийке-III. Курган №6. 1-3 – костяные накладки лука;
 4-6 – железные наконечники стрел; 7 – каменный оселок;
 8, 9 – железные пряжки; 10 – железный нож

Слева от черепа, на приступке, лежали три железных наконечника стрел остриями вверх (рис. 31.-4-6). С внешней стороны, ниже левого локтя, находились три костяные накладки от лука (рис. 31.-1-3). У левой части таза обнаружен позвонок животного. На тазовых костях, между фаланг пальцев руки зафиксирована железная пряжка (рис. 31.-9). Кроме того, при погребенном еще находились: каменный оселок (рис. 31.-7), железная пряжка (рис. 31.-8) и фрагмент железного ножа (рис. 31.-10). Юго-восточная часть могилы представляла собой приступку-ступеньку. По-видимому, эта часть вырытой ямы предназначалась для лошади, но ее туда не положили.

Курган №7 до раскопок представлял собой задернованную каменную выкладку округлой формы, расположенную на склоне, диаметром около 2,8 м, с более плотным заполнением в северо-восточной части. Максимальный перепад высот на поверхности кургана составил 0,86 м. После зачистки выявилась однослойная каменная выкладка из крупных, средних валунов и скальных обломков, а также с наличием небольшого числа мелкой гальки. Камни располагались редко. Часть из них сползла по склону. Тем не менее просматривалась выложенная конструкция, ориентированная длинной осью по линии ЮВ-СЗ, размерами 2,1х1 м в виде ромба неправильной формы (рис. 32). По уровню материка была произведена зачистка, что позволило обнаружить могильную яму по просевшим в ее заполнение камням. Контур могилы овальной формы, размерами 1,95х0,87 м. Отмеченная каменная выкладка по уровню материка, возможно, была специально сооружена и имела значение перекрытия могильной ямы, но не в виде деревянных плашек, как это было отмечено, например, в кургане №3.

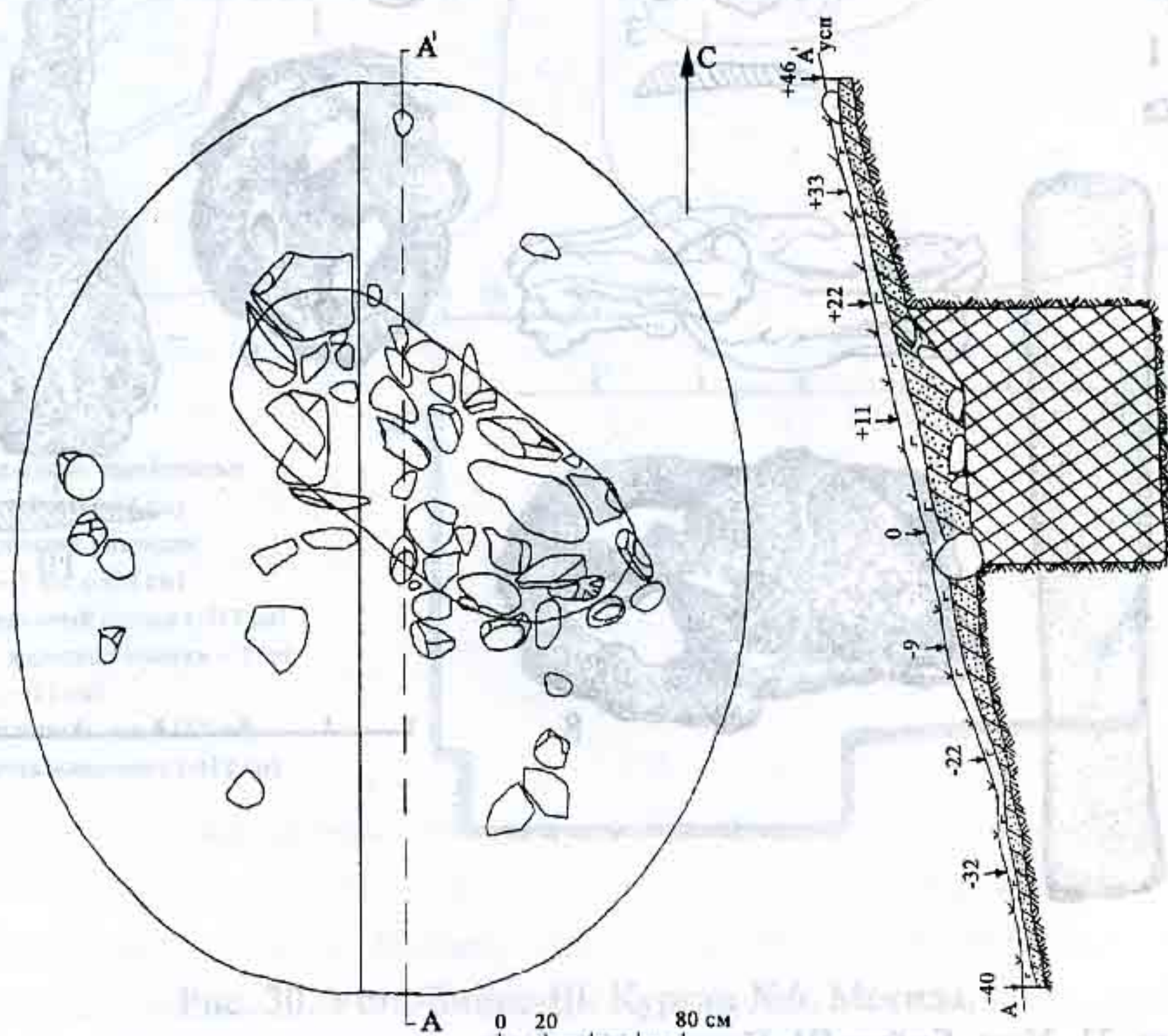

Рис. 32. Усть-Бийке-III. Курган №7. План и разрез

На дне могилы находился скелет мужчины 30–35 лет, который был уложен вытянуто на спину, головой на северо-запад (рис. 33). Руки были согнуты в локтях и лежали вдоль бедер. Череп наклонен вперед, лицевой частью к юго-востоку. Ноги немного сведены в коленях. Под правой плечевой костью лежал камень. Справа, выше черепа, обнаружены четыре железных наконечника стрел остриями вверх (рис. 34.-1–4). Напротив пальцев правой руки найдены еще три аналогичных наконечника стрел остриями вниз (рис. 34.-5–7). У правого локтя зафиксирован железный крючок-застежка от пояса (рис. 34.-14) и рядом железный тройник (рис. 34.-16). Второй железный тройник (рис. 34.-15) лежал на правом бедре (рис. 33). На лучевой кости правой руки отмечен железный умбон с кольцом, другой же аналогичный предмет лежал справа от позвоночника, на ребрах (рис. 34.-11–13). Железный нож (рис. 34.-8) был расчищен под левой бедренной костью. В ногах погребенного были обнаружены: железные стремена (рис. 35; 36), железные пряжки (рис. 34.-9, 10).

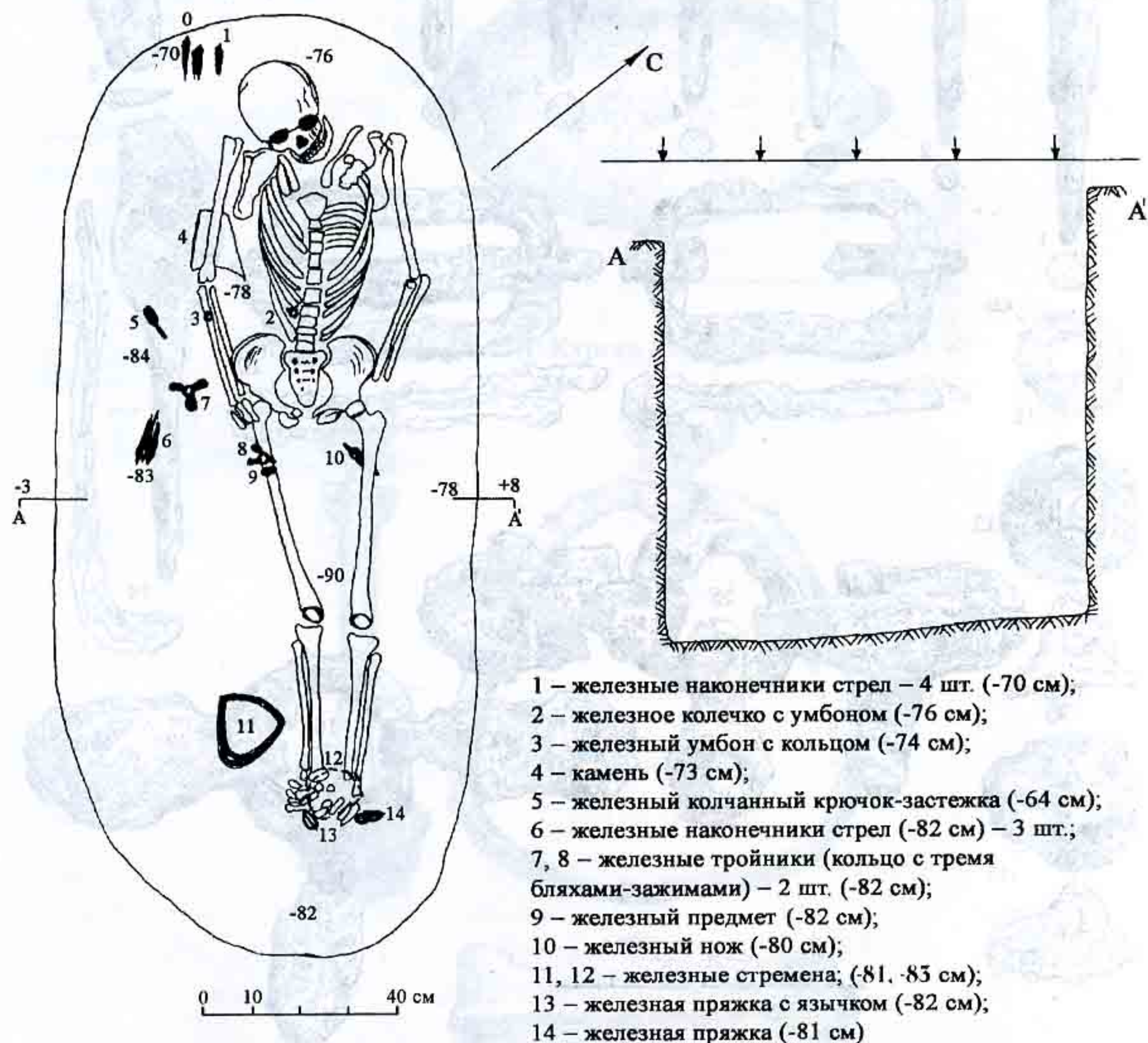

Рис. 33. Усть-Бийке-III. Курган №7. Погребение человека, разрез могильной ямы

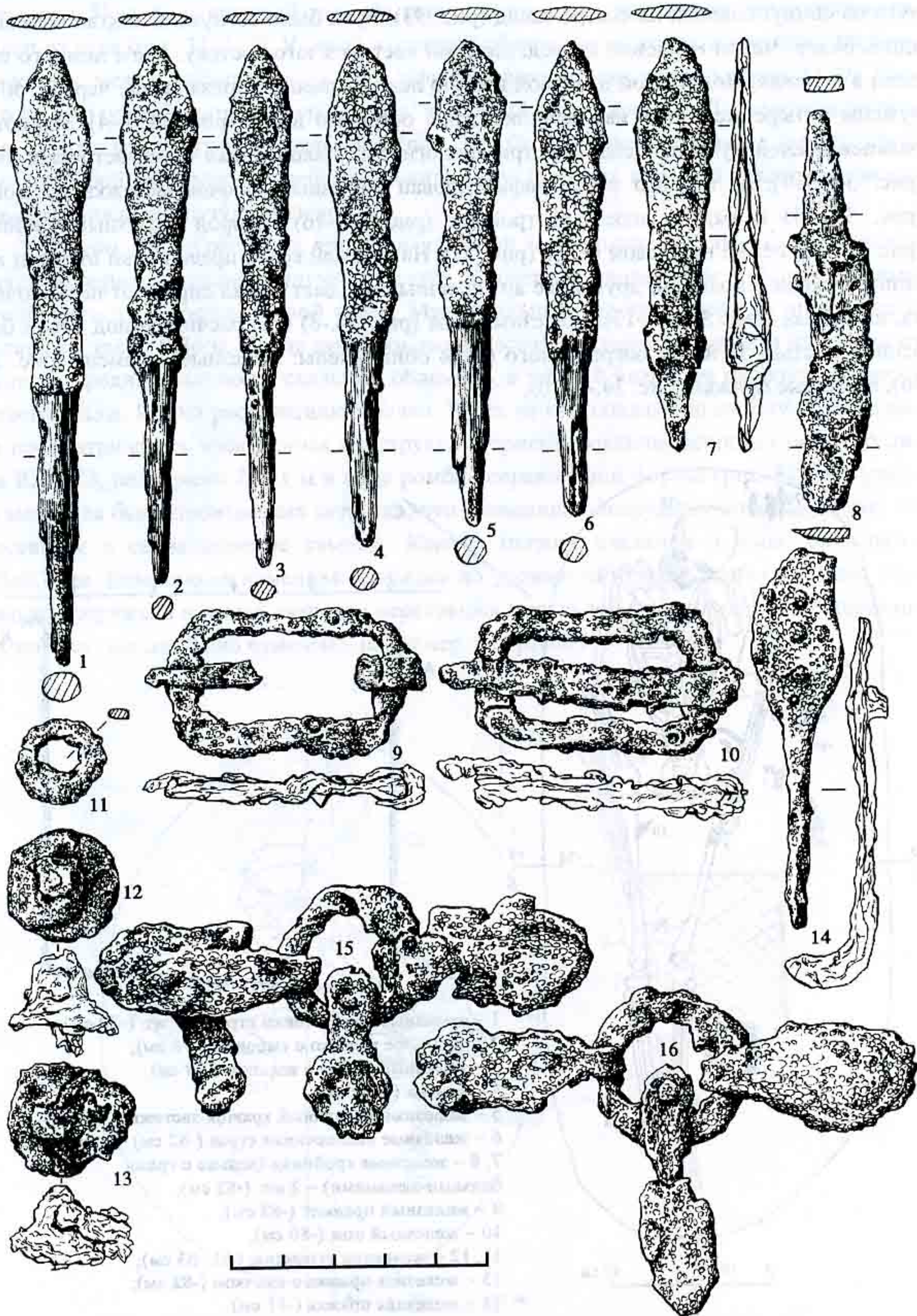

Рис. 34. Усть-Бийке-III. Курган №7. Изделия из железа

Рис. 35. Усть-Бийке-III. Курган №7. Железное стремя

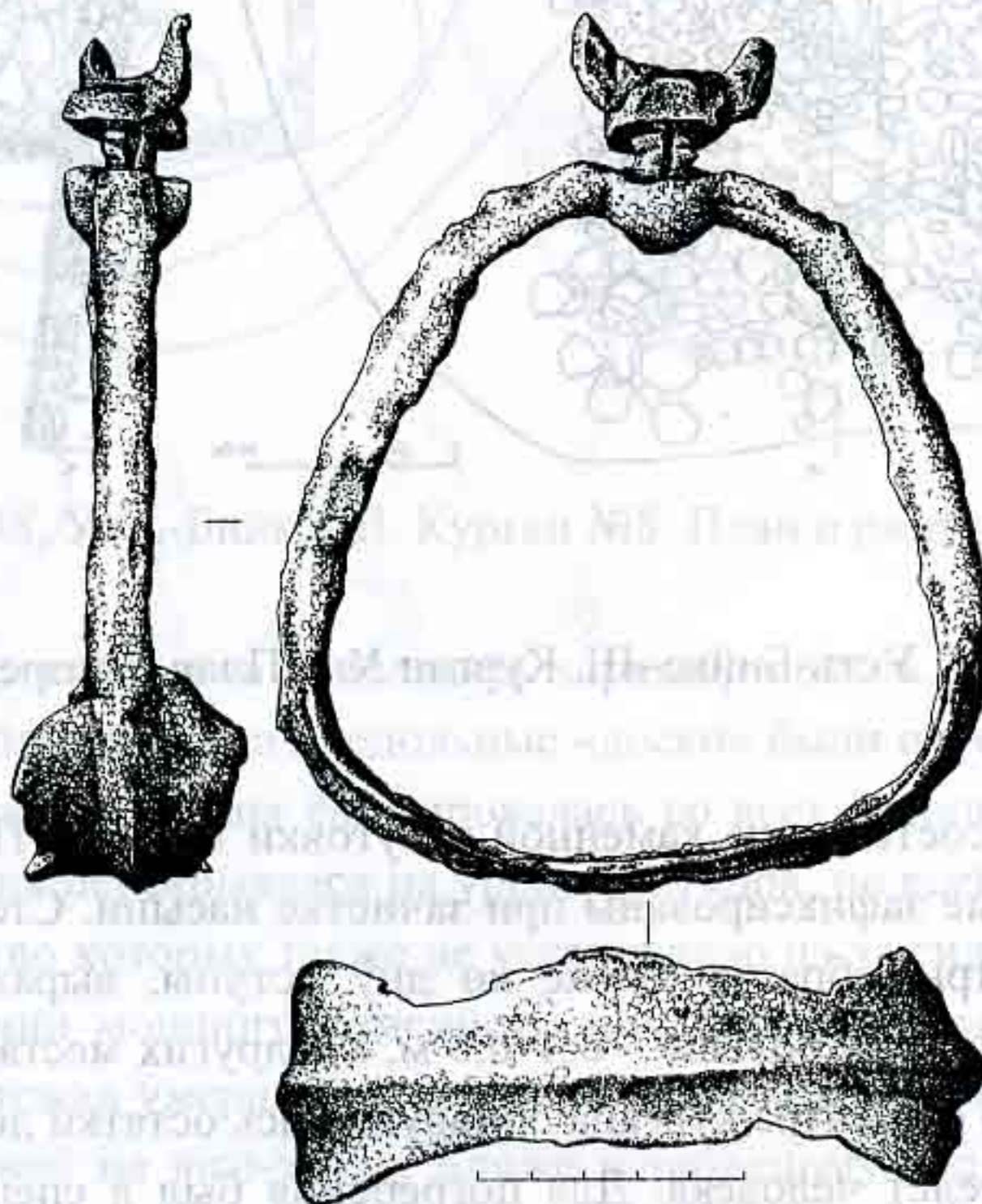

Рис. 36. Усть-Бийке-III. Железное стремя из кургана №7

Глава III

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ БИЙКЕНСКОГО КОМПЛЕКСА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ, РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

3.1. Эпоха поздней древности

3.1.1. Раннескифское (раннесакское или аржано-майэмирское) время

При изучении памятников Бийкенского археологического микрорайона оказалось, что значительное количество раскопанных курганов датируются раннескифским временем (конец IX – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.). Об этом свидетельствуют зафиксированные особенности каменных погребально-поминальных конструкций, положение и ориентация умерших людей, а также небольшой по количеству, но довольно показательный инвентарь (рис. 70). Сначала охарактеризуем исследованные сооружения и погребальный обряд, а затем перейдем к рассмотрению предметного комплекса.

При раскопках курганов Горного Алтая исследователи часто сталкиваются с проблемой разрушения захоронений, что не позволяет получить полноценную информацию. В связи с этим наиболее важными свидетельствами становятся объекты, сохранившиеся нетронутыми, а также данные планиграфического анализа всего могильного поля. Такие материалы позволяют не только восстановить ряд утраченных элементов, но и выйти на уровень определенных реконструкций.

Погребальные сооружения – это форма организации замкнутого пространства для умершего человека, являющаяся относительно устойчивым признаком погребального обряда древнего населения. Их вид, по мнению В.С. Ольховского (1991, с. 16), во многом определялся господствующей религиозно-мифологической концепцией и влиянием природной среды. На наш взгляд, на формирование представлений о погребальной конструкции сказывались и другие стороны жизни людей, среди которых необходимо отметить определенный тип ведения хозяйства, имевший значительное влияние на характер общественно-экономических отношений и менталитет конкретных социально-родственных образований. Также не стоит исключать значение практического владения навыками и приемами различного строительства (в том числе возведение жилищ), умения использовать и обрабатывать необходимые материалы для устройства погребений. Не последнюю роль играет организация всего процесса захоронения, где отражалось отношение к умершим родственникам, основанное на традиционных связях между поколениями людей. Следует отметить, что социальное положение человека также находит свое отражение в реализации погребальных сооружений (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003б). Обращение внимания на перечисленные и некоторые другие моменты дает возможность для

более полного раскрытия особенностей культуры того населения, история которого изучается по материальным остаткам (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 43).

Мы уже неоднократно останавливались на планиграфии археологических памятников раннескифского времени (Тишкин А.А., 1996г, е; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003б, 2005; Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005, с. 279–281). Тем не менее необходимо еще раз отметить определенный порядок в расположении курганов на территории могильного поля: микроцепочками по 2–3 объекта, ориентированных по линии ЮЗ–СВ, и небольшими компактными группами. Подобная картина наблюдается практически на всех комплексах, где обнаружена концентрация погребальных сооружений бийкенской археологической культуры (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б). Решение проблемы интерпретации расположения курганов на могильнике и их внутреннего устройства приводит к тому, что мы имеем дело с имитацией реально существовавших жилищ и конкретной планировки поселений скотоводов определенных территориально-локальных групп (Тишкин А.А., 1996е, с. 45). А.С. Суразаков (1990, с. 61) считает, что погребальные конструкции подобного плана могли быть сооружены разными семейно-родственными коллективами (общинами). П.И. Шульга (1989, с. 42) предполагает, что цепочка курганов скифской эпохи являлась местом захоронения рода или большой патриархальной семьи. Так или иначе, но зафиксированная модель расположения курганов бийкенской культуры, на наш взгляд, представляет имитацию аильной планировки стойбищ, характерной для кочевого и полукочевого образа жизни родственной группы людей. Что касается других курганов, то они, вероятнее всего, отражают результат пристройки погребений семьями, проживавшими несколько позднее. Это позволяет говорить об относительной хронологии таких сооружений. Стоит обратить внимание еще на одно наблюдение, зафиксированное, в частности, при интерпретации планиграфической ситуации на могильнике Бийке (Тишкин А.А., 1996е). Крайними с юго-западной стороны цепочки располагались курганы с большим диаметром насыпи и с некоторыми характерными особенностями. Данное обстоятельство можно объяснить существованием на стойбище главного жилища, где, возможно, проживал старший представитель рода или семейно-родственной группы (Тишкин А.А., 1997).

Определенное направление в расположении жилищ кочевников на местности связывалось с традиционной ориентацией входа-выхода. У носителей пазырыкской культуры Горного Алтая она, возможно, была восточная (Шульга П.И., 1989, с. 43–44; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 55–56). У монголов, например, отмечается южный сектор, и при такой строгой ориентации входа в юрту сложилась целая система различных понятий и традиций в освоении пространства (Жуковская Н.Л., 2002, с. 13–27). Восточная ориентировка жилища связана с хунну и тюрками, что является определенным этническим маркером (Вайнштейн С.И., 1991, с. 36–37). Наличие входа-выхода на материалах курганов раннескифского времени Бийкенского микрорайона нам проследить не удалось, но сведения о специально оформленных «воротах» на других аналогичных объектах имеются (Суразаков А.С., 1990, с. 62). Остается невыясненным соотношение этого показателя с другими данными реализованного погребального обря-

да. Обратим внимание еще на такой момент. Отмеченная закономерность о том, что ориентация входа перпендикулярна направлению цепочки жилищ (Шульга П.И., 1989, с. 44), находит подтверждение при изучении исследованных захоронений пазырыкской культуры (Марсадолов Л.С., 2000а, в). Умершие почти всегда лежали в могилах практически перпендикулярно общему направлению цепочки курганов (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин, А.А., 2003, с. 63). В этом плане для бийкенских погребальных камер выявляется «священная линия» ЮВ–СЗ, которая отражает перпендикулярность цепочки, ориентированной по линии ЮЗ–СВ (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005, с. 281).

Подвижный образ жизни предполагает наличие определенных особенностей в конструкции жилищ, отражающих возможность его переноски, быстрого сворачивания, использования подручных средств и т.п. Наиболее широко в таком плане применялось сооружение, в основании которого положен круг. Данное обстоятельство, на наш взгляд, нашло свое отражение в курганах раннескифского времени Бийкенского микрорайона, где под наброской зафиксированы кольца-стенки, выложенные в несколько слоев из плитняка, и кольца-крепиды из больших камней в один слой. Необходимо отметить, что население, оставившее такие сооружения, по всей видимости, не владело приемами кладки, позволявшей связывать всю конструкцию в единое целое. Поэтому часть каменной стенки, чтобы она не упала и не разрушилась, подпиралась валунами или вкопанными (забитыми) и поставленными вертикально плитами с внутренней, а иногда и с внешней стороны круга. То обстоятельство, что племена раннескифского времени не знали приемов связующей кладки, объяснимо. Это не требовалось при сооружении жилища, где несущая конструкция, по-видимому, изготовлялась из жердей. Не нужно было воздвигать крепостные стены и другие объекты, характерные для культур оседлого населения. Горный Алтай имеет такие природные условия, которые позволяли людям вести свой образ жизни и деятельности, не беспокоясь о безопасности.

Сооружение кольцевой крепиды или стенки из камней – это элемент отражения конструкции жилища, который был нужен у его основания для создания общей прочности воздвигаемой постройки, а также для ряда других практических предназначений, например, чтобы прижать войлочную (или другую) обкладку жилья, предохранив ее от срыва во время ветров. В таком случае сооружение круга внутри курганной насыпи символизирует в первую очередь жилище, защиту и опору (Басилов В.Н., 1993, с. 189), а затем религиозные и другие воззрения (Шилов Ю.А., 1995, с. 553–608; Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005, с. 281, 283).

Возможно, что наличие в курганах колец-стенок и крепид является отражением конструкции одного конкретного вида жилищ того времени. Сооружения же в виде холмообразных каменных набросок могут подразумевать жилища другого типа. Такой подход к интерпретации погребальных построек перспективен, потому что при привлечении массовых сведений можно выйти на уровень реконструкции жилищ населения раннескифского времени Горного Алтая. В этом плане могут помочь уже проведенные подобные исследования в других регионах (Гаврилюк Н.А., 1989, с. 25–29), а также многочисленные этнографические наблюдения (Вайнштейн С.И., 1991; Тошакова Е.М., 1978; Жуковская Н.Л., 2002; и др.).

Следующим элементом погребальной конструкции, зафиксированным впервые при исследовании памятника Бийке (Тишкин А.А., 1994а), является наличие каменных стел (рис. 42, 51, 61, 70.-4). На плитах отмечены антропоморфные черты. Хронология существования и семантика подобных «оленных» камней рассматривалась В.Д. Кубаревым (1979, с. 42–45, 57), Д.Г. Савиновым (1994), Марсадоловым (2000б, в) и другими исследователями. Стоит добавить, что такое схематическое антропоморфное изображение, являвшееся связующим звеном с загробным миром ушедших из реальной жизни предков, свидетельствует о различных ритуалах поклонения идолам. Именно поэтому стелы в первую очередь были опрокинуты при осквернении погребальных сооружений как факт надругательства над обычаями покоренного народа. Традиция возведения на могиле столба, ассоциировавшегося с опоркой кровли жилища (осью мироздания), а также с мировым деревом, вырастающим из земли, и с покойниками-отцами, фиксируется в Ригведе (Шилов Ю.А., 1995, с. 55). Кроме стел, рядом с некоторыми курганами на Бийке с западной и восточной стороны обнаружены вкопанные вертикально в землю плоские камни, выполнявшие функции находящихся вблизи с жилищем коновязей (рис. 53; Тишкин А.А., 1996е, рис. 22). Подобная ситуация отмечена и при раскопках кургана №5 памятника Кор-Кобы-1, датированного раннескифским временем (Суразаков А.С., 1990, с. 59, 63, 84–85). А на ряде исследованных могильников раннескифского времени (Айрыдаш-1, Тьткескень-1, Кызык-Телань-1 и др.) рядом с «балбалами» находилась яма, в которой была захоронена лошадь (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 58). Данный факт отражает наиболее раннее использование вертикально вкопанных камней близ курганов как имитацию реально существовавших коновязей.

Так же, как и под жилище, площадка, на которой сооружался курган, планировалась: засыпались ямы, убирались бугорки и камни, иногда осуществлялась выравнивающая подсыпка по всей площади обозначенного места. Несомненно, что делалась какая-то разметка для устройства сооружений. Внутри некоторых кольцевидных выкладок на уровне спланированного горизонта выкладывался «пол» или «дорожки» из мелких плиток.

Как правило, в центре исследованных на территории Бийкенского микрорайона погребальных конструкций раннескифского времени на уровне древнего горизонта располагался каменный ящик (рис. 40, 47, 50, 61; Тишкин А.А., 1996е). Один раз встречена вырытая могила с подбоем, где находилось погребение человека (Бийке, курган №7), и дважды в яме, примыкавшей к каменному ящику, зафиксировано захоронение лошади (Бийке, курганы №6 и 17 (рис. 70.-3)). Факт обнаружения в Горном Алтае в могиле бийкенской культуры подбоя, закрытого большой плитой, довольно редкий. Такие сооружения не характерны и для пазырыкского периода рассматриваемого региона (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003б, с. 134). По времени существования наиболее близким является погребение женщины в подбое, найденное на могильнике Карбан-1 (Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992, с. 28–30). Отмечены такие же особенности погребальной камеры на памятниках майэмирской культуры (Шульга П.И., 1998а, 2000; Тишкин А.А., 2003а). Они имеют очень много схожего между собой, но существенно

отличаются от захоронения в кургане №7 могильника Бийке. Различия связаны, скорее всего, с причинами относительно-хронологического характера. Это дает возможность предполагать то, что могила с подбоем на Бийке сооружена несколько раньше, чем остальные известные нам на Алтае такие конструкции. Возможно, раскопанное на Бийке погребение действительно является показателем брачных связей с другими племенами (Могильников В.А., 1994, с. 38–39). Отметим, что захоронения в подбоях и катакомбах были характерны для разных культур Северо-Западного Китая еще с эпохи бронзы (Варенов А.В., 1995, с. 125).

Наиболее показательными являются погребальные сооружения (рис. 70.-2), обозначенные как бийкенский тип (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 47). В целом же конструкция исследованных курганов в плане представляет собой круг с вписанным в него «квадратом». Такая схема по свидетельству письменных источников, лингвистических и религиоведческих исследований являлась символом вселенной и времени, универсальным для многих культур. Квадрат и круг – первичные геометрические фигуры, воплощавшие древние представления о времени и пространстве. Кругло-четыреугольное сооружение, ориентированное по странам света и соединенное вертикальной осью, являлось принципом, организующим любое пространство и любую ритуальную конструкцию (Подосинов А.В., 1999, с. 481).

В силу синкретизма мышления древнего человека (отождествление микро- и макрокосмоса) конструкция кургана (кольцевая выкладка и ящик) была прообразом жилища с очагом-жертвенником в центре него (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2003, с. 368). Представление о могиле как о жилище покойного широко распространено в архаических мифологиях. Могила в Ригведе названа «земляным домом» (РВ, X, 18, 12). Очаг находился посредине жилища индоариев, был его центром и местом, где проходили домашние жертвоприношения (РВ, I, 69, 3–4; Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н., 1999, с. 514). Конструкция погребальной камеры в виде каменного ящика или выкладки рассматривается нами как «алтарь», в котором было совершено жертвоприношение умершего (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2003, с. 369).

Погребальные камеры в курганах раннескифского времени Бийкенского микро-района своеобразны. Они отличаются от подобных сооружений предыдущих и последующих эпох прежде всего конструкцией, формой, размерами, а также тем, что в них найдены захоронения не только людей, но и лошадей. Идея использования каменного ящика в качестве погребального или иного сооружения нами уже рассматривалась (Тишкин А.А., 1996е; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б; Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2003, 2005; и др.). Каменные погребальные конструкции прежде всего нужно рассматривать как предоставление возможности перехода в иной мир, как символ обозначения границы потустороннего мира и прочность его основ. Они отражают переход из одного состояния (жизнь на земле) в другое (жизнь в потустороннем мире). Но образ умершего родственника жил в памяти людей, являлся во сне, создавал ложное ощущение присутствия, вызывал беспокойство, определенные заботы, мысли и действия, выражавшиеся в организации поминальных, культовых и других ритуальных мероприятий.

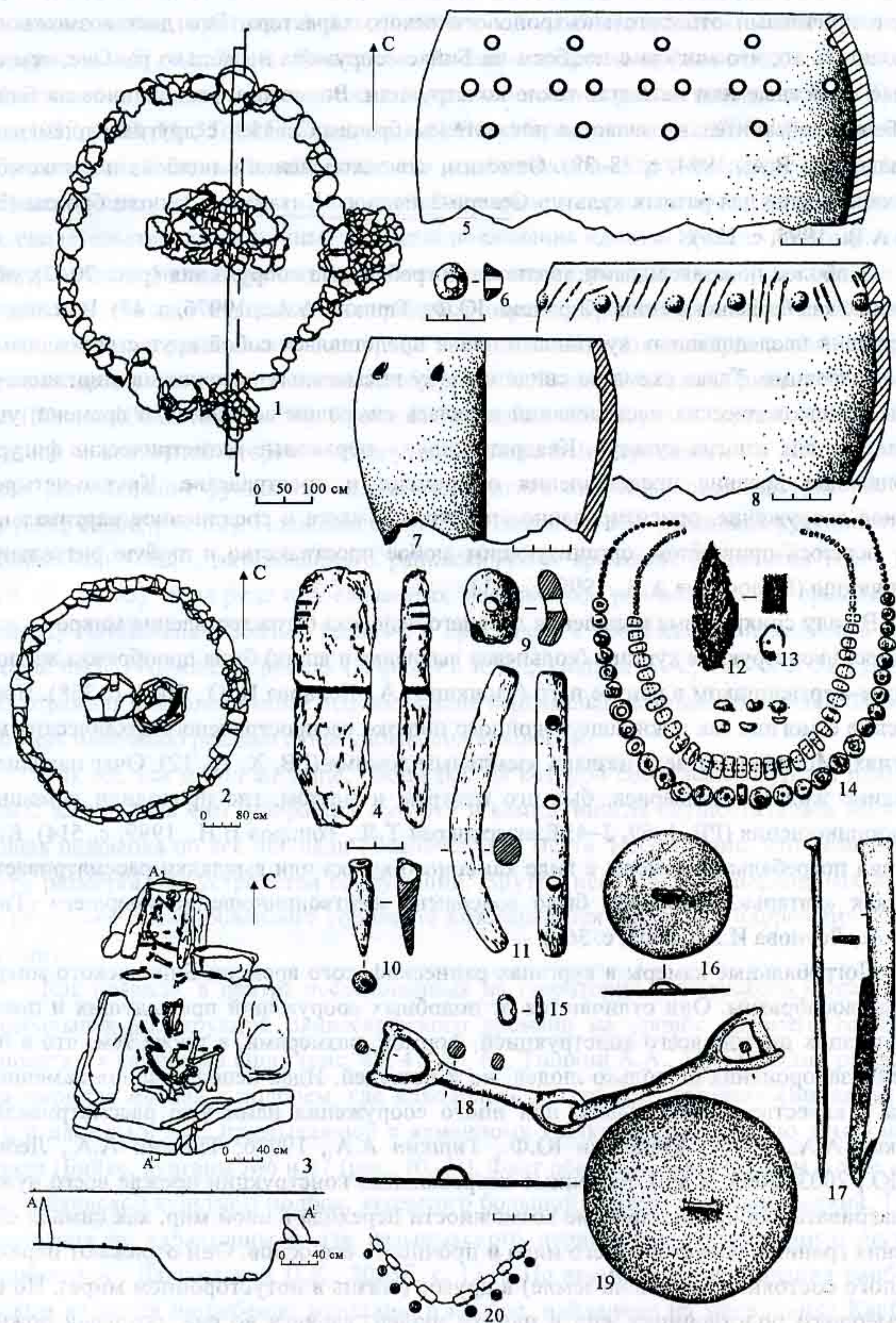

Рис. 70. Комплекс раннескифского времени, найденный на памятниках Бийкенского археологического микрорайона

На территории исследованных памятников Бийкенского микрорайона подобные объекты зафиксированы лишь частично. Они расположены отдельно или пристроены к курганам (рис. 70.-1), могут находиться в межкурганном пространстве (рис. 53, 62). Это чаще всего небольшие выкладки в виде холмообразной или «плоской» невысокой каменной насыпи. Некоторые ритуальные объекты бийкенской культуры могут представлять собой отдельно стоящий каменный ящик-«алтарь» (Марсадолов Л.С., 2001, рис. 91–92). Рядом с указанными сооружениями и в них обнаружены вертикально вкопанные камни, следы огня, части зернотерок, кости животных, немногочисленные фрагменты керамики (Марсадолов Л.С., 2001; Кочеев В.А., Суразаков А.С., 2003; Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005; и др.) Именно путем реализации поминальных обрядов поддерживалась связь между поколениями соплеменников (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005, с. 285).

Положение погребенных людей на курганном могильнике Бийке скорченно на боку, головой на запад или северо-запад являлось преимущественным. Такая ориентировка погребенных совпадает с направлением реки Катунь, а также с заходом солнца (см. приложение). Западная сторона – классическое место расположения страны мертвых во многих мифологических описаниях древности (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005, с. 287–288). Отмеченная в некоторых бийкенских курганах ориентация умерших людей головой на север отражает практически ту же семантическую нагрузку. Но одна лишь констатация ориентации погребенных не дает возможности для адекватного понимания смысла реализованного обряда. Данное наблюдение необходимо интерпретировать в совокупности с положением покойников. У многих народов существует определенное понимание связи правой стороны с небесами, со светлым началом, а левой – с потусторонностью, с хтоническими силами (Шилов Ю.А., 1995, с. 61). В таком случае погребение людей, лежавших на дне погребальной камеры на левом боку, означало, что умерший отправлялся в некую иную, чужую, неизвестную реальность, противоположную миру живых и, вероятно, враждебную (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005, с. 290–291).

В том случае, когда остатки тела человека отсутствуют или погребение разрушено, факт определения ориентации по направлению линии оси погребальной камеры является единственным показателем при выявлении сравнительных характеристик. Ориентацию умерших людей можно еще соотнести с захоронением лошади, которая всегда лежала головой в ту же сторону, что и человек. Семантика обычая придавать скорченное положение умершим людям многообразна. В литературе предложено несколько толкований подобной ситуации. Чтобы определить значение данного положения покойного, необходимо знать, что носители изучаемой культуры представляли себе под фактом смерти. Положение погребенных (поза) определяется археологами совокупностью описаний общего состояния тела, а также различных его частей относительно друг друга, дна и стенок погребальной камеры, сторон света. Это дает почву для возможного объяснения определенных представлений древних людей, а также является хронологическим и культурным показателем при сравнении погребальных комплексов. Поэтому важно зафиксировать и как можно точно описать положение отдельных частей тела погребенного человека.

Плохая сохранность костей, их отсутствие или существенные разрушения в курганах раннескифского времени Бийкенского микрорайона не позволяют широко применить имеющийся материал по интерпретации скорченной позы умерших людей, так как многое зависит от определенного положения рук, ног, головы. В каждом случае объяснения могут быть разными, а у нас иногда определение позы погребенного имеет предположительный характер.

Достаточно хорошо фиксируется поза, похожая на «скачущего всадника» в кургане №17 могильника Бийке, где женщина лежит скорченно на левом боку с руками вытянутыми вперед, как бы державшими повод для управления лошадью (рис. 70.-3). Возможно, что такая же поза умершего человека была и в кургане №5 того же памятника. Ближе к позе адорации находились остальные погребенные. В кургане №1 на Бийке положение костей рук скелета и подложенные под голову каменные «подушки» наводят на мысль о придании покойнику позы спящего. Учитывая разнообразие техник сна в различных культурах, можно предположить толкование скорченной позы как положение спящего человека (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005, с. 291).

В ряде раскопанных курганов не было полных человеческих скелетов, а найдены лишь отдельные кости. Часто вообще какие-либо признаки погребения отсутствовали. Изученные антропологом С.С. Тур (1997) немногочисленные краниологические материалы из могильников Алтая раннескифского времени позволили предварительно говорить об их морфологической и генетической неоднородности. В составе изученной серии черепов бийкенской и майэмирской культур выделены монголоидные, европеоидные и смешанные типы, а также отмечены другие их особенности.

Особое место в погребальных сооружениях раннескифского времени курганного могильника Бийке занимает оформление захоронения лошади или отдельных частей ее туши. На других аналогичных памятниках изученного микрорайона данные показатели отсутствуют. Плохая сохранность костяков животных не позволяет в полном объеме зафиксировать многие нюансы обряда жертвоприношения коней в курганах раннескифского времени. Сам факт присутствия останков этих животных в погребальных комплексах можно объяснять по-разному: как заупокойные дары, пища для покойника, остатки совместной родовой трапезы, снабжение необходимым средством передвижения, как личный верховой (боевой) конь, или как имитация лошади и т.д. Зарождение практики захоронения такого животного, как лошадь, необходимо, на наш взгляд, связывать с определенным типом ведения хозяйства в раннескифскую эпоху, а также с обычаями, сформировавшимися в ходе жизнедеятельности скотоводов, и с представлениями о том, что в загробном мире человек должен быть снабжен всем тем, что было у него до смерти. Данная тема уже не раз рассматривалась исследователями (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 59–60). В результате мы можем констатировать, что главная суть захоронения коня выражена в его сонаправленности с человеком, а остатки костей животного олицетворяют идею его воскрешения на том свете. Такой обряд имел несколько значений, неся полисемантическую нагрузку. В мифологическом мышлении образ лошади наделялся определенными сакральными функциями, важнейшей из которых была коммуникативная (конь как средство связи с иными мирами), имевшая ряд аспектов:

жертвенный, психопомпный (проводящий души умерших), иерофантный (дающий возможность воскреснуть), экстатический (способствующий общению с духами, богами и др.) и инкарнационный (служащий воплощением кого-либо) (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2005, с. 291–292).

На памятнике Бийке в курганах найдено по одной лошади. Лишь в одном случае их обнаружено две (курган №10). Убитое животное помещали в отдельную камеру, которая представляла собой яму, иногда обложенную каменными блоками, или конструкцию (в виде кольца или ящика), примыкавшую с восточной (юго-восточной, северо-восточной) или южной стороны к каменному ящику с погребением человека. Имеются зафиксированные останки скелета лошади без четко выделенного сооружения, но на том же месте, что и остальные. Животные располагались так же, как и человек, на уровне спланированного древнего горизонта, однако в ряде случаев зафиксирована подсыпка в камере, предназначавшейся для лошади. Как уже отмечалось, животные ориентированы в ту же сторону, что и человек. Положения животных различались: на правом боку с подогнутыми ногами, на левом боку с вытянутыми ногами и на животе с подогнутыми ногами. Вероятно, на могильнике Бийке имела место имитация целого животного в виде сделанного чучела из шкуры и костей или наличие последних в могиле олицетворялось с идеей воскрешения целого коня в ином мире. Подобные факты при анализе материалов изучаемого периода уже излагались. Во всех захоронениях лошади на Бийке имеется нарушение черепа животного или отсутствие такой части скелета животного. Первое, вероятно, связано с традиционным способом забоя жертвенного животного, а второе можно трактовать как обозначение туши в виде заупокойной пищи, хотя и возможно, что голова лошади использовалась для исполнения каких-то обрядов, тем более, что зафиксировано несколько фактов отдельного захоронения только этой одной части тела животного в VIII–VII вв. до н.э., иногда и с остатками узды (Тишкин А.А., 1996е, с. 49). В Усть-Куюмском могильнике, где зафиксирован факт отчленения головы лошади, скорее всего, отражен способ забоя животного путем перерезывания горла и дальнейшего отделения этой части тела в районе шеи (Марсадолов Л.С., 1981, с. 13–16, рис. 2). Явно с целью положения заупокойной пищи в погребальных сооружениях курганов №19 и 20 фиксируются части туши лошади. Таким образом, на могильнике раннескифского времени Бийке нашло отражение наиболее раннее формирование различных вариантов погребального обряда человека с конем, главным образом связанных с ведением такого типа хозяйства и образа жизни, когда лошадь являлась основой существования людей.

Анализ материалов погребальных комплексов курганов раннескифского времени Бийкенского археологического микрорайона предполагает характеристику хозяйственной деятельности населения, оставившего исследованные памятники. Несомненно, что основным занятием являлось скотоводство с подвижным образом жизни. В данном случае тип хозяйства можно определить как яйлажно-горнодолинный, характерный для районов Алтая, Тувы, Тянь-Шаня, Памира, основу которого составляло скотоводство, приспособленное к конкретным экологическим условиям гор и горных долин, основанное на сезонных перекочевках (Мартынов А.И., 1986). Как свидетельствуют материалы раскопок, основным животным, разводимым населением той эпохи, была лошадь, которая не

только использовалась для употребления в пищу, но и являлась основным средством передвижения. Кроме того, кони были весьма практичны в разведении, так как им не надо заготавливать на зиму корма, который они способны добывать из-под снега сами. По некоторым данным, полученным в ходе изучения остеологических останков лошадей из курганов Бийке, можно восстановить ряд черт этих животных (Тишкин А.А., 1996е, с. 50). Кроме лошади, население, оставившее могильник Бийке, разводило овец. Этот факт косвенно подтверждается находками зубов такого животного в кургане №17, а также обнаруженным фрагментом шерстяной ткани в кургане №7.

Часть зафиксированных комплексов бийкенской культуры являлась святилищами, совмещавшими функции некрополя и храма (Тишкин А.А., 2000б; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003б, с. 240–243). Для архаических обществ большое значение имела организация сакральной территории, в том числе и пространства кладбища. Помимо основного, погребальные памятники отражали другие космогонические смыслы. Там совершались религиозные обряды, причем не только связанные с культом предков. В этом плане можно указать на индийские ступы, совмещавшие в себе функции храма и погребального комплекса. Следует отметить, что система обрядов «общения» с предками в традиционных культурах имела очень широкие возможности. Праотцы могли являться духами гор, озер, рек, их просили помочь во всех жизненных обстоятельствах (Леви-Брюль Л., 1999, с. 470). Полифункциональность святилищ (могильник, храм, обсерватория и др.) обусловлена тем, что любое место, наделенное иерофанией (святостью), является пересечением всех космических уровней, превращающим такое пространство в Центр – сосредоточение сакральных сил (Элиаде М., 1999, с. 342). «Святое» место имеет свойство долго оставаться таковым. Иерофания, некогда приданная ему, имеет перманентную природу. Священные пространства четко ограничивались. Проникновение в такое место без предварительной подготовки могло быть опасным для человека. Этим можно объяснить расположение изученного памятника Бийке в месте, доступ куда был определенным образом затруднен горами и рекой (Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2003, 2005).

Часть предметов, обнаруженных в объектах раннескифского времени на территории Бийкенского микрорайона (нож, псалий, зеркала, удила, бусы и др.), уже проанализирована в ряде публикаций (Тишкин А.А., 1996е; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б; и др.). Поэтому информация о них будет изложена кратко. Особый интерес представляют найденные орнаментированные фрагменты от керамических сосудов из курганов памятников Бийке, Усть-Бийке-III и IIIa, которые ранее не были введены в научный оборот (рис. 43–45, 70.-5, 7–8). Вместе с предыдущими материалами (Тишкин А.А., 1996е, рис. 21) они демонстрируют небольшую, но показательную коллекцию (Тишкин А.А., 2005а). С нее и начнем анализ предметного комплекса бийкенской культуры.

При изучении объектов раннескифского времени на памятниках рассматриваемого микрорайона обнаружена характерная серия фрагментов керамики, а также один полностью сохранившийся сосуд. Следует отметить, что практически все эти находки зафиксированы не в погребальной камере, а при зачистке и разборке каменных насыпей. По собранным обломкам можно было реконструировать в основном верхние части

горшков. Лишь в одном случае развал сосуда, найденный главным образом в заполнении каменного ящика кургана №9 могильника Усть-Бийке-III, дал возможность графически представить вид целого изделия (рис. 43.-1). Обнаружение его внутри погребальной камеры не дает основания говорить о том, что существовала традиция размещения глиняных емкостей вместе с умершим человеком, так как курган оказался разграбленным или оскверненным, а следов захоронения вообще не отмечено. В этом плане определенным «ключом» в понимании уже неоднократно зафиксированных ситуаций выступает находка целого сосуда в не потревоженной насыпи кургане №1 памятника Бийке (Тишкин А.А., 1996е, с. 22, рис. 2.-1-3, 21.-8). Там горшок стоял вверх дном на крайней плите западной части перекрытия каменного ящика, в котором находился плохо сохранившийся скелет женщины. Такое расположение над головой погребенного человека могло быть распространенной традицией. Тогда становится понятным, почему после проникновения грабителей или осквернителей в центр кургана развал сосуда попал в погребальную камеру (как в отмеченном выше случае) или оказался снаружи за стенкой каменного ящика (как на Усть-Куюме (Степанова Н.Ф., 1996а, с.116, рис. 1)). Подобные обстоятельства отмечены при исследовании других курганов Горного Алтая раннескифского времени. Кроме этого, обнаружены единичные и немногочисленные фрагменты керамики на поверхности каменных насыпей этого же периода. В данном случае можно говорить и о других реализованных действиях.

Количество глиняных емкостей, которые были использованы в ходе осуществления погребально-поминальных ритуалов на объектах рассматриваемого археологического комплекса, к настоящему времени составляет по венчикам не менее 16 экз. (рис. 43-45; Тишкин А.А., 1996е, рис. 21). Большинство сосудов являлись плоскодонными изделиями закрытой баночной формы. Меньшая часть их имела венчик, отогнутый наружу или близкий к прямому. Редко встречены горшки или кринки (Степанова Н.Ф., 1998). Орнамент отмечен только в верхней половине сосудов и ближе к венчику. Чаще всего это был один ряд «ямок», «жемчужин», «угловых вдавлений палочки», «жемчужника с разделителем». Есть варианты размещения орнамента в два и в три ряда. В одном случае «ямки» сочетались с «рассеченным» валиком, а в другом вдавления «трубочкой» представляли три линии «циркульных» отпечатков, образующих схему точек углов ромба (рис. 44.-1). Кроме этого, имеются отдельные фрагменты придонных частей и днищ. Встречена неорнаментированная керамика. Небольшое количество обломков от стенок сосудов оказалось украшено налпным и по-разному «рассеченным» валиком, прочерченными линиями и другими элементарными приемами декорирования глиняных горшков.

Материалы, полученные в ходе исследования на территории Бийкенского микрорайона курганов раннескифского времени, позволяют уверенно подтвердить вывод Л.С. Марсадолова (1987а, 2004в) об использовании керамических емкостей в погребально-поминальных ритуалах. Аналогии им обнаруживаются на могильниках и на поселениях VIII-VI вв. до н.э. не только Нижней Катунь, но в других районах Горного Алтая и северных предгорий. Среди них можно указать следующие погребальные памятники: Усть-Куюм (Марсадолов Л.С., 1981, 2004в, с. 38; Степанова Н.Ф., 1996а), Семисарт-I

(Марсадолов Л.С., 1987а, в, 2001, 2004в), Нижний Тюмечин-2 (Посредников В.А., 1980; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982; Степанова Н.Ф., 1996б, рис. 11), Кара-Коба-2 (Посредников В.А., 1980; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982; Степанова Н.Ф., 1996б, рис. 11), Партизанская Катушка (Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 1999, рис. 3), Сальдяр-II (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1997, рис. 5), Кызык-Телань-I (Могильников В.А., Суразаков А.С., 2003, с. 36) и многие другие. Зафиксированная на могильниках раннескифского времени орнаментированная керамика находит сходства с материалами поселений, а также культовых мест и святилищ: Тьткескень-3 и 6 (Кунгуров А.Л., 1994, рис. 7; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994, рис. 9), Партизанская Катушка (Шульга П.И., 1998б), Семисарт-I (Марсадолов Л.С., 2001, рис. 16), Малый Дуган (Степанова Н.Ф., 1999а), Муны-1 (Молодин В.И., Петрин В.Т., 1985; Бородавский А.П., 2001) и др. Однако существует серьезная проблема соотношения глиняной посуды, найденной на курганах, с аналогичными находками, обнаруженными на других категориях памятников. Об этом уже неоднократно высказывались исследователи (Шульга П.И., 1998б; Абдулганеев М.Т., 1998; Марсадолов Л.С., 2004в; и др.). Данное обстоятельство усугубляется целым рядом ниже перечисленных моментов.

В настоящее время мало исследовано представительных поселенческих комплексов и практически не выявлены однослойные памятники отдельных периодов раннего железного века (Шульга П.И., 1998б). Несмотря на то, что в автореферате кандидатской диссертации П.И. Шульги (1990а) фигурирует репрезентативная цифра зафиксированных и изученных объектов, материалы, опубликованные в тезисах, сообщениях и статьях (Шульга П.И., 1990б, 1991–1998б и др.), демонстрируют лишь начальные этапы работы в данном направлении. Основные проблемы для решения задач культурно-хронологического характера заключаются в отсутствие надежной стратиграфии и серии радиоуглеродных датировок, а также в малом количестве найденных предметов вещевого комплекса. Практически отсутствуют работы, в которых историко-культурные реконструкции связаны с палеогеографическими исследованиями. Не реализовывались в нужном объеме специальные методы изучения керамики, хотя отдельные попытки предпринимались. Требуется более тщательная методика раскопок поселений и других открытых комплексов (святилищ, культовых мест, стоянок и т.д.). Отметим разнообразие поселенческой керамики, датированной рамками VIII–VI вв. до н.э. Еще одной серьезной проблемой является то, что в памятниках раннего этапа булан-кобинской культуры «гунно-сарматского» времени есть керамическая посуда, очень похожая на ту, которая была обнаружена при раскопках курганов Горного Алтая раннескифского периода. Подобные находки зафиксированы, например, на могильниках Усть-Эдиган (Худяков Ю.С., 1998в) и Яломан-II (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а; Тишкин А.А., 2005г). В этом плане изложенные М.Т. Абдулганеевым (1998) культурно-хронологические определения ряда поселенческих комплексов в горах и предгорьях булан-кобинским временем приобретают дополнительные аргументы.

Следует обратить внимание на интерпретацию находок керамики в хорошо датированном Втором Башадарском кургане, который был исследован С.И. Руденко (1960) траншеей. В настоящее время на этот счет имеется несколько точек зрения (Марсадо-

лов Л.С., 1987а, 1996, 2004в; Шульга П.И., 1996, 1998б; Степанова Н.Ф., 1998, с. 139; Абдулганеев М.Т., 1998). Не следует исключать и конкретные наблюдения, сделанные при проведении раскопок самим С.И. Руденко (1960, с. 32, 43, 63–65): черепки глиняной посуды встречались только на поверхности земляной насыпи кургана и до глубины 5–6 см, «...главным образом в юго-западной, возвышенной ее части». Аналогии этой обнаруженной керамике теперь можно найти как в памятниках, относящихся к скифской эпохе, так особенно в комплексах усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры. Если опираться на первый пласт, то следует указать мнение Л.С. Марсадолова (1987а, с. 65; 1996, с. 68; 2004в, с. 40) об участии в захоронении башадарского вождя «...двух (или нескольких этносов)», так как обнаруженные в погребальной камере кувшины и керамика из насыпи существенно отличаются друг от друга. С данной точкой зрения в определенной мере согласен П.И. Шульга. Он указал, что керамика из насыпи могла принадлежать автохтонному населению раннескифского времени, которое «...продолжало сосуществовать с пазырыкцами и даже принимало участие в похоронах пазырыкских вождей в VI в. до н.э.» (Шульга П.И., 1996, с. 120). Сопоставив находки сосудов из насыпей курганов могильника Бийке и Башадара с материалами поселения Кастахта-3, П.И. Шульга (1998б, с. 149–150) пришел к выводу о наличии в Горном Алтае одной и той же традиции, прослеживаемой от VII–VI вв. до н.э. до III–II вв. до н.э. Однако высказанная идея требует дополнительных и более весомых обоснований.

О спорности интерпретации П.И. Шульгой материалов ряда поселений Горного Алтая, а также датировки и условий находки керамики в насыпе Второго Башадарского кургана высказал свое мнение М.Т. Абдулганеев. Исследователь считает, что керамика, подобная башадарской, не найдена «ни в одной насыпи кургана пазырыкской культуры, ни тем более в пазырыкском погребении», и она имеет сходство с материалами более поздних поселений гунно-сарматского времени (Абдулганеев М.Т., 1998, с. 166). Если это так, то можно предположить, что в Башадарские курганы керамика попала через грабительский ход и не исключено, что это произошло на раннем этапе булан-кобинской культуры. Н.Ф. Степанова (1998, с. 139) отметила, что опубликованная керамика из насыпей курганов скифского времени имеет иной набор форм по сравнению с сосудами из могил. Соответственно отличается и поселенческая посуда. Такая характерная ситуация традиционно в археологии объясняется разным функциональным назначением и использованием рассматриваемой категории изделий, если речь идет об одном населении или культуре. Другое дело, когда зафиксированные отличия связаны с разными этносами и отражают различный хронологический диапазон. Тогда решение задач имеет более сложный исследовательский путь, который еще никем не предпринят.

В настоящее время можно говорить о том, что процесс изучения керамических комплексов Горного Алтая раннего железного века продолжается (Степанова Н.Ф., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Марсадолов Л.С., 2004в; и др.), постепенно обозначенные выше проблемы будут преодолены и обозначатся другие. Важно, чтобы раскопки поселений и святилищ осуществлялись планомерно, а результаты их исследования носили комплексный характер. Для этого необходима разработка и

реализация специальной программы изучения данного вида памятников, о чем уже неоднократно высказывалось (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1999, с. 74–75).

Самой замечательной из рассматриваемых находок раннескифского времени является бронзовый нож (рис. 70.-17) из кургана №2 могильника Бийке. Ближайшей, подобной вещью является изделие, найденное в Усть-Куюме и датированное VII–VI вв. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1981, с. 21, рис. 4). Наибольшее сходство (по общей форме, на вершину, месту соединения ручки и клинка) наблюдается с ножом из могильника БЕ-XIV в Верхнем Приобье. Предмету также определено время существования в рамках VII–VI вв. до н.э. (Грязнов М.П., 1956, с. 71, табл. XXI.-19). Рассматриваемая категория изделий характерна для раннескифской эпохи Горного Алтая и других территорий (Тишкин А.А., 1996е, с. 51; Членова Н.Л., 1967, 1972; Степная полоса..., 1992; и др.) и представляет характерный тип дугообушковых ножей (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 77). Основным хронологическим признаком, более узко определяющим время его бытования, может считаться степень изогнутости. В этом плане нож, найденный на Бийке, следует датировать с учетом современных данных 2-й половиной VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э. В настоящее время в Горном Алтае и на территории северо-западных предгорий зафиксирована серия бронзовых и железных ножей скифской эпохи, позволяющая дополнить существующие классификации и продолжить типологическое изучение изделий (Суразаков А.С., 1989, 16–23; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 76–79; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 78–80; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 70–76; Шульга П.И., 2004).

Следующий комплекс предметов происходит из ограбленного кургана №6 могильника Бийке. Он представляет собой отдельные элементы конского снаряжения, сделанные из кости и рога (рис. 70.-9–11, 15). Достаточно хорошо датирующей находкой является трехдырчатый псалий (Тишкин А.А., 1996е, с. 52), который имеет изогнутую, дуговидную форму, три округлых отверстия, находящиеся в одной плоскости и равномерно распределенные по всей длине изделия. Окончания псалия обрезаны перпендикулярно телу использованного рога, слегка закруглены, имеют «тупую» форму. Ближайшей аналогией рассматриваемому предмету по форме и расположению отверстий являются псалии из курганного могильника Элекмонар-II (Степанова Н.Ф., 1996б, рис. 3.-1, 3), которые были найдены с бронзовыми удилами. Однако бийкенский псалий более крупный и массивный. Это сближает его с изделиями из курганного могильника Карбан-I (Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992, с. 29, 173), но отличает по расположению отверстий и оформлению. По ряду характерных показателей бийкенскому псалию близка такая же вещь с городища Елбаны (Тишкин А.А., Медникова Э.М., 1993, с. 134, рис. 1.-3). Подобные, но бронзовые изделия обнаружены в погребении майэмирской культуры на памятнике Чекановский Лог-10 (Демин М.А., Ситников С.М., 1999, рис. 3.-1, 2).

Количество найденных на Алтае (в горах и в предгорно-равнинной зоне) трехдырчатых псалиев, сделанных из кости, рога и бронзы, позволило провести более детальный их анализ для разработки типологии подобных изделий (Тишкин А.А., 1996г; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 64–67). Касаясь датировки рассмотренных вещей, нужно отметить, что они начинают существовать с эпохи поздней бронзы, широко

использовались в переходное от бронзы к железу времени и в раннескифский период (Марсадолов Л.С., 1998; Ситников С.М., 2004; Чича..., 2004, с. 23; и др.). Если исходить из исследований Н.А. Боковенко (1986, с. 17–18), который отметил тенденцию смещения отверстий псалиев к центру как признак относительно поздний, а также учитывая разработки Л.С. Марсадолова (1998) и других исследователей (Марсадолов Л.С., Тишкин А.А., 1998), то наиболее вероятная дата бийкенскому псалию с учетом и других особенностей является 2-я половина VIII – 1-я половина VII вв. до н.э.

Кроме рассмотренного изделия в кургане №6 находились и другие предметы. Среди них на себя обращает внимание добавочная фаланга лося (определение А.В. Гальченко) с отверстием посередине (рис. 70.-9). Такие же вещи обнаружены в кургане №5 могильника Карбан-I и определены они как подвески (Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992, с. 29, рис. 4.-10, 11). Нам известно подобное изделие, найденное в кургане раннескифского времени могильника Айрыдаш-I, который исследовался в долине Катуня (раскопки А.С. Суразакова). Аналогичные предметы, но найденные в паре, обнаружены в памятниках майэмирской культуры Машенка-I (Шульга П.И., 1998а, рис. 5.-13–14) и Чекановский Лог-10 (Демин М.А., Ситников С.М., 1999, рис. 3.-4, 7). Ранее нами предполагалась функциональное назначение этой вещи или использование в виде оберега (Тишкин А.А., 1996е). В настоящее время следует признать первое. Предложена реконструкция их использования в качестве детали распределителя ремня узды (Демин М.А., Ситников С.М., 1999, рис. 4.-3–5). Находки таких предметов в других регионах и в другие эпохи нам не известно. По-видимому, данная традиция применения добавочных фаланг лося в снаряжении коня является особенностью культур 2-й половины VIII–VII вв. до н.э. Горного Алтая и северо-западных предгорий. Другие предметы (рис. 70.-6, 10, 15), найденные в кургане №6, находят аналогии в памятниках раннескифского времени Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 71–72, рис. 36, 38, 39 и др.).

Что касается бронзовых удил (рис. 70.-18) со стремечковидными окончаниями и бронзового зеркала (рис. 70.-19) из кургана №17 памятника Бийке, то их датировка не вызывает больших сомнений и определяется 2-й половиной VII–VI вв. до н.э. по кругу аналогий из Горного Алтая и сопредельных территорий (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 87–89). Кроме того, курган №17 отличается по деталям погребальных конструкций и реализованного обряда (рис. 70.-3) от других исследованных объектов и отражает пласт захоронений позднего этапа бийкенской археологической культуры. Примерно в то же время сооружен находящийся поблизости объект №19, датировемый находкой бронзового зеркала (рис. 70.-16), диаметр которого немного меньше по сравнению с подобным изделием из рассмотренного выше погребения. Бронзовых зеркал с петелькой посередине обратной стороны диска на Алтае найдено пока совсем немного. Ближайшие такие вещи обнаружены выше по течению Катуня на курганном могильнике Бойтыгем-II (Абдулганеев М.Т., 1994, с. 37–38, рис. 3) и на памятнике Сальдяр-II Могильников В.А., Суразаков А.С., 1997, рис. 1.-2). Начало бытования подобных предметов исследователи относят к VIII в. до н.э., наиболее широко они использовались в VII–VI вв. до н.э. и характерны для тагарской культуры, найдены в Туве, в Приобье и в северо-западных пред-

горьях Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 87–89). Отмеченная тенденция уменьшения диаметра и толщины таких бронзовых зеркал к V–IV вв. до н.э. (Членова Н.Л., 1992, с. 216) требует проверки на массовом материале.

Курган №15 на Бийке (Тишкин А.А., 1996е, рис. 25), в котором найдены только бусы (рис. 70.-20), можно датировать VII–VI вв. до н.э. по аналогии с находками из Усть-Куюма (Марсадалов Л.С., 1981, с. 19–21, рис. 4, Степанова Н.Ф., 1996а, рис. 1.-3). Северная ориентация умершей и расположение объекта на могильном поле (рис. 53) сближают его с курганами №17 и 19.

В кургане №7 с подбоем вместе с погребенной женщиной найдено ожерелье и медная серьга (рис. 70.-13, 14), которые можно датировать в рамках 2-й половины VIII–VII вв. до н.э. Распространение зафиксированного сочетания бусин из различных камней и форма серьги, по мнению исследователей, больше характерны для культур этого времени, находившихся ближе к среднеазиатскому региону. В Горном Алтае подобное ожерелье найдено в кургане №5 могильника Карбан-I, датируемого VII в. до н.э. Авторами отмечено его «иноземное происхождение» (Демин М.А., Гельмель Ю.И., 1992). Возможно, что находка «импортного» ожерелья подтверждает наличие захоронения представительницы другого племени, попавшей на Алтай в результате заключения брачного союза. Серьга оказалась очень плохой сохранности и в результате полностью рассыпалась. Удалось в определенной мере зафиксировать ее внешний облик и в Лаборатории минералогии и геохимии ТГУ получить результат полуколичественного спектрального анализа (в весовых процентах): Cu – >5; Co – 0,005; Sn – 0,005; Ag – 0,005; Ca – 0,003; Pb – 0,0012; Si – 0,001; Nb – 0,001; Fe – 0,0005; Ge – <0,0003; Bi – 0,0003 (исполнитель Е.Д. Агапова). На основе этих данных можно сказать, что изделие было медное, а все остальные показатели отражают особенности руды, использованной для изготовления металлического украшения. Опираясь на некоторые показатели, можно предположить, что источником месторождений мог быть и Рудный Алтай. К сожалению, до сих пор не получены результаты проб, взятых с других металлических предметов раннескифского времени, найденных на памятнике Бийке.

Ткань, найденная в кургане №7 могильника Бийке (рис. 70.-12), произведена из стопроцентной овечьей шерсти. Причем ее нити состояли из пуховых волокон и волокон переходного волоса, что говорит о шерсти высокого качества. Находка такого образца является одним из наиболее древних текстильных изделий, обнаруженных в Горном Алтае и дошедшем до современных исследователей. Это дает возможность предметно говорить о занятиях прядением и ткачеством. Ближайшая аналогия подобной вещи обнаружена в кургане раннескифской эпохи на могильнике Тыткескен-VI (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997а–б). Анализ и этой ткани был проделан дважды. Получены аналогичные результаты, позволяющие предполагать существование определенных традиций и способов изготовления текстильных изделий из шерсти в данном регионе в раннескифское время.

Подводя итоги нашему изучению материалов, полученных при раскопках курганов раннескифского времени на Бийкенском микрорайоне в Горном Алтае, все же отме-

тим то, что более детальные исследования конкретных категорий вещей и особенностей погребального обряда будут продолжены и найдут отражение в следующих публикациях, посвященных культурно-хронологической схеме исторического развития населения Горного Алтая от раннескифского до монгольского времени.

Представленный в данном параграфе сведения характеризует бийкенскую археологическую культуру в общем и дают возможность определить имеющиеся материалы в хронологические группы (см. заключение).

3.1.2. Пазырыкское время

Скифская эпоха представлена в Горном Алтае еще памятниками хорошо известной пазырыкской археологической культуры. В настоящее время ее можно считать наиболее изученной (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003б). Существует значительное количество научной литературы, в том числе монографической, в которой отражены проблемы ее происхождения и развития. Однако еще имеется много нерешенных вопросов. Ясно то, что между бийкенской и пазырыкской культурами нет преемственности, хотя отдельные предметы раннескифского облика бытовали на Алтае еще до середины I тыс. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1985, 1996, 1998, 2000в; Тишкин А.А., 1996г; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003д, 2005).

На территории Бийкенского археологического микрорайона раскопаны всего два погребения пазырыкского времени: курган №23 на могильнике Бийке и курган №8 на памятнике Усть-Бийке-III (рис. 71). По всей видимости, там есть и другие объекты этого периода, но их просто еще не исследовали. Поблизости от р. Бийке раскопано значительное количество курганов пазырыкской культуры, материалы которых обобщены в диссертациях (Миронов В.С., 2000; Степанова Н.Ф., 2000) и изложены в ряде статей и монографий (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Степанова Н.Ф., Неверов С.В., 1994; Кубарев В.Д., 2001; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004; и мн. др.).

О кургане №23 краткие сведения были опубликованы почти десять лет назад. Предварительно объект датирован скифской эпохой (Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 1996). В настоящее время на основе сравнительного анализа обнаруженных в погребении специфических бусин (рис. 71.-3) и отсутствия керамики хронология захоронения определена концом VI–V вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 111). Зафиксированные сооружения и реализованный погребальный обряд (рис. 71.-1) находят значительное количество аналогий в памятниках пазырыкской культуры, расположенных на границе Средней и Нижней Катуни (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004).

Более специфичен исследованный на памятнике Усть-Бийке-III курган №8. Насыпь у него была невысокой, слабо заметной на поверхности, крепида отсутствовала. Забутовка могилы оказалась плотной и состояла из множества камней и песка (рис. 37).

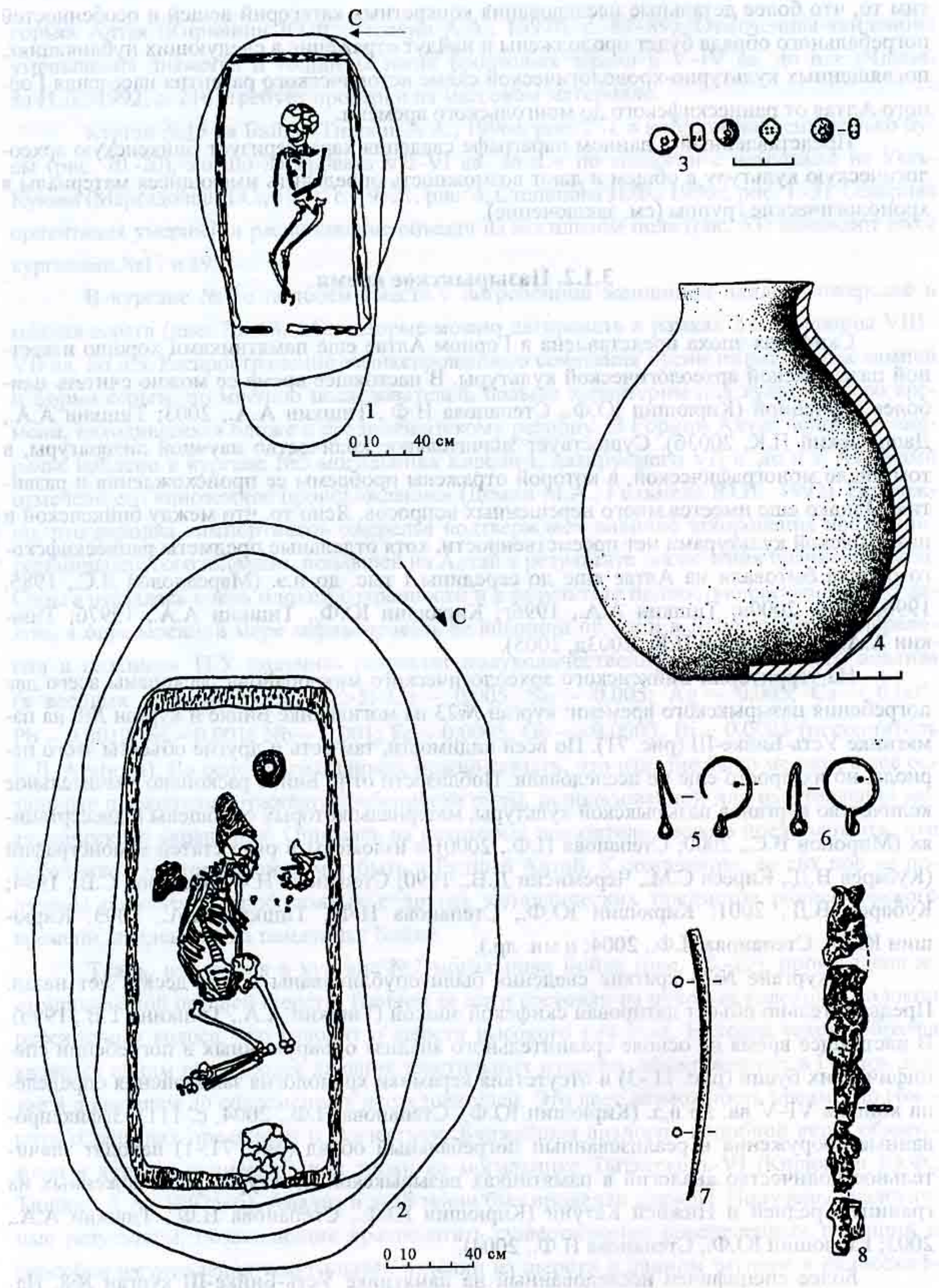

Рис. 71. Комплекс пазырыкского времени, найденный на памятниках Бийкенского археологического микрорайона

Яма на уровне погребальной камеры имела уступы, которые с одной стороны были шире, чем с другой (рис. 37, 38). Погребальная камера представляла собой, по всей видимости, деревянный ящик. Подобное сооружение было найдено на памятнике Тыткескень-VI при исследовании объекта №47, который отличался отсутствием насыпи (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003). Внутри находилась умершая женщина, уложенная на левый бок, головой на юго-юго-запад (рис. 71.-2). Такая поза и ориентировка погребенной для захоронений пазырыкской культуры являются довольно редкими (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003б; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 15–16), но встречаются именно в долине Нижней Катунь. В разных местах Горного Алтая отмечены уже многочисленные погребения женщин скифской эпохи с «темным пятном у черепа». Это свидетельство использования парика хорошо подтверждается исследованиями на плато Укок (Полосьмак Н.В., 2001) и в предгорьях Алтая (Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С., 2005). Набор обнаруженных предметов (сосуд, серьги, заколка и нож; рис. 71.-4–8) обычен для погребальных памятников пазырыкской культуры V–IV вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004), хотя имеет свои специфические черты.

Полученные немногочисленные материалы не позволяют более подробно остановиться на рассмотрении проблем хронологии объектов скифской эпохи Алтая, но они дополняют ранее сформулированные положения.

3.1.3. Гунно-сарматское (хуннско-сяньбийско-жужанское) время

Археологические объекты Бийкенского микрорайона, относящиеся к следующему историческому периоду – хуннско-сяньбийско-жужанскому времени (II в. до н.э. – V в. н.э.), исследованы в двух пунктах (рис. 72). Это – памятник Бийке (курган №16) и могильник Усть-Бийке-III (курган №4). Первый из них не содержал сопроводительного инвентаря, поэтому судить о его культурной принадлежности и времени сооружения можно лишь на основании анализа погребального обряда. Выявленные признаки находят ближайšie аналогии в памятниках булан-кобинской культуры. Малая многослойная каменная насыпь известна на могильниках Булан-Кобы-IV, Яломан-II, Верх-Уймон, Кок-Паш (Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 178, рис. 3.-2, 6; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, с. 488; Соенов В.И., 2000, с. 48; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 14, рис. 22–25). Там же зафиксирована кольцевая выкладка по периметру надмогильного сооружения. Не исключено, что крепиды из двух и более слоев камней сооружались на гораздо большем числе объектов, но этот признак специально не выделялся исследователями. Грунтовая яма, на дне которой установлен каменный ящик, перекрытый поперечными плитами, встречается на многих булан-кобинских памятниках: Усть-Эдиган, Чендек, Яломан-II, Сары-Бел, Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Бош-Ту, Айрыдаш-I, Сальдьяр-II, Верх-Уймон, Пазырык, Кок-Паш и др. (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 132, рис. 37, 38; Худяков Ю.С., 1998, с. 166, рис. 11–24; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 30, рис. 13, 18, 19, 21, 25, 27, 28, 32, 37; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, с. 489, 491; Соенов В.И., 1999, с. 135, рис. 12; 2000, с. 49, рис. 5; 2003, рис. 11.-3, 12.-1, 13.-1;

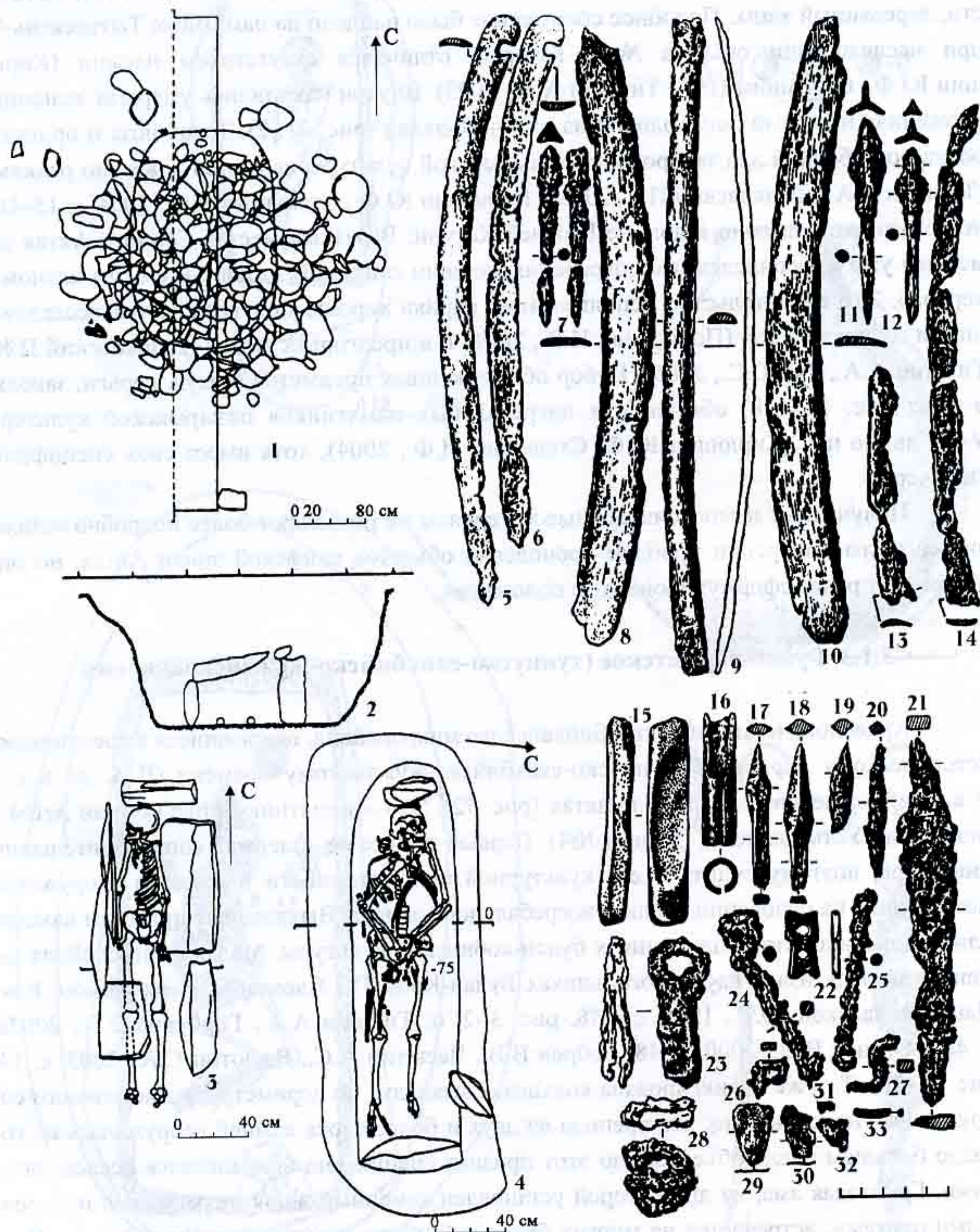

Рис. 72. Комплекс булан-кобинской культуры, найденный на памятниках Бийкенского археологического микрорайона

Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 178, рис. 2, 3; Глоба Г.Д., 1983, с. 120, табл. II; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995, с. 62, рис. 2; 1997, с. 143, рис. 7, 8; Сорокин С.С., 1977, с. 66, рис. 9; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 17, рис. 5, 21, 29, 32, 35, 36, 38). Положение скелета вытянуто на спине, с небольшим завалом на правый бок, зафиксировано в погребениях на Усть-Эдигане, Сары-Беле, Чендеке, Бике-І, Айрыдаше-І, Бош-Ту, Балыктыюле (Худяков Ю.С., 1998г, рис. 6; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 21; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 42; Соенов В.И., 1999, рис. 5, 7, 9; 2003, рис. 12.-2, 14.-1; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995, рис. 2, 8; Сорокин С.С., 1977, рис. 2). Несколько нестандартна ориентация умершего человека головой на север в кургане №16. Сам способ погребения (одиночная ингумация) является для них преобладающим. По совокупности признаков курган №16 более соответствует объектам развитого этапа булан-кобинской культуры, датирующимся в пределах II – 1-й половины IV вв. н.э. Он был встроен в цепочку курганов бийкенской культуры, рядом с объектом №17 (рис. 53). Поскольку эта группа полностью раскопана, можно говорить о том, что булан-кобинский курган представлял там единичный случай. Одинокое захоронение пожилого мужчины, без инвентаря, скорее всего, свидетельствует о его весьма низком социальном статусе.

Более поздние хронологические позиции занимает курган №4. Его погребальный обряд также соответствует канонам булан-кобинской культуры. Небольшая каменная насыпь крепиды не имела, но последняя могла не сохраниться в результате сползания конструкции кургана по склону (рис. 18). Грунтовая яма с заплечиками находит аналогии на могильниках Бике-І, Балыктыюль, Кок-Паш (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 33, 45; Сорокин С.С., 1977, рис. 2; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 7, 21, 22–24). Комбинированный ящик из каменных торцовых плит, деревянного перекрытия и продольных стенок (сохраняются не всегда) известен во внутримогильных конструкциях на Усть-Эдигане, Сары-Беле, Яломане-II, Бош-Ту, Айрыдаше-І, Бике-І и Верх-Еланде-II (Худяков Ю.С., 1997а, рис. 2; Соенов В.И., 1999, рис. 5, 7, 9; 2003, рис. 14.-1, 5; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, с. 489; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995, рис. 5, 6, 8, 10; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 41; Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 1). Способ погребения (одиночная ингумация), положение умершего вытянуто на спине, головой на запад (с небольшим отклонением к югу) характерны для многих булан-кобинских памятников.

Разнообразный инвентарь кургана №4 позволяет довольно точно определить его датировку. Он представлен следующими вещевыми комплексами: вооружение, снаряжение верхового коня, орудия труда и быта, украшения.

Комплекс вооружения составляет самая массовая серия находок. Она относится к двум категориям: оружие и воинское снаряжение. По дистанции поражения выделяется оружие дальнего боя (лук и стрелы) и оружие ближнего боя (нож).

В кургане №4 обнаружены остатки сложносоставного лука, от которого сохранился комплект из семи роговых накладок (две пары концевых боковых (верхние и нижние) и три срединные (две боковые и одна тыльная)). Концевые накладки сделаны из плавно изогнутых пластин, напоминающих по форме запятую. Один конец такой пластины заужен, а другой оформлен в виде округлой головки с вырезом для тетивы, распо-

ложенном в 1,2 см от его края. Размеры верхних накладок такие: длина 27 см, средняя ширина 1,5 см (рис. 20.-1-2), нижних — длина 25 см (в целом виде), средняя ширина 1,5 см (рис. 20.-6-7). Срединные боковые накладки изготовлены из пластин, боковые стороны которых плавно изогнуты, а окончания закруглены, что придает им овально-дуговидную форму. Их размеры следующие: длина 29 см, ширина 2,5 см (рис. 20.-3, 5). Срединная тыльная накладка сделана из пластины прямоугольной формы, окончания которой слегка расширены. Она имеет такие размеры: длина 30 см, средняя ширина 1,4 см (рис. 20.-4).

Положение накладок в могиле позволяет реконструировать форму и размеры лука (рис. 19). Он был помещен в могилу со снятой тетивой. Расстояние между его концевыми накладками равнялось 146 см. Несмотря на асимметричные рога, промежутки от рукояти до верхних и нижних накладок были одинаковы и составляли по 36 см. Это говорит о симметрии плеч лука при разной длине концов. Форма изделия со снятой тетивой напоминала букву «С». В этом положении плечи лука плавно изогнуты на внешнюю сторону (рис. 73.-1). С надетой тетивой лук становился похожим на букву «М», а его плечи выгибались с внутренней стороны (рис. 73.-2). Когда тетива лука натягивалась для выстрела, сходство с буквой «М» еще более усиливалось (рис. 73.-3).

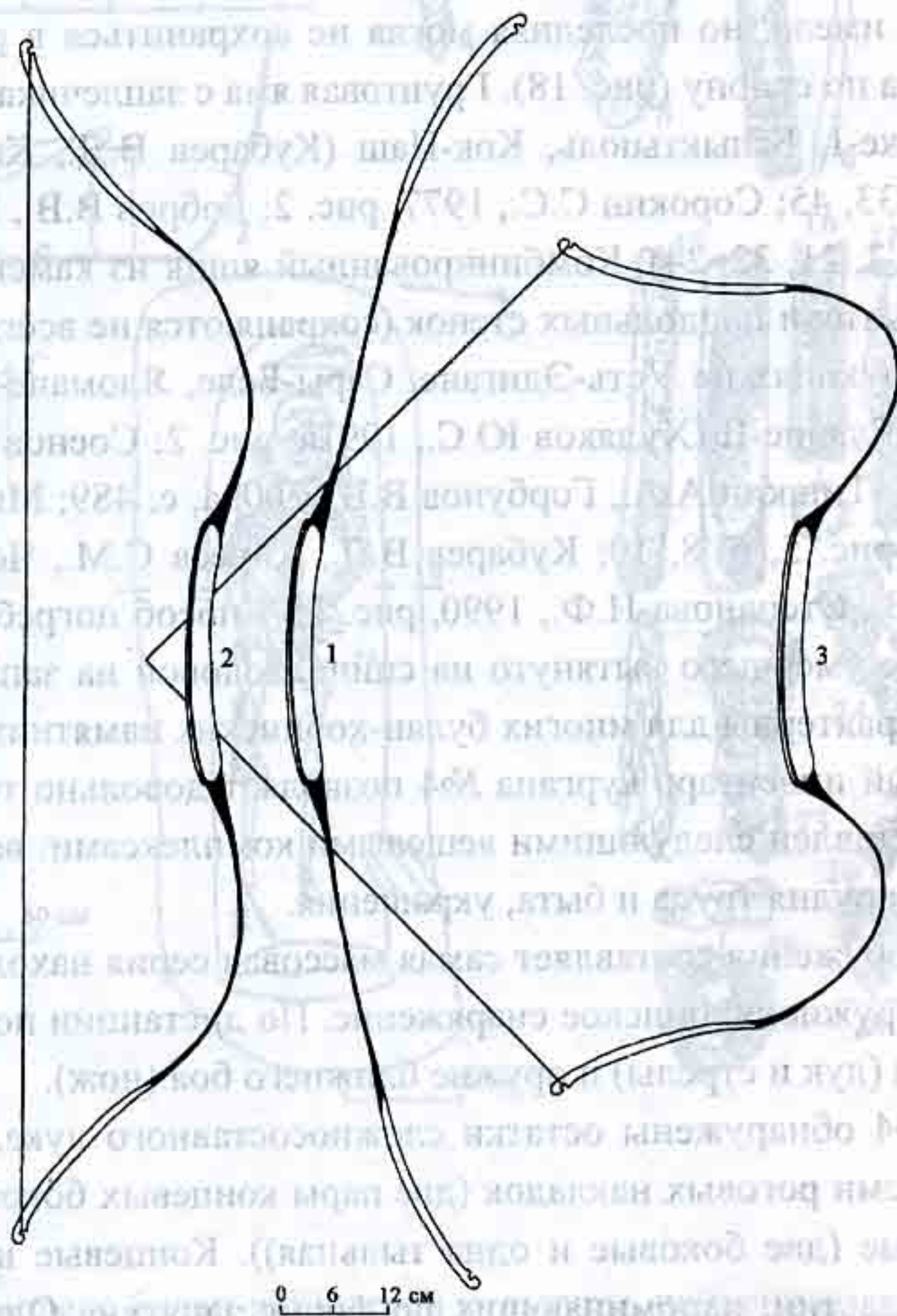

Рис. 73. Реконструкция лука булан-кобинской культуры

Комплекты из семи накладок, аналогичные по составу усть-бийкенским находкам, относятся к лукам «хуннского» типа, широко применявшимся многими народами Евразии на протяжении III в. до н.э. – V в. н.э. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 2; Хазанов А.М., 1971, с. 28–34, табл. XVII; Савинов Д.Г., 1981, с. 147–148, рис. 4; Худяков Ю.С., 1993, с. 109–122, рис. 3, 11; Засецкая И.П., 1994, с. 35–36, табл. 31, 36; Горелик М.В., 1995, с. 367–368, табл. 45). Лук из кургана №4 отличается от собственно хуннских (Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д., 1990, рис. 1–4; Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С., 2003, рис. 1–12) овально-дуговидной формой срединных боковых накладок и большей длиной тыльной накладки. Эти детали оформления присущи накладкам от булан-кобинских луков из памятников Горного Алтая II – I-й половины V вв. н.э. (Сорокин С.С., 1969, рис. 22.-11, 12; 1977, рис. 10.-1; Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 6.-2, 3; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 29.-4–6; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 14.-9; Тетерин Ю.В., 2004, рис. 1, 2).

Наконечники стрел располагались в могиле кургана №4 остриями в разные стороны: четыре вверх и два вниз (рис. 19). Расстояние между ними составляло 85 см, что указывает на вероятные размеры несохранившегося колчана, видимо, изготовленного из органических материалов (кожа, ткань?). К боевым экземплярам относятся три железных наконечника. Они имели черешковый насад со следами деревянных древков. По форме тела пера наконечника и его поперечного сечения, а также по абрису пера в продольной плоскости выделяются следующие типы изделий:

1. Трехлопастной, ромбический наконечник (рис. 20.-9). Размеры: общая длина 9,5 см, длина пера 4,7 см, наибольшая ширина пера 1,7 см.
2. Трехгранно-трехлопастной, ярусный пятиугольно-шестиугольный наконечник (рис. 20.-10). Размеры: общая длина 8 см, длина пера 3,1 см, наибольшая ширина пера 1,5 см.
3. Трехгранный, треугольный наконечник, с цилиндрическим упором (рис. 20.-8). Размеры: общая длина 8 см, длина пера 3,8 см, наибольшая ширина пера 1,2 см.

Первый из этих наконечников имеет значительный круг аналогий. Такие изделия встречаются в памятниках хуннской, кокэльской, таштыкской, джетысарской, кенкольской и одинцовской культур и датируются в пределах конца III в. до н.э. – V в. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. ХLI.-3; Уманский А.П., 1985, рис. I.-2–4; Худяков Ю.С., 1986, рис. 5.-7–9, 25.-19–22, 36.-3; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 3.-17, 4.-10; Горбунов В.В., 1993, рис. 3.-16; Левина Л.М., 1996, рис. 92.-35, 56; Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М., 2004, рис. 3.-4). На территории Горного Алтая трехлопастные ромбические наконечники зафиксированы в булан-кобинских памятниках II – I-й половины V вв. н.э. (Суразаков А.С., 2002, с. 180; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 18.-1, 19.-14; Тетерин Ю.В., 2004, рис. 5.-1, 4, 6). Трехгранно-трехлопастной ярусный наконечник представляет собой редкий экземпляр. По абрису пера он схож с трехлопастными «ярусниками» из Булан-Кобы-IV II – I-й половины IV вв. н.э. (Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т., 1991, рис. 2.-1), а по сечению пера аналогичен экземпляру из Кок-Паша 2-й половины IV – I-й половины V вв. н.э. (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 10.-1). Наконечники стрел с трехгранным пером треугольного абриса

известны в хуннских, кенкольских и джетысарских памятниках (Худяков Ю.С., 1986, рис. 6.-1; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 6.-8, 14, 16, 24; Левина Л.М., 1996, рис. 92.-28, 39). Экземпляр с аналогичным сечением пера и цилиндрическим упором происходит из могильника Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 16.-11). В целом набор боевых наконечников стрел из кургана №4 датируется в широких пределах (конец I тыс. до н.э. – 1-й половина I тыс. н.э.), но наличие в нем ярусного экземпляра с трехгранно-трехлопастным сечением и цилиндрического упора у трехгранного наконечника позволяют сузить хронологические рамки до 2-й половины IV – 1-й половины V вв. н.э.

Железный нож из кургана №4 по своим параметрам относится к боевым изделиям (Горелик М.В., 1993, с. 11). Его общая длина составляет 17 см, из которых на клинок приходится 13,5 см. Наибольшая ширина клинка 2,8 см, толщина обуха 0,6 см, поперечное сечение вытянуто-треугольное. Черен ножа наклонен в сторону лезвия. При переходе клинка в черен имеются плечики: короткое со стороны обуха и более длинное со стороны лезвия (рис. 21.-13). Данный нож по своей форме соответствует экземплярам с так называемым выпуклым обухом. Они хорошо известны в памятниках хуннской, кокзельской, таштыкской и одинцовской культур (Кызласов Л.Р., 1960, рис. 30.-8, 51.-7; Дьяконова В.П., 1970, табл. X.-13, 20–23, 25, 31–37; Уманский А.П., 1974, рис. 3.-2, 5.-3–5; Коновалов П.Б., 1976, табл. XVI.-3, 8; Егоров Я.В., 1993, рис. 1.-4, 5; Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М., 2004, рис. 4.-1). Но особенно много таких изделий встречается в памятниках II – 1-й половины V вв. н.э. булан-кобинской культуры (Гаврилова А.А., 1965, рис. 3.-7, 8; Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 4.-10, 7.-1; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, рис. 4.-1; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 4.-4, 43.-2; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 11.-2, 12.-24, 38, 19.-9; Тетерин Ю.В., 2004, рис. 8.-4–6). Не все выпукло-обушные ножи являются боевыми, но значительная часть булан-кобинских изделий по своим размерам вполне могла служить дополнительным оружием рукопашного боя.

К воинскому снаряжению мы относим две железные пряжки от поясов. Одна из них рамчатая в форме сегмента, с подвижным язычком, надетым на прямую сторону рамки (рис. 21.-14). Она была обнаружена на тазе погребенного и скрепляла основной пояс, к которому подвешивался нож и бытовые предметы (оселок и шило), вероятно, в сумочке (рис. 19). Вторая пряжка имеет овальную рамку и подвижный щиток прямоугольной формы, сделанный из перегнутой пластины, внутрь которой вставлялся ремень. Язычок пряжки не сохранился (рис. 21.-8). Она зафиксирована в заполнении могилы и могла быть подношением умершему воину во время похорон. Но, вероятнее всего, пряжку сместили наверх грызуны. В этом случае она должна относиться ко второму поясу, предназначавшемуся для ношения колчана со стрелами и налучья с луком.

Рамчатые пряжки сегментовидной формы широко бытовали во времени и пространстве. Ближайшие точные аналогии нашему экземпляру происходят из булан-кобинских памятников II – 1-й половины V вв. н.э. (Гаврилова А.А., 1965, рис. 3.-4; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 37.-10; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 44; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-13). Пряжки с под-

вижным щитком-зажимом, аналогичные усть-бийкенской, известны в кокэльских, булан-кобинских и одинцовских памятниках II–V вв. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. XLI.-19; Дьяконова В.П., 1970, табл. XI.-22, 25; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 46.-4, 5; Соенов В.И., 2000, рис. 10.-7; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 7.-27).

К комплексу снаряжения верхового коня относятся удила с одним псалием и пряжка-блок. Удила сделаны из железных прутьев квадратного (рис. 21.-9) и округлого (рис. 21.-10) сечения. Окончания звеньев равновеликие, кольчатые. Во внешнем кольце одного звена сохранился железный псалий. Он кольчатый, диаметром 2 см и с подквадратным сечением (рис. 21.-9). Размеры звеньев и псалия позволяют предположить, что перед нами несколько уменьшенная модель-копия реального изделия. Наиболее точная аналогия ему происходит из памятника одинцовской культуры 2-й половины IV–V вв. н.э. Татарские Могилки (Уманский А.П., 1974, рис. 5.-22).

Роговая пряжка-блок (рис. 21.-7) была найдена в погребении возле таза человека, что может говорить об ее использовании для поясной портупеи. Однако обычно такие изделия сопровождают верховых коней. Отсутствие в кургане №4 захоронения лошади, но при этом наличие удил (под ребрами человека) позволяет и пряжку-блок относить к конской амуниции. Похожие изделия встречаются в булан-кобинских памятниках 2-й половины IV – 1-й половины V вв. н.э. (Соенов В.И., 2000, рис. 3.-3).

Комплекс орудий труда и быта представлен охотничьими наконечниками стрел, оселком, шилом и трубочкой-игольником.

Охотничьи наконечники стрел сделаны из рога. Один экземпляр поврежден, остальные имеют черешковый насад. Поперечное сечение пера у всех экземпляров шестигранное в широкой части и четырехгранное (ромбовидное) ближе к острию. По абрису пера выделяются ромбический (рис. 21.-3), вытянуторомбический (рис. 21.-4) и килевидный (рис. 21.-5) наконечники. Похожие изделия, без выраженных плечиков, имели широкое распространение во многих культурах Восточной Азии на протяжении I тыс. н.э. Образцы, идентичные усть-бийкенским наконечникам, представлены в материалах сяньбийской, джетыясарской, кокэльской, булан-кобинской и одинцовской культур из памятников II–V вв. н.э. (Грязнов М.П., 1956, табл. XLII.-8; Дьяконова В.П., 1970, табл. II.-1; Уманский А.П., 1974, рис. 5.-13,14; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, рис. 3.-5, 9; Левина Л.М., 1996, рис. 93.-14, 36; Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 2.-6).

Такие предметы быта, как каменный оселок (рис. 21.-1) и железное граненое шило (рис. 21.-6), не несут в себе датирующей информации в силу малой конструктивной изменчивости. Однако можно указать на аналогичные изделия из могильника Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-25, 10.-26). Костяная «трубочка-игольник» имеет массу аналогов в памятниках булан-кобинской культуры (Глоба Г.Д., 1983, табл. V.-6; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, рис. 3.-13, 14; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 4.-3; Суразаков А.С., 2002, с. 180). Встречаются они в материалах хуннуской и одинцовской культур (Грязнов М.П., 1956, табл. XLV.-8; Давыдова А.В., 1995, табл. 181.-22, 23; 1996, табл. 71.-15–18; Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М., 2004, рис. 3.-12).

Украшения из кургана №4 представлены бусиной и накладками-нашивками. Каменная бусина цилиндрической формы (рис. 21.-19), судя по своему положению в могиле, являлась нашейным украшением. Бронзовые пластины-нашивки (рис. 21.-15–18) находились возле рукояти лука и наконечников стрел, что предполагает их использование для украшения футляров налучья и колчана. Близкие аналогии бусине и накладкам-нашивкам обнаруживаются в памятниках булан-кобинской культуры II – 1-й половиной V вв. н.э. (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, рис. 31.-9, 10, 12, 13; 37.-13; 40.-6, 7; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 26.-11–14).

Рассматривая в целом инвентарный набор из погребения кургана №4, отметим, что часть предметов, его составляющих, бытовала в хронологическом диапазоне с конца III в. до н.э. по V в. н.э. Это – концевые накладки лука, трехлопастной ромбический и трехгранный треугольный наконечники стрел, трубочка-игольник. Большинство вещей из этого набора имеют нижнюю дату II в. н.э.: срединные накладки лука, ярусный наконечник стрелы, выпукло-обушный нож, пряжка с подвижным щитком-зажимом, роговые наконечники стрел, украшения. Однако и эта граница может быть сужена за счет ряда предметов и деталей их оформления (трехгранно-трехлопастное сечение ярусного наконечника, цилиндрический упор у трехгранного наконечника, «вотивные» удила, пряжка-блок) до середины IV в. н.э. Верхняя хронологическая граница предметного набора достаточно четко проходит по V в. н.э. За ее пределы могут выходить лишь роговые наконечники стрел и пряжка-блок, не считая предметов, датирующее значение которых мало значимо (рамчатая сегментовидная пряжка, оселок, шило). Учитывая, что булан-кобинские памятники на территории Горного Алтая в середине V в. н.э. сменяются тюркскими (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002, с. 178–179), датировку кургана №4 можно определить 2-й половиной IV – 1-й половиной V вв. н.э., что соответствует позднему этапу булан-кобинской культуры.

Планиграфия кургана №4 показывает, что он (как и курган №16 на могильнике Бийке) является единственным булан-кобинским объектом, в окружении других разнокультурных сооружений. Ближе всего он стоял к цепочке из двух тюркских курганов (рис. 9). Состав инвентаря позволяет определить погребенного в кургане №4 зрелого мужчину как рядового воина-дружиинника.

Таким образом, на территории Бийкенского микрорайона пока исследованы всего два объекта булан-кобинской культуры. Один из них более ранний (Бийке, курган №16) и датируется, вероятно, II – 1-я половина IV вв. н.э. Второй (Усть-Бийке-III, курган №4) определен 2-й половиной IV – 1-й половиной V вв. н.э. и относится к заключительному периоду существования этой культуры. Очевидно, долина Бийке в хуннуско-сяньбийско-жужанское время не служила местом постоянного захоронения для булан-кобинского населения, а использовалась эпизодически. В ряде соседних долин, выше и ниже по течению Катуня, исследованы целые могильники: Бике-I, Усть-Эдиган, Улуг-Чолтух, Айрыдаш-I – на правом берегу, а Тыткескень-VI, Карбан-I, Дялян – на левом (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Худяков Ю.С., 1992, 1997а–б, 1998а–г, 2002а–б, 2003а; Суразаков А.С., 1990б, 2002; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992; Контев А.В., 1991; Тетерин Ю.В.,

1991). Одинокое булан-кобинское погребение зафиксировано на памятнике Верх-Еланда-II (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990). Все эти могильники составляют географически обособленную группу северной части Горного Алтая, приуроченную к нижнему течению Катуня.

Другая крупная группа памятников булан-кобинской культуры сосредоточена в центральной части Горного Алтая, по среднему и верхнему течению Катуня. Это могильники Сары-Бел, Яломан-II, Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II, Бош-Ту, Сальдьяр-II, Боочи, Улита, Чендек, Верх-Уймон, Катанда-I, а также одиночные объекты в пунктах Семисарт-I, Катанда-3, Кокса, Кызыл (Гаврилова А.А., 1965; Глоба Г.Д., 1983; Мамадаков Ю.Т., 1985, 1990, 1995; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995; 1997; Соенов В.И., 1999; 2000; Марсодолов Л.С., 2001; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002б, 2003а; Кочеев В.А., Суразаков А.С., 2003).

Третья группа булан-кобинских объектов исследована в восточной части Горного Алтая, в бассейне рек Башкаус и Чульшман. Это – могильники Пазырык, Балыктуюль, Кок-Паш (Гаврилова А.А., 1965; Сорокин С.С., 1977; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003).

В остальных районах Горного Алтая открыты пока только отдельные булан-кобинские памятники: в юго-восточной части (среднее и верхнее течение Чуи) – это могильник Курайка (Соенов В.И., Эбель А.В., 1998); в южной (плоскогорье Укок) – могильник Кальджин-6 и одиночные объекты в пунктах Кальджин-8 и Ак-Кол-1 (Молодин В.И., 1997; Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В. и др., 2004); в северо-западной (верхнее и среднее течение Чарыша) – Урочище Балчикова-3 и одиночное погребение в пункте Ябоган-III (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002; Могильников В.А., Суразаков А.С., 2003); в юго-западной части (бассейн Бухтармы) – могильник Берель (Гаврилова А.А., 1965; Сорокин С.С., 1969).

3.2. Эпоха раннего и развитого средневековья

3.2.1. Тюркское время

Памятники эпохи раннего средневековья или тюркского времени (V–XI вв.) открыты в Бийкенском микрорайоне на могильнике Усть-Бийке-III (курганы №5 и 6) и комплексе Бийке (курган №21) (рис. 74).

Курганы №5 и 6 по всем признакам погребального обряда соответствуют канонам тюркской культуры. Их насыпи представляли собой незначительную (однослойную) каменную наброску, первоначально концентрировавшуюся над могилой и вокруг нее, а впоследствии сместившуюся по склону (рис. 22, 29). Аналогичная конструкция встречена на могильнике Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, с. 28, табл. XIII.-Д). Могильные ямы подпрямоугольной формы, с небольшой приступкой для захоронения коня и углубленной частью для погребения человека, дополнительно разделенными камнями (рис. 23, 30), характерны для многих тюркских памятников Горного Алтая (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 93–95; Гаврилова А.А., 1965, с. 28; Могильников В.А., 1981, с. 32–34;

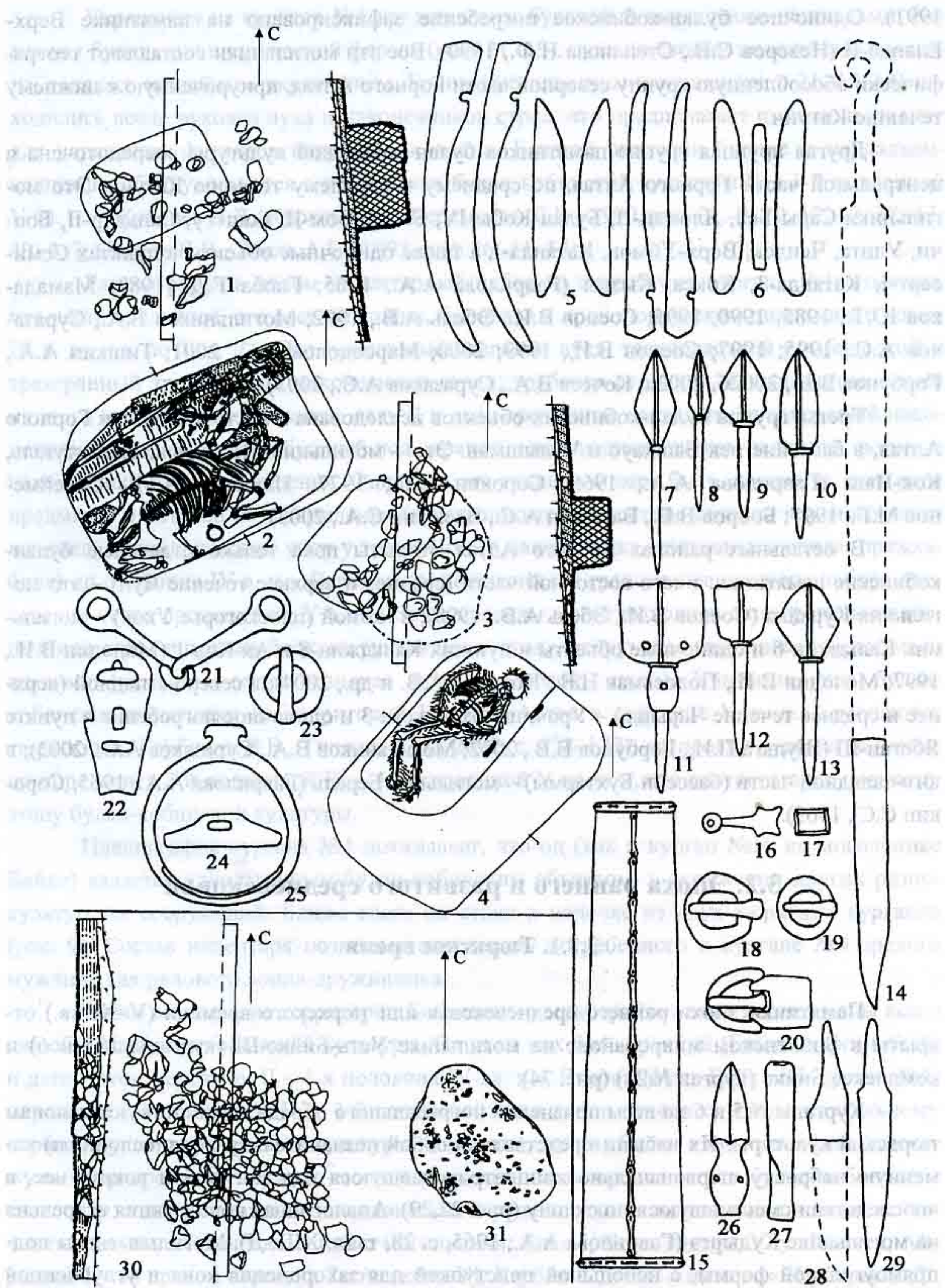

Рис. 74. Комплекс тюркской культуры и кыргызское захоронение, найденные на памятниках Бийкенского археологического микрорайона

Кубарев Г.В., 1997, с. 5–6). Способ погребения в кургане №5 – одиночная ингумация в сопровождении целой туши коня, является классическим для тюркского обряда. Очень редко в тюркских памятниках встречаются погребения по способу одиночной ингумации, как в кургане №6 (Гаврилова А.А., 1965, табл. VIII.-А, IX.-Б, XXII.-В; Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, рис. 4; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, рис. 6.-1; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, рис. 2.-1). Однако наличие в могиле этого кургана достаточно большой приступки для размещения там лошади скорее говорит о том, что сопроводительное захоронение животного планировалось совершить. Видимо, по каким-то причинам это оказалось невозможным.

Ориентация умерших из курганов №5 и 6 головой в восточный сектор (отклонение на северо-восток) абсолютно преобладает среди тюркских погребений Горного Алтая. В кургане №5 умерший человек лежал вытянуто на спине (рис. 23). Эта поза являлась наиболее распространенной. В кургане №6 погребенный располагался на спине с согнутыми в коленях ногами (рис. 30). Это положение более редкое, но также известно на ряде тюркских могильников: Кудыргэ, Кара-Коба-I (Гаврилова А.А., 1965, табл. IX.-Б; Могильников В.А., 1990, рис. 14, 18). Конь в могиле кургана №5 находился слева от человека на животе с подогнутыми ногами и был ориентирован в одну с ним сторону (на северо-восток). Само положение животного является классическим для тюркского обряда. В памятниках Горного Алтая преобладает противоположная ситуация. Ориентация лошади в одну сторону с человеком известна на могильниках Кудыргэ, Курай-II, Туэкта, Курота-I (Киселев С.В., 1949, с. 298; Гаврилова А.А., 1965, с. 28), а также встречается на многих сопредельных и более отдаленных территориях, иногда в массовом порядке, где были распространены памятники тюрок (Овчинникова Б.Б., 1990; Табалдиев К.Ш., 1996; Худяков Ю.С., 2004).

Сопроводительный инвентарь из курганов №5 и 6 позволяет определить их хронологические позиции в рамках тюркской культуры. Инвентарь представлен такими вещевыми комплексами, как вооружение, снаряжение верхового коня, орудия труда и быта.

Комплекс вооружения состоит из двух категорий: оружие и воинское снаряжение. По дистанции поражения выделяется оружие дальнего боя (луки и стрелы) и оружие ближнего боя (меч).

В обоих курганах обнаружены комплекты роговых накладок от сложносоставных луков. В кургане №5 этот набор был из шести накладок: две пары концевых боковых (верхние и нижние) и две боковые срединные. Концевые накладки сделаны из более сильно (верхние) и более слабо (нижние) изогнутых пластин. Один конец такой пластины заужен, а другой расширен и заострен двумя наклонными срезами, образуя массивную головку. Вырез для тетивы расположен в 3,2–4 см от ее края. Размеры верхних накладок: длина 24 см, наибольшая ширина 2,9 см (рис. 24.-1, 2), нижних накладок: длина 20 см, наибольшая ширина 2,3 см (рис. 24.-5, 6). Срединные боковые накладки изготовлены из пластин сегментовидной формы. Одна сторона накладки прямая, а другая плавно изогнута, окончания заострены. Их размеры: длина 15,5 см, наибольшая ширина 2,5 см (рис. 24.-3, 4). Положение накладок в могиле позволяет реконструировать форму и раз-

меры лука (рис. 75). В могилу он был положен со снятой тетивой. Расстояние между концевыми накладками равнялось 132 см, длина обоих плеч одинакова – 42 см. Таким образом, лук имел асимметричные рога и симметричные плечи. Форма лука со снятой тетивой С-образная (рис. 75.-1). При надетой и натянутой для выстрела тетиве лук приобретал М-образную форму (рис. 75.-2, 3).

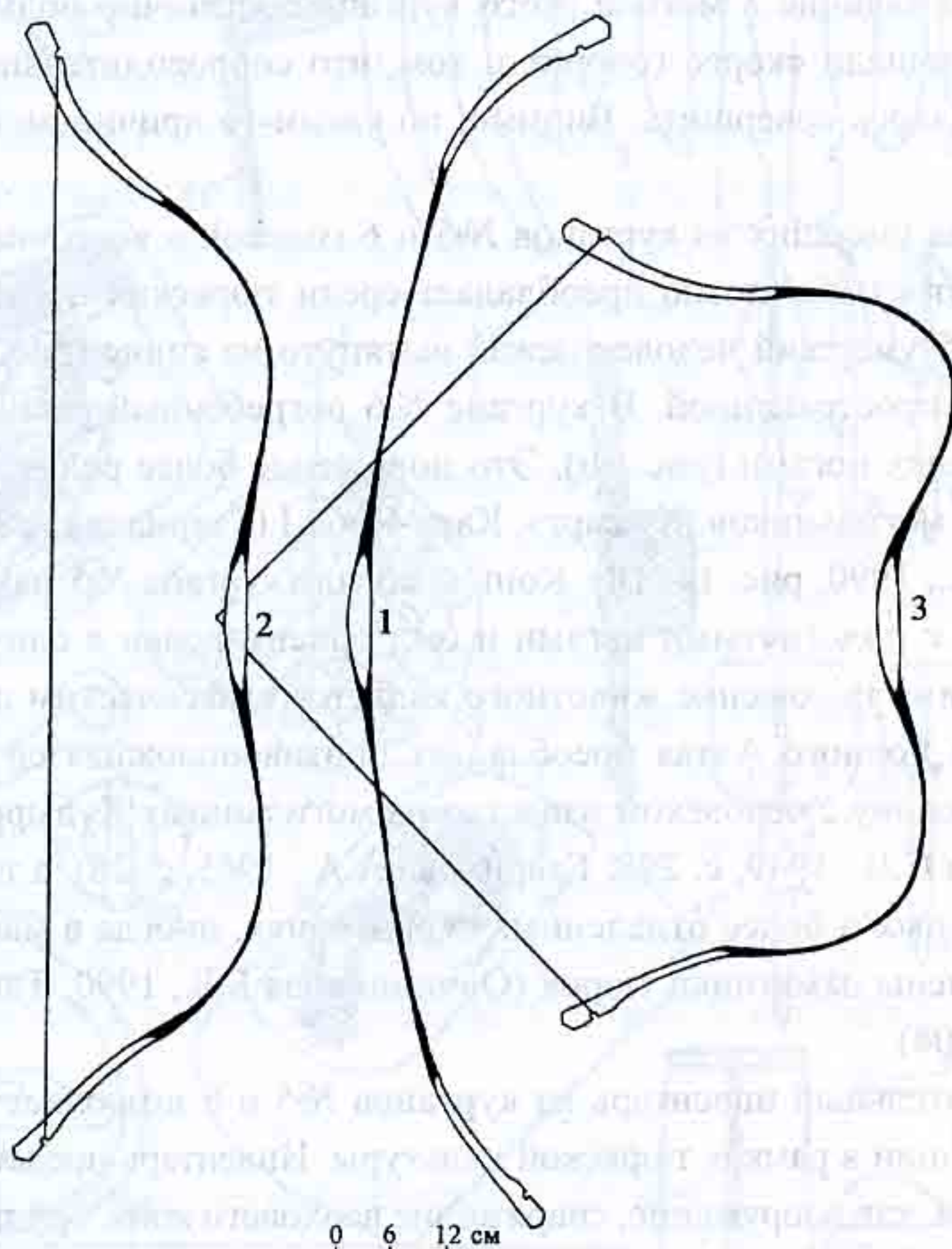

Рис. 75. Реконструкция тюркского лука

Сложносоставные луки с аналогичным набором накладок можно назвать «ранне-тюркскими» (Горбунов В.В., 1998, с. 120). Они активно применялись центральноазиатскими кочевниками в VI–VIII вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1993, с. 133–134). Их генезис связан с луками «хуннского» типа. Изменения коснулись прежде всего длины рукояти, которая сократилась примерно в два раза. Происходило также постепенное уменьшение длины рогов. Это влияло на размеры накладок, становившихся короче и одновременно массивнее. Концевые накладки лука из кургана №5 находят наиболее близкие аналогии в тюркских памятниках 2-й половины VI – 1-й половины VII вв. н.э.: Кудыргэ (Горный Алтай), Кокэль (Тува), Алатау (Южный Казахстан) (Гаврилова А.А., 1965, табл. VIII.-3, XVII.-5, XXII.-5, XXIV.-8; Вайнштейн С.И., 1966, табл. VII.-1–3; Курманкулов Ж., 1980, рис. 2.-1, 3, 7).

От лука из кургана №6 сохранились накладки на рукоять: две боковые и одна тыльная. Боковые накладки овально-дуговидной формы, длиной 15 см, наибольшей шириной 2,2 см (рис. 31.-1, 3). Тыльная накладка прямоугольной формы, ее длина 11 см, ширина 1,2 см (рис. 31.-2). Скорее всего, данный лук не имел концевых накладок или они делались из нестойких материалов и не сохранились. Сложносоставные луки, у которых жестко фиксировалась только рукоять, появляются во 2-й половине I тыс. н.э. (Худяков Ю.С., 1993, с. 134, рис. 17). Их изобретателями, с наибольшей долей вероятности, можно считать тюрок. Комплекты срединных накладок, аналогичные найденным в кургане №6, встречаются в тюркских курганах и оградках 2-й половины V–VIII вв. н.э. на территории Горного Алтая и Тувы (Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 35.-8; Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 2; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, рис. 3.-5–7; Древние курганы..., 1998, рис. 146).

Остатки стрел обнаружены также в обоих курганах. В объекте №5 стрелы располагались в колчане, остриями вниз. Набор состоял из семи экземпляров: пять с железными наконечниками (боевые) и два с костяными наконечниками (охотничьи). В колчане сохранились и фрагменты деревянных древков стрел (рис. 26.-20–22). В кургане №6 от стрел остались три железных наконечника, лежавших пачкой на приступке остриями вверх. Все боевые наконечники стрел имели черешковый насад, трехлопастное перо и кольцевой упор. У двух экземпляров сохранились остатки роговых свистунок (рис. 25.-1; 31.-4). По абрису пера в продольной плоскости выделяются:

1. Четырехугольные наконечники (рис. 25.-1; 31.-4, 5). Размеры: общая длина 8,5–11,2 см, длина пера 3,3–4,5 см, наибольшая ширина пера 2,8–4,4 см. У одного наконечника в нижней части лопастей круглые прорези (рис. 25.-1).

2. Секторный наконечник (рис. 25.-3). Размеры: общая длина 10,4 см, длина пера 4 см, наибольшая ширина пера 3 см.

3. Шестиугольный наконечник (рис. 25.-4). Размеры: общая длина 8,7 см, длина пера 3,8 см, наибольшая ширина пера 2,4 см.

4. Ромбический наконечник (рис. 31.-6). Размеры: общая длина 12,5 см, длина пера 5,7 см, наибольшая ширина пера 2 см.

5. Вытянуторомбический наконечник (рис. 25.-5). Размеры: общая длина 8,5 см, длина пера 3,5 см, наибольшая ширина пера 1,2 см.

6. Килевидный наконечник (рис. 25.-2). Размеры: общая длина 10 см, длина пера 5,4 см, наибольшая ширина пера 2,2 см.

Четырехугольные и секторные наконечники стрел, судя по аналогиям, имеют достаточно узкое время бытования 2-я половина V – 1-я половина VII вв. н.э. Они известны в таких тюркских памятниках Горного Алтая, как Яконур, Кудыргэ, Тыткескень-VI, Нижняя Сору (Гаврилова А.А., 1965, табл. XIX.-11–13; Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М., 1987, рис. 2.-22,23; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, рис. 8.-1, 10; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003б, рис. 2.-1). Шестиугольные, ромбические, вытянуторомбические и килевидные наконечники стрел применялись гораздо дольше. Аналогичные экземпляры встречаются у тюрок Горного Алтая на протяжении VI–XI вв. н.э. (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 54; Гаврилова А.А.,

1965, табл. VIII.-1, 2; Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М., 1987, рис. 2.-4; Могильников В.А., 1997, рис. 3.-1, 4; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996, рис. 1.-16, 21; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, рис. 3.-10; и мн. др.).

Фрагмент меча обнаружен в кургане №5 под колчаном. Он представлял собой обломок нижней части клинка с острием длиной 21 см. Клинок однолезвийный, в поперечном сечении вытянутотреугольной формы. Наибольшая ширина его полотна 2,6 см, наибольшая толщина обуха 0,8 см. Окончание клинка, на расстоянии 5 см от острия, слегка прогнуто со стороны обуха (рис. 25.-8). Однолезвийные мечи появились на рубеже III–II вв. до н.э. в хуннуско-ханьской военной среде и в 1-й половине I тыс. н.э. распространились во многих регионах Восточной Азии, а затем и Восточной Европы (Грязнов М.П., 1956, табл. XXXVIII.-2; Хазанов А.М., 1971, с. 24; Уманский А.П., 1974, рис. 1.-2, 5.-1,2; 1978, рис. 5, 9; Худяков Ю.С., 1986, рис. 11.-1,2, 12.-2, 31.-1, 40.-3; 2000, рис. 1.-1; Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С., 1987, рис. 7.-5–9; Горелик М.В., 1993, с. 40–41; 1995, с. 392; Егоров Я.В., 1993, рис. 2.-1; Засецкая И.П., 1994, с. 33–34; Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, рис. 3.-8–10). На территории Горного Алтая первые однолезвийные мечи найдены в булан-кобинских памятниках 2-й половины IV – 1-й половины V вв. н.э. (Сорокин С.С., 1969, рис. 22.-1, 23.-8; Соенов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 41.-7; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 11.-1, 15.-21, 19.-10). В тюркских памятниках однолезвийные мечи встречаются не часто, но достаточно стабильно и количественно преобладают над находками двухлезвийных экземпляров и сабель (Гаврилова А.А., 1965, табл. XVII.-13, XX.-11; Кубарев В.Д., 1992, рис. 5; Кубарев Г.В., 1992, с. 91; Кочеев В.А., Худяков Ю.С., 1993, рис. 1; Кочеев В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 2; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996, рис. 1.-1; Могильников В.А., 1997, рис. 3.-6). Случай нахождения в тюркском погребении фрагмента меча известен на могильнике Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, с. 25, табл. XX.-11). Усть-бийкенский клинок отличается от других тюркских изделий прогибом у острия. Эта деталь оформления находит аналогии в булан-кобинском оружии: однолезвийный меч и ряд боевых ножей из могильника Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 15.-14, 21, 19.-8, 9). Учитывая подобное сходство, можно предположить, что меч из кургана №5 мог иметь и другие общие с кок-пашским оружием признаки: отсутствие перекрестия, крючковое навершие черена (рис. 74.-14). В пользу такой реконструкции свидетельствует находка модели меча в раннетюркской оградке на памятнике Кызыл-Таш (Соенов В.И., Эбель А.В., 1996, рис. 3.-1).

К воинскому снаряжению относятся берестяной колчан и металлические детали от поясов.

Колчан зафиксирован в кургане №5. Он имел длину 90 см, форма и сечение футляра трапециевидные (рис. 26.-1). Сам футляр изготовлен из двух слоев бересты, свернутых и прошитых по одной стороне, через внутренний ряд деревянных (рис. 26.-13–19) и внешний ряд костяных (рис. 26.-8–12) планок. Верхний и нижний края колчана имели по ряду отверстий, а его дно было закрыто толстым слоем войлока. Для территории Горного

Алтая есть сведения о первых находках фрагментов берестяных колчанов из поздних булан-кобинских памятников (Тетерин Ю.В., 2004, с. 54). Однако целые берестяные колчаны пока зафиксированы лишь в тюркских объектах. Их экземпляры с ровным верхом (без кармана), как в кургане №5, более характерны для VI–VII вв. н.э., но использовались и позднее (Трифонов Ю.И., 1987, с. 197; Овчинникова Б.Б., 1990, с. 77–78).

От основного пояса в кургане №5 сохранилась железная пряжка (лежала на последнем позвонке выше крестца), а от стрелкового пояса – бронзовая гарнитура (найдена под боком колчана). Пряжка основного пояса сделана из рамки овально-трапециевидной формы с подвижным язычком, закрепленном на ее прямой стороне (рис. 27.-1). Гарнитура стрелкового пояса состояла из крючка-застежки и пяти блях-накладок. Крючок-застежка имел фигурный щиток с пластиной-фиксатором на четырех шпеньках и Г-образный стержень, заканчивающийся шаровидным навершием (рис. 26.-2). Бляхи-накладки сделаны из пластин прямоугольной формы, П-образного сечения, с одним шпеньком для крепления к ремню (рис. 26.-3–7). Не исключено, что они использовались не только как украшения, но и для дополнительной фиксации портупейных ремней в местах их соединения с поясом. Два таких ремня требовалось для подвешивания колчана: один – для налучья и еще на два ремешка могла подвешиваться кожаная сумочка, найденная под колчаном рядом с поясной гарнитурой (рис. 77.-1). В кургане №6 найдены две железные пряжки. Одна из них, с овальной рамкой и подвижным язычком (рис. 31.-9), лежала на крестце и, вероятно, относится к основному поясу. Вторая пряжка, с сегментовидной рамкой, подвижным язычком и прямоугольным щитком-зажимом (рис. 31.-8), находилась выше первой и могла скреплять ремень стрелкового пояса.

Рамчатые пряжки из курганов №5 и 6 почти не имеют датирующего значения, поскольку применялись очень долго и широко. В тюркских памятниках Горного Алтая их точные аналоги, например, есть в могильнике Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. VIII.-5, 6, X.-2, XIV.-5, 6). Пряжка с подвижным щитком-зажимом из кургана №6 очень близка экземпляру из булан-кобинского кургана №4 и в целом характерна для изделий II–V вв. н.э. Поясные крючки-застежки, подобные найденному в кургане №5, встречаются в тюркских памятниках Горного Алтая и Тувы VI–VIII вв. н.э. (Гаврилова А.А., 1965, табл. XIX.-6; Кубарев В.Д., 1985, рис. 10.-3; Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 14). Прямоугольные бляхи-накладки без прорезей – типологически наиболее ранние в тюркской поясной гарнитуре и могут датироваться VI–VII вв. н.э. (Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 23.-4).

К комплексу снаряжения верхового коня относятся удила, стремя, подпружные пряжки и цурки из кургана №5.

Удила сделаны из железа, внешние окончания звеньев – кольчатые, внутренние – крюковые. Во внешних окончаниях сохранился тлен от деревянных псалиев (рис. 28.-1). Аналогичные экземпляры начинают применяться в Восточной Азии со II в. н.э. и постепенно выходят из употребления к VIII в. н.э. (Неверов С.В., 1992, с. 143–

144). У тюрков такие удила встречаются в памятниках VI–VIII вв. н.э. (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 94).

Железное стремя имеет общую округлую форму. Дужки сделаны из круглого дрота. Подножка прогнутая, неширокая (3,2 см), с нервюрой по внешней стороне, что придает ей в сечении Э-образную форму. Для закрепления путлища стремя снабжено выделенной пластиной-ушком с загнутыми краями (рис. 28.-2). Не исключено, что первоначально пластина была более крупной и имела прорезь для ремня, а после ее поломки стремя стали привязывать через шейку-перехват. Во всяком случае тлен от кожи наблюдался именно в этом месте пластины. Стремя с таким же обломанным ушком известно на могильнике Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. XVIII.-19). Интересно отметить, что в кургане №5 с конем находилось только одно стремя, с правого бока (рис. 23). Эта ситуация наблюдается для целого ряда неграбленных тюркских курганов с погребениями человека в сопровождении лошади, кенотафов и захоронений коней в оградках из Горного Алтая (Кубарев В.Д., 1985, рис. 9; Могильников В.А., 1994, с. 108; Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, рис. 4.-1). По своим конструктивным признакам стремя из кургана №5 датируется VI–VII вв. н.э. (Неверов С.В., 1998, с. 147–148).

Подпружные пряжки по материалу делятся на железную и роговую. Первая пряжка рамчатая, округлой формы с подвижным язычком (рис. 27.-2). Вторая пряжка имеет две прорези (причем одна из них Т-образная, несплошная), округлую рамку и трапециевидный щиток, отделенный от нее прямыми плечиками, подвижный язычок не сохранился (рис. 27.-3). Железные подпружные пряжки, аналогичные экземпляру из кургана №5, бытовали достаточно широко. Тюрками они использовались на протяжении VI–XI вв. н.э. (Овчинникова Б.Б., 1990, рис. 49.-14–18). Роговые пряжки с подвижным язычком были известны уже у хунну (Давыдова А.В., 1996, табл. 58.-13). Однако их применение в качестве подпружных начинается позднее. В Горном Алтае такие пряжки встречаются в булан-кобинских памятниках II – 1-й половины V вв. н.э. (Гаврилова А.А., 1965, рис. 4.-10, 5.-11; Мамадаков Ю.Т., 1987, рис. 1; Соенов В.И., 2000, рис. 3.-2). В тюркское время роговые подпружные пряжки с подвижным язычком достигают пика своего применения (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 117–119, рис. 48). Экземпляр из кургана №5 по деталям оформления можно датировать VI–VII вв. н.э. (Неверов С.В., 1985, с. 201–202).

Роговые цурки обнаружены в количестве трех штук. Причем только одна из них находилась у ног лошади, а две лежали между коленей человека, среди костей овцы (рис. 23). Все они имеют «трапециевидную» форму с легким прогибом наклонных сторон и овальную прорезь под ремень (рис. 28.-3–5). Такие изделия характерны для тюркских памятников Горного Алтая (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 127, рис. 51). Известны цурки и в поздних булан-кобинских памятниках (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003а, с. 491), но их отличает разомкнутый верхний край над прорезью.

Комплекс орудий труда и быта представлен охотничьими наконечниками стрел, ножами и оселком.

Охотничьи наконечники стрел сделаны из рога. Они имеют перо килевидной формы, трехгранного сечения с короткими плечиками при переходе во втульчатый насад. Втулка сделана в виде свистунки с тремя отверстиями (рис. 25.-6,7). Подобные наконечники встречаются в памятниках II – I-й половины V вв. н.э. булан-кобинской культуры Горного Алтая (Суразаков А.С., 2002, с. 180; Тетерин Ю.В., 2004, рис. 7.-8) и в памятниках IV–VI вв. н.э. бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья (Худяков Ю.С., 1991, рис. 28.-1–3).

Железные ножи и каменный оселок из курганов №5 и 6 (рис. 27.-5; 31.-7, 10) мало информативны в плане датировки. Правда, фрагмент ножа из кургана №6 имеет черен довольно сильно наклоненный в сторону лезвия (рис. 31.-10), что сближает его с выпуклообушными булан-кобинскими экземплярами, например, как в кургане №4.

Рассматривая инвентарные наборы из курганов №5 и 6, необходимо отметить их двухкомпонентность. С одной стороны, здесь присутствует серия предметов, активный период применения которых заканчивается в V в. н.э.: меч, поясная пряжка со шитком-зажимом, охотничьи наконечники стрел с втулкой-свистункой, выпуклообушный нож (рис. 74.-14, 20, 26, 28). В Горном Алтае данная группа изделий характерна для инвентаря булан-кобинской культуры. С другой стороны – серия вещей, начало применения которых принято относить к VI в. н.э.: наборы накладок на сложносоставные луки, боевые наконечники стрел, колчан, гарнитура стрелкового пояса, стремя, подпружная пряжка, цурки (рис. 74.-5–13, 15–17, 22, 24, 25). Эта группа изделий демонстрирует традиции тюркской культуры Горного Алтая и целого ряда других территорий. Сочетание двух указанных групп, по нашему мнению, позволяет датировать курганы №5 и 6 2-й половиной V – 1-й половиной VI вв. н.э. и отнести их к раннему этапу тюркской культуры, находившейся на стадии формирования (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002а, с. 178–180; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а).

Планиграфически курганы №5 и 6 составляли самостоятельную цепочку, ориентированную по линии ЮВ–СЗ на разновременном могильном поле и расположенную юго-западнее цепочки из двух пазырыкских объектов и северо-восточнее булан-кобинского кургана (рис. 9). Погребенный в кургане №5 зрелый мужчина явно занимал более высокое социальное положение, чем пожилой мужчина из кургана №6. Оба они являлись воинами-дружинниками, но первый принадлежал, вероятно, к командному составу («десятник», «сотник»), а второй – к рядовому.

Еще одним раннесредневековым объектом Бийкенского микрорайона является курган №21, раскопанный на могильнике Бийке. Он не содержал сопроводительного инвентаря (за исключением неорнаментированного фрагмента керамики в насыпи), и судить о его культурной принадлежности и времени сооружения мы можем только на основании анализа погребального обряда. Насыпь этого небольшого кургана состояла из многослойной (до четырех слоев) каменной наброски достаточно аморфной формы (рис. 56). Судя по ее восточной стороне, курган мог первоначально иметь четырехугольную форму. Погребение было совершено под северной полкой насыпи, на уровне древнего горизонта и представляло собой обширное пятно, содержащее остатки крема-

ции человека (кальцинированные кости, угли) и фрагменты зубов лошади (рис. 56). Перечисленные признаки погребального ритуала присущи целой серии объектов исследованных на территории Горного Алтая. Главный из них – трупосожжение на стороне – известен на памятниках Кок-Паш, Кок-Эдиган, Узунтал-ХIII, Кара-Коба-I, Яконур, Коргон-I, Чинета-II, Акташ (Алагаил), вероятно, Усть-Кан (Чарыш) и Бажынты (Грязнов М.П., 1940; Савинов Д.Г., 1980; Суразаков А.С., 1982; Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985; Могильников В.А., 1990; Худяков Ю.С., 1990, 2001, 2003б; Неверов С.В., 1991; Дашковский П.К., 2001; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В., 2004). Помещение кремации на уровне древнего горизонта, как в кургане №21, отличает погребения Кара-Кобы-I, Коргона-I, Чинеты-II (Могильников В.А., 1990, с. 159; Дашковский П.К., 2001, с. 17; Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В., 2004). В ряде других объектов остатки кремации помещались в неглубокие (10–30 см) ямки: Узунтал-ХIII, Яконур, Бажынты, Акташ, Кок-Эдиган (Савинов Д.Г., 1980, с. 162; Суразаков А.С., 1982, с. 124–126; Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985, с. 162; Худяков Ю.С., 2003б, с. 101). В кургане №1 (погребения Е и G) могильника Яконур остатки трупосожжений были положены в деревянные конструкции, установленные в неглубокие ямки (Грязнов М.П., 1940, с. 18). Все исследователи, анализировавшие горно-алтайские курганы по обряду кремации, относят их к культуре кыргызов, справедливо указывая на аналогии среди тувинских и минусинских памятников (Савинов Д.Г., 1980, с. 162–164; Могильников В.А., 1990, с. 159–160; Худяков Ю.С., 1990, с. 189–195; 2001, с. 163–170; Дашковский П.К., 2001, с. 17–20). В большинстве случаев, это подтверждает и обнаруженный инвентарь. Таким образом, курган №21 с большой долей вероятности следует отнести к кыргызской культуре, памятники которой существовали на территории Горного Алтая во 2-й половине IX–XI вв. н.э. (рис. 74.-30, 31).

Курган №21 располагался в центральной части могильника Бийке, в группе из четырех объектов (рис. 53). Три из них не раскапывались. Два более крупных кургана этой группы (№54 и 56) составляют самостоятельную цепочку. Курган №21 находится в паре с объектом №55, сопоставимым с ним по размерам, и вероятно, одного с ним типа. Захороненные в кургане №21 остатки кремации принадлежали, скорее всего, человеку низкого социального статуса.

3.2.2. Монгольское время

Эпоха развитого средневековья или монгольское время (XII–XIV вв.) представлена в Бийкенском микрорайоне погребальными объектами, исследованными на могильнике Усть-Бийке-III (курганы №1, 2, 3 и 7) (рис. 76). Топографические и планиграфические особенности их расположения уже нами предварительно рассматривались (Тишкин А.А., 1998, 2005б; см. главу I).

Погребальный обряд перечисленных курганов находит ближайшие соответствия среди объектов Горного Алтая, относящихся к периоду XII–XIV вв. н.э. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, с. 85–86). Небольшие каменные насыпи (как правило, овального контура) и простые могильные ямы встречены на могильниках Верх-Еланда-I, Кудыргэ, Бертек-20 (Гаврилова А.А., 1965, с. 44–45, табл. XXV–XXX; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 225–229, рис. 2; Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др., 1994, с. 127, рис. 120, 121; Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 164–165, рис. 10). Способ погребения в виде одиночной ингумации – вытянуто на спине, головой в северный сектор (с отклонением к западу) – характерен для поздних могил Кудыргэ и Яконура, известен в Бертеке-20, Ак-Алахе-1, Талдуаире-I (Грязнов М.П., 1940, с. 20; Гаврилова А.А., 1965, табл. XXV.-А, XXVI.-А, XXX.-А, Б; Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др., 1994, рис. 121; Полосьмак Н.В., 1994, рис. 10; Кубарев Г.В., 1995, рис. 1).

Конкретизировать датировку объектов монгольского времени на могильнике Усть-Бийке-III позволяет сопроводительный инвентарь. Он включает предметы вооружения, снаряжения верхового коня, орудия труда и быта, украшения.

Комплекс вооружения состоит из двух категорий: оружие и воинское снаряжение. По дистанции поражения выделяется оружие дальнего боя (лук и стрелы) и оружие ближнего боя (нож).

В кургане №3 обнаружена роговая тыльная накладка от рукояти сложносоставного лука. Она состоит из четырех деталей: основной более узкой и длинной и трех примыкающих к ней более коротких и широких окончаний. Общая форма накладки «весловидная». Ее длина 27 см, ширина от 2 см в середине до 3 см на окончаниях (рис. 17.-19–22). Подобные накладки относятся к лукам «монгольского» типа, широко применявшимся с XII в. н.э. до этнографической современности (Савинов Д.Г., 1981, с. 161–162; Худяков Ю.С., 1993, с. 140–144; Николаев В.С., 2004). Их происхождение связано с постепенной модификацией луков «тюркского» типа, у которых накладками усиливалась только рукоять. Составные тыльные накладки из нескольких частей (основной и окончаний) известны в монгольских памятниках Забайкалья XIII–XIV вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1991, рис. 50.-5,6).

Железные наконечники стрел обнаружены в курганах №3 и 7. В объекте №3 три стрелы располагались остриями вниз, в ногах слева от погребенного. В объекте №7 стрелы лежали справа от умершего: четыре наконечника остриями вверх в изголовье и три наконечника остриями вниз напротив руки. Расстояние между наконечниками составляло 90 см, что указывает на размеры несохранившегося колчана. Все экземпляры имели черешковый насад с остатками тлена от деревянных древков, однолопастное перо линзовидного сечения и шайбовый упор (рис. 17.-1–3; 34.-1–7). По абрису пера в продольной плоскости выделяются:

1. Ромбические наконечники (рис. 17.-1, 3). Размеры: общая длина 8,4–12,8 см, длина пера 5,5–6,5 см, наибольшая ширина пера 3,5–4,5 см.

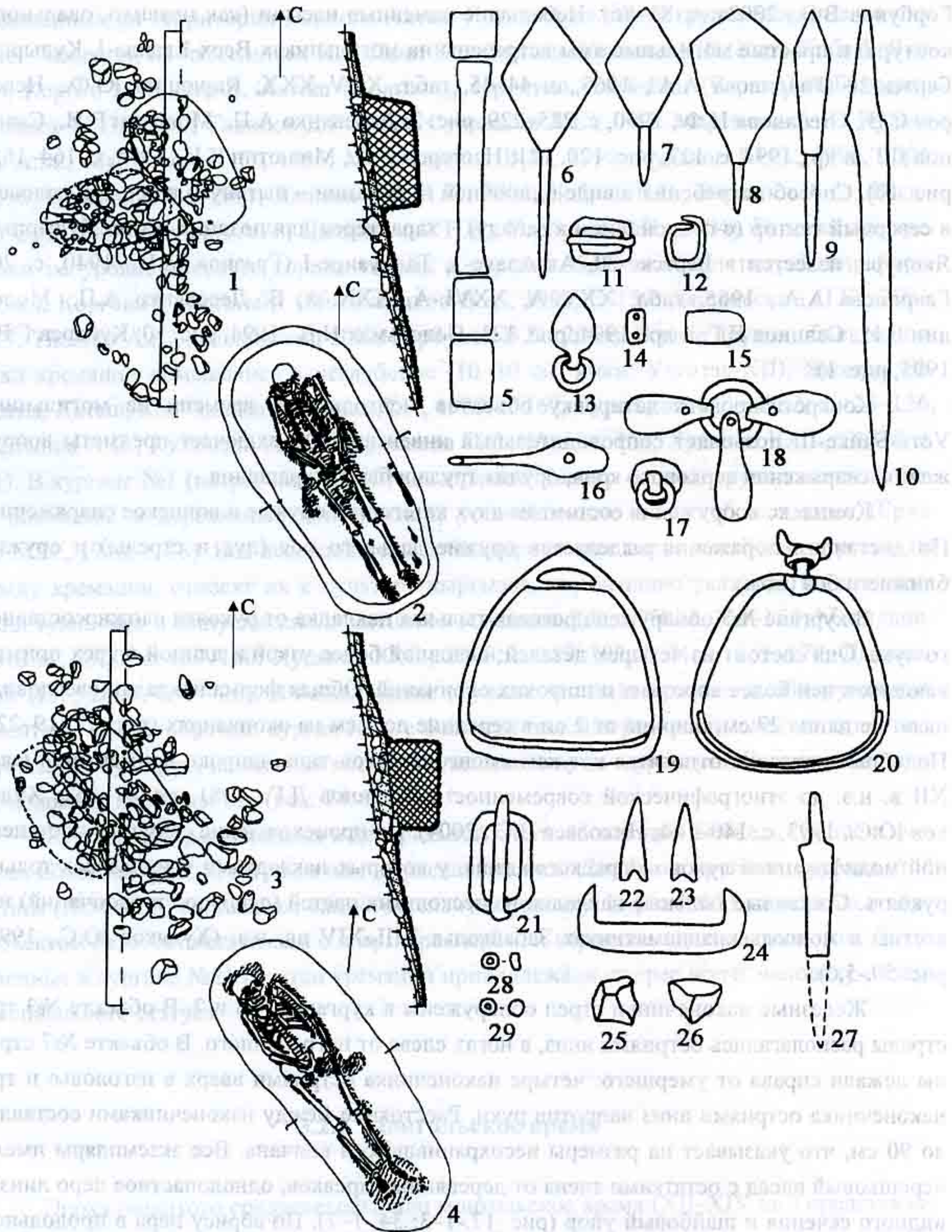

Рис. 76. Комплекс культуры монгольского времени, зафиксированные на памятниках Бийкенского археологического микрорайона

2. Асимметрично-ромбические наконечники (рис. 34.-1-7). Размеры: общая длина 8-12 см, длина пера 5,5-6,7 см, наибольшая ширина пера 1,4-1,6 см.

3. Шестиугольный наконечник (рис. 17.-2). Размеры: общая длина 9,5 см, длина пера 7 см, наибольшая ширина пера 4,2 см.

Наконечники стрел, аналогичные по форме и пропорциям пера усть-бийкенским экземплярам, на территории Горного Алтая известны в поздних погребениях Кудыргэ и Яконура (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXV.-4-9), в памятниках XIII-XIV вв. н.э. Лесостепного Алтая (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998, рис.-13-14, 16, 22) и характерны для монгольского вооружения (Худяков Ю.С., 1991, рис. 54.-6, 55.-7, 8, 58.-2, 59.-1, 2). Железный нож обнаружен в кургане №3. Его общая длина составляет 23 см, длина клинка 17,5 см. Наибольшая ширина клинка 1,8 см, толщина обуха 0,6 см, поперечное сечение вытянуто-прямоугольное. Черен ножа прямой трапецевидной формы и сечения, его переход в клинок оформлен короткими плечиками (рис. 16.-10). По длине клинка данный нож можно отнести к боевым изделиям. Лезвие ножа имеет характерный небольшой прогиб ближе к основанию. Изделия с такими особенностями встречаются весьма часто во многих памятниках степной части Евразии XIII-XIV вв. н.э. (Максимова А.Г., 1965, табл. I.-14; Кызласов Л.Р., 1969, табл. IV.-16; Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1995, рис. 3.-2; Беликова О.Б., 1996, рис. 64.-6; Плетнева Л.М., 1997, рис. 122.-1, 176.-10; Ефимов К.Ю., 2000, рис. 2.-4; Тишкин А.А., 2002б, рис. 1.-6 и др.).

К воинскому снаряжению относится железная гарнитура от двух поясов. В кургане №3 от пояса сохранились следующие детали: рамчатая пряжка прямоугольной формы с подвижным язычком (рис. 16.-9); семь подвижных колец с одной лопастью-накладкой треугольной формы, крепящейся на ремень двумя шпеньками (рис. 17.-4-11); пять блях-накладок прямоугольной формы с двумя крепежными шпеньками (рис. 17.-14-18); тренчик (рис. 17.-12); вкладышевый наконечник (рис. 17.-13). Вероятно, к данному поясу подвешивалось семь портупейных ремешков, на что указывает количество колец. Учитывая обнаруженный в кургане №3 инвентарь, можно реконструировать их назначение (рис. 77.-2). На два ремешка подвешивался колчан со стрелами, на один – налучье с луком и по два ремешка приходилось на ножны с ножом и сумочку с кресалом и камнями. Таким образом, этот пояс одновременно являлся и стрелковым и основным.

Поясная гарнитура из кургана №7 состояла из следующих предметов: крючок-застежка с овальным щитком на одном шпеньке и Г-образным стержнем (рис. 34.-14); два распределителя из колец с тремя овальными лопастями-накладками на двух шпеньках (рис. 34.-15,16); две полусферические бляхи-накладки на одном шпеньке с подвижными кольцами (рис. 34.-11-13). Пояс из кургана №7 должен был иметь четыре портупейных ремешка (рис. 77.-3). Два из них крепились к распределителям для подвешивания колчана со стрелами, а еще два к кольцам на бляхах для подвешивания ножен с ножом.

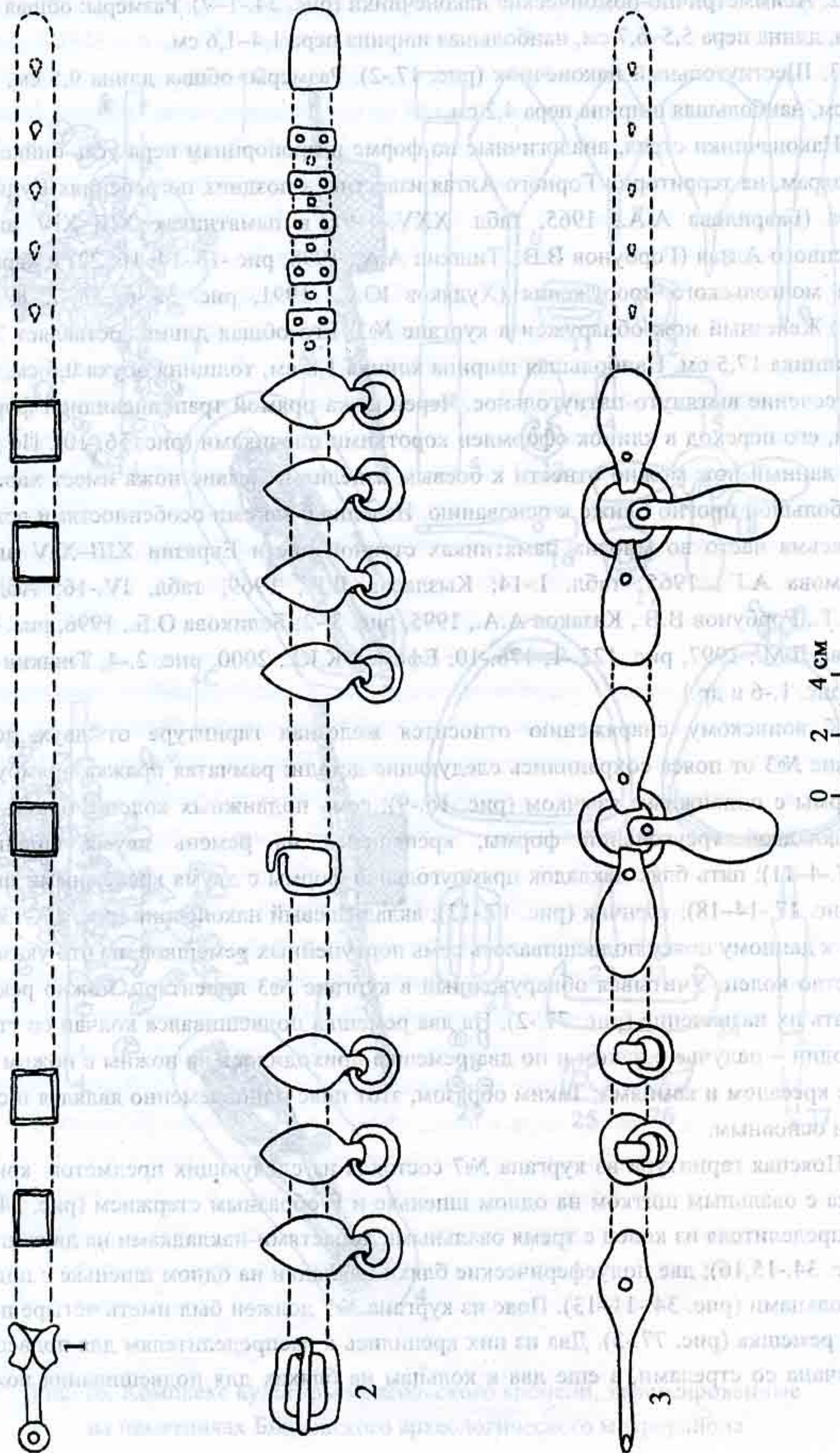

Рис. 77. Реконструкция поясов воинов эпохи средневековья

Почти все предметы поясной гарнитуры, обнаруженные в курганах №3 и 7, находят аналоги в памятниках степного пояса Евразии XIII–XIV вв. н.э. (Кызласов Л.Р., 1969, табл. IV.-17, 58, 70–71; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 2.-19; Ефимов К.Ю., 2000, рис. 3.-1, 6–7, 7.-1–4, 16, 9.-5; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001, рис. 9.-11,15).

К комплексу снаряжения верхового коня относятся стремяна и подпружные пряжки из кургана №7. Они находились в ногах умершего, куда первоначально, возможно, было поставлено седло (рис. 33).

Пара железных стремян представлена изделиями различной конструкции. Одно стремя трапецевидной формы, с дужками прямоугольного сечения, с невыделенным пластинчатым ушком треугольной формы, в котором пробито отверстие для путлища. Его подножка прямая, широкая (7,2 см), П-образного сечения (рис. 35). Стремяна этого типа бытовали во 2-й половине XIII–XV вв. н.э. и встречаются от Забайкалья до Восточной Европы (Гаврилова А.А., 1965, рис. 13.-2, табл. XXX.-5; Кызласов Л.Р., 1969, табл. IV.-54, 55; Плетнева С.А., 1973, табл. 42.-10; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 9.-1, 11.-14; Дашибалов Б.Б., 1995, рис. 6.-10, 35.-27; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 48.-1; Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, рис. 9.-5, 11, 12.-23–24; Плетнева Л.М., 1997, рис. 64.-6,7, 154.-1,2; Адамов А.А., 2000, рис. 90.-3; Недашковский Л.Ф., 2000, рис. 15.-3,4; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, табл. 2.-7, рис. 63.-2). Другое стремя имеет арочную форму, с дужками округлого сечения и выделенным ушком оригинального устройства. Оно представляет собой толстый стержень, закрепленный в полушаровидной шайбе, специально выкованной в верхней части дужек. Венчают стержень другая грибовидная шайба с пропилом, в который вставлена П-образная пластина. Скорее всего, эта пластина первоначально была замкнутой прямоугольной формы и предназначалась для продевания ремня путлища. Однако тлен от кожного ремня обнаружен непосредственно на стержне между шайбами, что, видимо, указывает на использование такого способа подвешивания стремени после поломки отверстия ушка. Подножка стремени немного прогнута, шириной до 4,6 см, с волнисто-вырезными сторонами и нервюрой по внешней стороне, Э-образного сечения (рис. 36). Точных аналогий этому стремени нам найти, пока не удалось. Однако похожий принцип крепления ушка к дужкам есть у одного стремени из позднего погребения на могильнике Яконур в Горном Алтае и у стремени из кургана XIV–XV вв. н.э. в Туве (Кызласов Л.Р., с. 163, табл. IV.-66).

Подпружные пряжки сделаны из железа. Они имеют рамки прямоугольной формы (со скругленными углами) и подвижные язычки, закрепленные на одной из коротких сторон (рис. 34.-9, 10). Пряжки аналогичные экземплярам из кургана №7 активно использовались в XIII–XIV вв. н.э. (Кызласов Л.Р., 1969, табл. IV.-60; Беликова О.Б., 1996, рис. 98.-6; Плетнева Л.М., 1997, рис. 144.-5, 157.-2; Адамов А.А., 2000, рис. 80.-3; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 4.-3).

Комплекс орудий труда и быта представлен ножом, кресалом с кремнями и «стреловидными» предметами.

Железный нож из кургана №7 сохранился не целиком (рис. 34.-8). По всем признакам он аналогичен ножу из кургана №3, но очевидно был гораздо меньшей длины, что позволяет относить его к орудиям труда.

Железное кресало и два кремня (рис. 16.-11, 12) зафиксированы в кургане №3 и, вероятно, помещались в сумочке подвешенной к поясу (рис. 15). Кресало первоначально имело П-образную форму (рис. 16.-13). Подобные изделия наиболее часто встречаются в памятниках XII-XIV вв. н.э. (Басандайка, 1948, табл. 47.-5, 51.-22, 56.-40, 60.-68, 89.-187, 78.-4, 87.-94, 100; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 7.-11; Плетнева Л.М., 1997, рис. 39.-3, 76.-8, 97.-8, 105.-4, 111.-2, 112.-2, 119.-7, 12, 122.-2, 136.-8, 137.-8, 149.-6, 155.-9, 156.-14, 160.-10, 163.-13, 176.-17, 182.-3, 7, 183.-5; Адамов А.А., 2000, рис. 68.-3, 74.-3, 76.-5, 77.-4, 84.-9; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000, рис. 8.-12; и др.).

В кургане №2 найдено шесть костяных предметов, немного напоминающих по форме наконечники стрел. Они треугольной формы с выемками у основания и сделаны из расщепленных трубчатых костей, внутренняя сторона которых осталось необработанной (рис. 16.-3-8). Эти предметы найдены в женском погребении возле руки и, возможно, находились в футляре из органического материала (рис. 13). Их назначение нам пока не ясно, и они отнесены к орудиям труда и быта достаточно условно.

Украшения обнаружены только в кургане №1. Это две стеклянные бусины синего цвета (рис. 16.-1, 2). Такие вещи применялись очень длительное время и не содержат датирующей информации, по крайней мере, без специального анализа.

Узко датирующий инвентарь происходит только из курганов №3 и 7. Основная масса изделий бытовала в период XIII-XIV вв. н.э. – накладка лука, наконечники стрел, ножи, поясная гарнитура, подпружные пряжки (рис. 76.-5-18, 21, 27). Отдельные предметы применялись уже с XII в. н.э., например, кресало (рис. 76.-24). Стремена из кургана №7 позволяют ограничить нижнюю дату 2-й половиной XIII в. н.э. или даже самым началом XIV в. н.э. (рис. 76.-19-20). В целом поздние объекты могильника Усть-Бийке-III относятся к монгольскому времени и отражают культуру населения Горного Алтая в данную эпоху.

Планиграфия поздних объектов весьма своеобразна. Курганы №1 и 2, содержавшие женские погребения, располагались на юго-восточной окраине разновременного могильного поля самостоятельной цепочкой ориентированной по линии ЮВВ-СЗЗ. Параллельно им, на расстоянии 20 м, на южной окраине могильного поля находились курганы №3 и 7, содержавшие мужские погребения (рис. 9). Та и другая пара курганов имели единые черты погребального обряда, что делает очевидным их синхронность и культурную общность. Вероятно, эти захоронения оставлены одной семьей кочевников, в которой мужчины, судя по составу сопроводительного инвентаря, принадлежали к социальному слою воинов-дружинников. Расположение курганов удивительным образом отражает планиграфические черты, характерные для устройства и использования юрты. В этом плане можно привести указание Г. де Рубрука (1997) о том, что у монго-

лов в XIII в. постель хозяина дома находилась в северной части и когда он сидел на ней, то оказывался лицом к входу (на юг). Слева от него к востоку находится женская половина, справа – мужская (западная). «Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне» (История..., 1997, с. 93). Таким образом, в погребальном обряде, зафиксированном на могильнике Усть-Бийке-III, реализованы представления, связанные с перенесением реального образа жизни на потусторонний мир (История..., 1997, с. 37), что характерно для многих тюрко-монгольских племен (Тишкин А.А., 2005б).

Проанализированные материалы исследованных памятников Бийкенского микрорайона позволяют выстроить культурно-хронологическую линию пребывания на данной территории различных кочевых народов от раннескифского до монгольского времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение погребальных памятников кочевников в Бийкенском археологическом микрорайоне и их сравнительный анализ с аналогичными объектами в других районах Горного Алтая позволили нам разработать единую культурно-хронологическую схему исторического развития населения данной территории в раннем железном веке и средневековье. Ее основой стала систематизация и типология инвентаря из погребальных комплексов, содержащих наиболее массовые и представительные серии вещей. Изучение особенностей погребального обряда выявило этнокультурные компоненты среди населения Горного Алтая, которые определяли в различные исторические периоды смену материальных и духовных традиций. Реализованный подход, на наш взгляд, оказался довольно эффективным при разработке и демонстрации целостной картины поэтапного развития культур в рамках рассматриваемых эпох. Он неоднократно и результативно использовался целым рядом исследователей начиная с XIX в. и сейчас не потерял своей значимости. Особо важно отметить вклад М.П. Грязнова (1930, 1939, 1947, 1951, 1956 и др.), который, опираясь на периодизацию С.А. Теплоухова (1927, 1929), создал и обосновал схематическое построение смены культур Алтая на имевшихся в свое время материалах. Эта работа была продолжена А.А. Гавриловой (1965), Д.Г. Савиновым (1984, 1994, 2002, 2005 и др.), Л.С. Марсадоловым (1985, 1996, 2000в и др.) и другими исследователями.

К настоящему времени количество археологических источников значительно выросло. Это потребовало определенного осмысления и целостного оформления полученных результатов по раннему железному веку, раннему и развитому средневековью. Что касается периода позднего средневековья, то на Алтае процесс его археологического изучения находится еще на начальной стадии.

Типовые наборы инвентаря из памятников Горного Алтая эпохи раннего железного века и средневековья позволяют выделить ряд из 19 хронологических групп, которые соответствуют определенным этапам развития обозначенных археологических культур.

Первые три группы (конец IX – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.) составляют памятники бийкенской культуры раннескифского (раннесакского) времени, которая выделена и начала наполняться конкретным содержанием совсем недавно (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, 1999, с. 74; Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003б, 2004, 2005; Тишкин А.А., Леонова И.Ю., 2003, 2005; и др.), хотя проблема обозначения ее наметилась немного раньше (Марсадолов Л.С., 1985, с. 11–12; 1987б, с. 102–103; Могильников В.А., 1986; Тишкин А.А., 1994в, 1996г, е). Сейчас представляется реальным назвать и охарактеризовать этапы развития хорошо фиксируемого явления. Первая попытка наметить такое деление была предпринята одним из авторов (Тишкин А.А., 1996г, с. 17–18, 26) и нашла отражение в одной из монографий (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 112). Тогда за основу условной периодизации предлагалось использовать процесс формирования и совершенствования элементов конского снаряжения, как наиболее

массовых и хронологически значимых изделий. В настоящее время предпринят новый подход, основой реализации которого стала систематизация всего известного вещевого комплекса из исследованных памятников Горного Алтая, а также сопоставление зафиксированных особенностей погребального обряда. Это позволило обозначить этапы, опираясь на материалы наиболее изученных и характерных объектов. Выделенные хронологические группы соотнесены с известными историческими событиями, которые произошли в Азии и отражены в письменных источниках. Следует отметить, что проделанная работа, несмотря на имеющиеся уточнения, в общем подтвердила ранее намеченные тенденции, а также обобщила опыт подобных построений и разных размышлений. Тем не менее исследования в выбранном направлении будут продолжены, но уже на несколько ином уровне. Представленная ниже схема поэтапного развития бийкенской культуры, в которой отмечен процесс привнесения новаций, является определенной стадией анализа материалов, полученных при раскопках более 170 курганов (Тишкин А.А., 2005в).

Самым ранним памятником Горного Алтая, где зафиксировано захоронение человека с лошадьё, является могильник Курту-II. Он был исследован С.С. Сорокиным (1966) и датирован по обнаруженным там характерным элементам не позже VIII вв. до н.э. Наиболее близко к нему в территориальном и хронологическом отношении находился погребальный комплекс с «оленными» камнями Ак-Алаха-II (Полосьмак Н.В., 1993), где зафиксированы показательные элементы конского снаряжения. Указанные объекты локализируются на юге Горного Алтая (в верховьях Бухтармы и на плато Укок). Подобные, но безынвентарные погребения исследованы в Чуйской котловине и на других территориях к северо-западу от нее. Ранний этап бийкенской культуры, за которым оставлено уже обозначенное ранее название Куртуский, рассматривается нами предварительно, так как пока исследована небольшая серия курганов и найдено немного предметов. Хронологически период определен концом IX – 1-й половиной VIII вв. до н.э. Обнаруженный инвентарь находит аналогии в хорошо датированном кургане Аржан (Грязнов М.П., 1980; Марсадолов Л.С., 2000в). Стоит указать на предложение выделить на Алтае «чуйскую» археологическую культуру раннескифского времени, памятники которой, по мнению Л.С. Марсадолова (2001, с. 26; 2002, с. 107), распространены в бассейнах рек Чуи, Юстыда, Ак-Алахи, Аргута, Верхней Бухтармы.

Большинство исследованных археологических комплексов бийкенской культуры отнесено нами к Семисартскому этапу и датируется 2-й половиной VIII – 1-й половиной VII вв. до н.э. При всех имеющихся общих чертах можно отметить многообразие типов погребальных сооружений, что свидетельствует о локальных особенностях проживавшего в Горном Алтае населения (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б). Этап назван по памятнику Семисарт-I, который исследовался Л.С. Марсадоловым (2001) в Центральном Алтае. Начало указанного периода, возможно, связано с историческими событиями в Китае (Савинов Д.Г., 2002), что стало причиной массовых миграций. Практически на всей территории Горного Алтая обнаружены и изучены курганы семисартского этапа бийкенской культуры. Наибольшая плотность памятников фиксируется в долине Катунь (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б). Прослеживаются контакты с носителями соседней майэмирской культуры, памятники которой открыты и исследовались в за-

ходятся в указанных А.Д. Таировым регионах Центральной Азии, уже ранее предполагалось (Тишкин А.А., 1996г, с. 25; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 111), но пока конкретных подтверждений этому нет. Опубликованные на русском языке материалы, полученные при раскопках на территории северо-западных районов Китая, демонстрируют культурный пласт, аналогии которому, за исключением отдельных вещей, отсутствуют в Южной Сибири. Мы попытались расширить круг поиска в разных направлениях. Погребально-поминальные конструкции, схожие с сооружениями бийкенской археологической культуры, можно отметить на территории Западного Казахстана, Южного Урала и даже Индостана (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003б, с. 158). Таким образом, решение проблемы происхождения бийкенской культуры продолжается. Намеченные пути требуют более детальной проработки.

Судьба «бийкенцев» выглядит вроде бы более определенно. Сопоставление результатов исследований памятников раннескифской эпохи и пазырыкской культуры Горного Алтая свидетельствует о перерыве генетического развития, произошедшем не позже 2–3-й четверти VI в. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997б, с. 111–112; Марсадолов Л.С., 2000в). Но элементы погребальной обрядности и предметы поздней стадии бийкенской культуры фиксируются в материалах северных предгорий. По всей видимости, вытесненное население приняло участие в формировании быстринской культуры. Оставшаяся в горах часть людей какое-то время еще сосуществовала с «пазырыкцами», а затем «растворилась» в новой полиэтничной среде.

В свое время Д.Г. Савиновым (1975, с. 49) в тезисной форме была отражена мысль о том, что в раннескифское время существовала «...этнокультурная общность огромного исторического значения, отличающаяся значительно более тесными внутренними связями по всей территории своего распространения, нежели участием в сложении последующих культур в отдельных регионах Азии». Эта сформулированная на интуитивном уровне идея (Савинов Д.Г., 2002, с. 78–79) нашла подтверждение в последующих исследованиях (Тишкин А.А., 2003а). Такую общность можно назвать Аржано-майэмирской по базовым памятникам раннескифского времени. Она включает в себя ряд известных археологических культур (чиликтинская, тасмолинская, майэмирская, бийкенская, большеберченская, алды-бельская, тагарская). Наряду со своеобразными признаками эти образования отражают единый характер происходивших эпохальных процессов на территории Казахстана и Южной Сибири, а также на сопредельных с ними территориях (Тишкин А.А., 2005в).

Представленная характеристика бийкенской культуры в общем виде демонстрирует полученные результаты анализа имеющихся материалов. Аналогичным образом могут быть охарактеризованы следующие культуры, но даже это займет значительное количество страниц. Поэтому сейчас мы можем лишь кратко представить полученную культурно-хронологическую канву, отражающую историю населения Горного Алтая эпохи поздней древности и средневековья. Развернутые характеристики всех этапов обозначенных культур планируются опубликовать в отдельной книге.

Следующие **три группы** (2-я половина VI–III вв. до н.э.) включают памятники скифской эпохи, относимые к хорошо изученной пазырыкской культуре. Существует не-

сколько концепций ее происхождения и поэтапного деления (Марсадолов Л.С., 1984, 1985, 1988а-б, 1997а-б, 1999, 2003а; Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., 1999; Суразаков А.С., 1989; Молодин В.И., 2000; и др.). Определенная работа по разграничению памятников скифского времени проделана в недавно вышедшей монографии Ю.Ф. Кирюшина и Н.Ф. Степановой (2004). Основываясь на всех этих разработках и учитывая новые данные, построена современная периодизация пазырыкской культуры.

Указанные исторические события и экологические изменения, произошедшие в I тыс. до н.э. на территории Азии, приведены в соответствии с данными, которые обозначены работах К.В. Васильева (1998), Л.С. Васильева (2000), А.Ю. Алексеева (2003), А.Д. Таирова (2003б) и некоторых других исследователей.

Три группы (II в. до н.э. – 1-я половина V в. н.э.) представлены памятниками хуннуско-сяньбийско-жужанской эпохи, объединяемые в булан-кобинскую культуру. Ее основа – это курганные могильники с особой планиграфией, надмогильными и внутримогильными конструкциями. Погребальный обряд сочетает одиночную ингумацию, трупоположение в сопровождении верхового коня, кенотафы и отдельные захоронения лошадей. Население, оставившее данные памятники, возможно, состояло из остатков «пазырыкцев» и пришлых «кулажургинцев». В разные периоды оно находилось в сильной зависимости от ведущих этносов Центральной Азии: хунну, сяньби, жужаней.

Следующие **шесть групп** (2-я половина V–XI вв. н.э.) составляют памятники раннего средневековья (тюркская эпоха), отождествляемые с тюркским этносом. Для них характерен единый погребальный обряд и схожая архитектура погребально-поминальных комплексов – это подкурганные захоронения человека в сопровождении верхового коня, кенотафы, ритуальные объекты, поминальные оградки, изваяния, балбалы. Культуру, объединяющую эти памятники, на наш взгляд, правильнее называть «**тюркской**», без приставки древняя, поскольку данный народ существовал как единая общность только в период раннего средневековья.

Две отдельные группы (2-я половина IX–XI вв. н.э.) также включают памятники эпохи раннего средневековья, но соотносимые с **кыргызской культурой**. Они частично синхронны тюркским, но отличаются от них нормами погребальной обрядности. Это подкурганные погребения по обряду кремации на стороне, характерные для средневекового населения Минусинской котловины и Тувы.

Последние **две группы** (XII–XIV вв. н.э.) объединяют памятники эпохи развитого средневековья или монгольского времени. Первая группа представлена подкурганными погребениями людей по обряду одиночного трупоположения или ингумации со шкурой коня, появление которых совпадает с расселением найманов и кыпчаков. Вторую группу составляют подкурганные погребения людей по обряду одиночной ингумации, которые по своей планиграфии и оформлению погребальных сооружений схожи многими чертами с описанием аналогичной обрядности ряда монгольских племен (Тишкин А.А., 2005в).

Причины изменения инвентарных комплексов и погребального обряда, а также смена выделяемых археологических культур связаны, на наш взгляд, с важнейшими историческими процессами, происходившими в центрально-азиатском регионе. Все выде-

ленные хронологические группы можно соотнести с известными событиями, которые происходили в Евразии и отражены в различных письменных источниках. Это, на наш взгляд, является важным исследовательским моментом, так как подобный подход помогает понять причины изменений, фиксируемых по археологическим материалам.

Бийкенская культура			
1.	Куртуский этап: конец IX – 1-я половина VIII вв. до н.э. Начало освоения кочевниками территории Горного Алтая.	<i>Мог.:</i> Курту-II; Ак-Алаха-II; Курай-III; Бийке (к. 18); могильники у пос. Акташ (IV группа) и др.	826–781 гг. до н.э. – правление Сюань-вана (Западное Чжоу). Военные походы на северные племена с целью покорения их. Ок. 800 г. до н.э. – жесточайшая засуха в степях. 781–770 гг. до н.э. – правление Ю-вана. 771–770 гг. до н.э. – разгром Ю-вана, перенос столицы Чжоу на восток (Восточное Чжоу).
2.	Семисартский этап: 2-я половина VIII – 1-я половина VII вв. до н.э. Формирование и развитие самобытного облика культуры в рамках аржаномайэмирской общности.	<i>Мог.:</i> Семисарт-I; Бийке; Усть-Бийке-III, IIIa, IV; Усть-Куюм; Элекмонар-II; Карбан-I; Кор-Кобы-I; Кызык-Телань-I; Айрыдаш-I, IV; Тыткескень-I; Карасу-II; Нижний Тоботой-I; Нижний Тюмечин-II; Партизанская Катущка; Покровский Лог-IV; Тогусхан-I, IV; Яломанские ворота; Кок-су-I (к. 42) и мн. др.	Ок. 750 г. до н.э. – завершился распад государственно-административной организации Западного Чжоу. Начало периода стабильности в Китае. После 750 г. до н.э. – смена экологических эпох в Азии. 679 г. до н.э. – неудачный поход киммерийцев против Ассирии. Ок. 670–660 гг. до н.э. – миграция скифов из Передней Азии.
3.	Бойтыгемский этап: 2-я половина VII – 2–3-я четверть VI вв. до н.э. Изменение некоторых элементов культуры в связи с появлением нового населения. Смещение ареала культуры в северные предгорья.	<i>Мог.:</i> Бойтыгем-II (к. 2, 6, 8, 15, 19), Бийке (к. 17, 19), Кызыл-Джар-IX, Тыткескень-VI (к. 26, 56), Каракол, Коо-I, Кызык-Телань-I (к. 6), Сальдяр-II и др.	Время существования государств Мидия (ок. 650–550 гг. до н.э.) и Лидия (ок. 650–546 гг. до н.э.). Ок. 644 г. до н.э. – захват киммерийцами столицы Лидии. Ок. 630–615 гг. до н.э. – начало гегемонии скифов в Передней Азии. 612 г. до н.э. – падение Новоассирийской державы. Ок. 600 г. до н.э. – «изгнание киммерийцев из Азии». 585 г. до н.э. – окончание мидийско-лидийской войны.

Пазырыкская культура			
1.	Башадарский этап: 2-я половина VI – 1-я половина V вв. до н.э. Приход нового этноса. Освоение территории Горного Алтая, подчинение местных племен.	<i>Мог.:</i> Башадар (к. 2, 9, 10); Туэкта (к. 1, 2, 6, 8, 10, 11); Арагол; Кайнду (к. 2, 6, 7); Кырлык-I; Тыткескень-I, VI (к. 27, 2, 4, 18 и др.); Бике-I, III; Талдура-I и др.	Ок. 550 г. до н.э. – создание Ахеменидской державы. 530 г. до н.э. – поход царя Кира II на среднеазиатских кочевников. 520/519 г. до н.э. – поход Дария I. 481 г. до н.э. – окончание периода Чуньцю в Китае.
2.	Кызыл-Джарский этап: 2-я половина V – 3-я четверть IV вв. до н.э. Развитие полиэтничной культуры. Контакты с цивилизациями Передней Азии, Индии и Китая. Максимальное расширение границ культуры.	<i>Мог.:</i> Пазырык (к. 1, 2, 3, 4, 5); Кызыл-Джар-I, III–V, VIII; Тыткескень-VI (к. 6, 7, 9, 11, 12, 16 и др.); Катанда; Аргут-I; Кара-Коба-II; Айрыдаш-I (позд. группа), IV; Берель; Ак-Алаха-1, 3; Кастахта и мн. др.	453 г. до н.э. – начало эпохи «Сражающихся царств» (Чжаньго) в Китае. 425–400 гг. до н.э. – период междоусобиц в Скифии. 334 г. до н.э. – поход Александра Македонского в Персию. Ок. 330 г. до н.э. – падение Ахеменидской державы. 329 г. до н.э. – вторжение армии А. Македонского в Среднюю Азию, переселение племен.
3.	Шибинский этап: последняя четверть IV–III вв. до н.э. Участие в военных кампаниях. Утрата могущества, смещение ареала культуры на Северный Алтай, миграция части населения.	<i>Мог.:</i> Шибе, Пазырык (к. 7); Бураты-I, IV; Уландрык-II; Верх.Еланда-2; Усть-Эдиган; Айрыдаш-III; Дялян и др.	323 г. до н.э. – смерть Александра Македонского. Распад созданной им державы. 221 г. до н.э. – начало династии Цинь в Китае. 215–214 гг. до н.э. – походы Мэн Тяня на кочевников.
Булан-кобинская культура			
1.	Усть-Эдиганский этап: II в. до н.э. – I в. н.э. Формирование культуры и ее развитие в составе державы Хунну. Продвижение «буланкобинцев» в северные предгорья Алтая и участие в сложении майминской культуры.	<i>Мог.:</i> Усть-Эдиган; Сары-Бел; Чендек (восточная группа); Яломан-II (западная группа); Пазырык (курганы № 23, 24, 42).	206 г. до н.э. – образование Западной Хань (Сихань). 201 г. до н.э. – северный поход шаньюя Модэ и подчинение территории Южной Сибири. 165 г. до н.э. – окончательная победа хунну над большими юэчжами. 123 г. до н.э. – перенесение ставки хуннских шаньюев в Северную Монголию. 93 г. н.э. – поражение северных хунну от сяньби.

2.	<p>Бело-Бомский этап: II – I-я половина IV вв. н.э. Развитие культуры под влиянием Сянь- бийской державы.</p>	<p><i>Мог.:</i> Белый Бом-II; Булан- Кобы-IV; Бош-Ту; Боочи; Сальдяр-II; Айрыдаш-I; Бике- I; Карбан-I; Тьткескень-VI; Улуг-Чолтух; Балыктыюль; Курайка; Кальджин-6; Уро- чище Балчикова-3; Катанда- 3; Кокса; Кызыл; Семисарт-I; Бийке, к. 16; Пазырык, к. 6; Кам-Тытугем; Ак-Кол-I; Кальджин-8; Ябоган-III.</p>	<p>141–181 гг. – правление сяньбийского вождя Тань- шихуая и его успехи в борьбе с северными племенами. 235 г. – распад Сяньбийской державы. 258–337 гг. – преобладание в Монголии северных сяньби (тоба).</p>
3.	<p>Верх-Уймонский этап: 2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э. Развитие культуры в составе Жужанского каганата. Продвиже- ние «булан-кобин- цев» в Лесостепной Алтай и участие в сложении единцов- ской культуры.</p>	<p><i>Мог.:</i> Верх-Уймон; Катанда- I; Чендек (центральная груп- па); Яломан-II (центральная группа); Дялян; Кок-Паш; Берель; Верх-Еланда-II; Усть- Бийке-III, к. 4.</p>	<p>359 г. – образование Жужан- ской орды. 394–402 гг. – подчинение жу- жанами большей части Цен- тральной Азии. 402–420 гг. – войны жужаней с княжеством Юэбань.</p>
Тюркская культура			
1.	<p>Кызыл-Ташский этап: 2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э. Формирование тюрк- ской культуры на территории Алтая.</p>	<p><i>Мог.:</i> Усть-Карасу; Нижняя Сору; Верх-Еланда-I, к. 4; Ороктой; Тьткескень-VI, к. 5; Усть-Бийке-III, к. 5, 6; Кок- Паш, к. 1, 2; Боротал, к. 82 (впм); Узунтал-I; к. 1 Яконур, к. 5 (впм). <i>Пом.:</i> Кызыл-Таш; Кок-Паш; Кудыргэ; Усть-Карасу; Мен- дур-Соккон-I; Кара-Коба-I; Сары-Кобы; Бичинег.</p>	<p>460 г. – переселение на Алтай племени ашина. 552 г. – образование Великого Тюркского каганата.</p>
2.	<p>Кудыргинский этап: 2-я половина VI – 1-я половина VII вв. н.э. Расширение ареала культуры по степно- му поясу Евразии и распад культурного единства.</p>	<p><i>Мог.:</i> Кудыргэ, к. 1–13, 15, 18, 22–26; Кара-Коба-I, к. 1, 8; Катанда-3, к. 11; Курота-I; Жана-Аул; Тьткескень-VI, к. 10; Алагаил; Курай-VI; Уландрык-I; Уландрык-III. <i>Пом.:</i> Нижняя Сору; Яломан-VII; Макажан; Ян- Гобо и др.</p>	<p>552–604 гг. – Великий Тюрк- ский каганат. 604–630 гг. – Первый Восточ- но-тюркский каганат. 617 г. – начало эпохи Тан в Ки- тае. 630–650 гг. – пребывание Ча- быш-кагана на Алтае.</p>

<p>3.</p>	<p>Катандинский этап: 2-я половина VII – 1-я половина VIII вв. н.э. Возрождение культуры и ее господство в центрально- азиатском регионе.</p>	<p>Мог.: Катанда-II, к. 2–4 (1865), к. 1 (1925), к. 5 (1954); Катанда-3, к. 1–7, 16, 21, 22; Балык-Соок-I, к. 11; Большой Яломан-II; Кара-Коба-I, к. 22, 25, 47, 72, 74-А, 75, 85; Кара- Коба-II; Курога-II; Шиббе; Би- ке-I; Горно-Алтайск; Тыткес- кенъ-VI, к. 1; Тянгыс-Тыт; Усть-Чоба-1; Чоба-7; Чобу- рак-1, к. 1; Ак-Ала-ха-1; Бер- тек-34; Кальджин-8; Коо-II; Ак-Кообы; Барбургазы-II; Боротал, к. 6, 50, 51; Курай- V; Курай-VII; Талдуаир-I; Талдура-1; Узунтал-V; Юс- тыд-XII; Бажынты; Кырлык; Урочище Балчикова-3; Ябо- ган-I. Пом.: Большой Курманак-I; Кыпчыл; Малталу; Чадыр; Юстыд; Согонолу; Талдура-1 и мн. др.</p>	<p>682–744 гг. – Второй Восточно-тюркский каганат.</p>
<p>4.</p>	<p>Туэктинский этап: 2-я половина VIII – 1-я половина IX вв. н.э. Распад культуры на локальные варианты: горно-алтайский, ту- винский и минусин- ский. Переселение части тюрков на тер- риторию Лесостепно- го Алтая, участие их в сложении сrostкин- ской общности.</p>	<p>Мог.: Катанда-II, к. 2 (1925), Б.к. в.пм. 1–3 (1954); Туэкта, к. 4 (1935), к. 1, 3, 7, 9 (1937); Дялян; Джолин-I; Курай-II, к. 2, 4; Курай-III, к. 1, 6; Узунтал-VI; Узунтал-VIII; Юстыд-XXIV. Пом.: Кер-Кечу; Сары-Коба-II.</p>	<p>745–840 гг. – Уйгурский каганат.</p>
<p>5.</p>	<p>Курайский этап: 2-я половина IX – 1-я половина X вв. Интеграция культуры с культурой господст- вующего этноса.</p>	<p>Мог.: Курай-IV; Курай-III, к. 2; Курай-II, к. 3; Узунтал-I, к. 2; Юстыд-I; Юстыд-XIV; Туэкта, к. 1, 3 (1935), к. 2, 4 (1937); Беш-Озек; Бертек-27; Яконур, к. 3. Пом.: Бойтыгем-IV</p>	<p>840 – ок. 950 гг. – «эпоха великодержавия» Кыргызского каганата.</p>

6.	Балтарганский этап: 2-я половина X–XI вв. Постепенная нивелировка культуры и утрата самобытных черт.	<i>Мог.:</i> Балтарган; Калбак-Таш; Катанда-II, Б.к.–впм 1, 2, к. 1 (1865); Каменный Лог; Усть-Ороктой; Чобурак-1, к. 2; Пазырык, к. 5, 8 (впм.); Барбургазы-I.	Ок. 950–1050 гг. – распад Кыргызского каганата на отдельные княжества: «Киргиз» и «Кэм-Кэмджиут».
Кыргызская культура			
1.	Яконурский этап: 2-я половина IX – 1-я половина X вв. Распространение культуры на территории Горного Алтая.	<i>Мог.:</i> Яконур, к. 1–Е, F, G; Узунтал-XIII; Кара-Коба-I, к. 31, 47; Бийке, к. 21, Коргон, к. 8; Чинета-II, к. 10–13.	840 – ок. 950 гг. – «эпоха великодержавия» Кыргызского каганата.
2.	Ак-Ташский этап: 2-я половина X–XI вв. Локальное развитие культуры.	<i>Мог.:</i> Ак-Таш, к. 9, 27; Яконур, к. 4; Усть-Кан, Чинета-II, к. 1.	Ок. 950–1050 гг. – распад Кыргызского каганата на отдельные княжества: «Киргиз» и «Кэм-Кэмджиут». 960 г. н.э – начало эпохи Сун в Китае.
Культура монгольского времени			
1.	Верх-Еландинский этап: XII в. Сочетание разнокультурных элементов.	<i>Мог.:</i> Верх-Еланда-I, к. 1, 5 (вп.); Элекманар-II, к. 17; Бичикту-Бом; Кудыргэ, к. 16, 38, 74, 76.	Ок. 1100 г. – расселение найманов в Западной Монголии. 1204 г. – разгром найманов монголами.
2.	Усть-Бийкенский этап: XIII–XIV вв. Сложение единой культуры в степном поясе Евразии, наличие локальных особенностей для отдельных территорий.	<i>Мог.:</i> Кудыргэ, к. 14, 17, 19, 20, 21; Яконур, к. 1–А, Д, к. 2; Талдуаир-1, к. 6 (вп.); Усть-Бийке-III, к. 1, 2, 3, 7; Ак-Алаха, к. 1 (вп.); Бертек-20; Тожон.	1207 г. – завоевание Саяно-Алтая монголами. Улус Джучи. 1227 г. – включение Саяно-Алтая в улус Великого хана. 1293 г. – завоевание Саяно-Алтая империей Юань. Провинция Лин-Бей. 1367 г. – падение династии Юань в Китае. 1389 г. – прекращение династии Юань в Монголии.

Изучение древней и средневековой истории населения Алтая и сопредельных территорий является важным направлением в исследованиях, связанных со становлением и развитием в Евразии номадизма. В раннескифское время происходил поиск оптимальных форм в материальной, хозяйственной, общественной и духовной сфере жизни людей, что нашло отражение в культурах последующих эпох. Несмотря на имеющиеся ре-

зультаты, полученные в ходе археологических обследований и раскопок последних десятилетий, многие проблемы до сих пор остаются за рамками необходимых решений и интерпретаций. Это связано, в первую очередь, с количественной и качественной ограниченностью круга источников, а также со слабым внедрением междисциплинарного подхода, который обеспечивает получение значительного объема объективной информации и расширяет перспективы научной деятельности. Несмотря на это, исследователи, основываясь на доступные им материалы и имеющиеся возможности, демонстрируют свое понимание происходивших культурно-исторических процессов. Такие работы аккумулируют накопленные сведения, способствуют продвижению понимания многих вопросов общего и частного характера, а также создают условия для дальнейшей модификации представленных культурно-хронологических схем. Последнее происходит, как правило, при накоплении нового материала, когда его количество позволяет сделать более качественное оформление системы знаний о том или ином древнем обществе (Тишкин А.А., 2003б, 2004б). Это обычная процедура в исследовательской практике, но реализация ее занимает разное время. Возврат к ранее представленным идеям и их проверка на новом уровне – необходимый подход при решении актуальных проблем древней и средневековой истории. И схеме, предлагаемой нами, также предстоит пройти испытание временем. Она может быть уточнена и дополнена или вообще заменена другой обоснованной концепцией при опоре на более совершенные результаты работ. Объем данной монографии не позволил нам более детально представить полученные результаты культурно-хронологического анализа обширного материала. Такие данные, как уже было сказано, составят отдельную книгу.

В завершение обратим внимание на один из моментов, связанный со следующим периодом средневековой истории Горного Алтая, о котором известно совсем немного. Археологических памятников XV–XVI вв. практически не обнаружено, нет и прямых письменных свидетельств. Отсутствие материальных и других источников пока не нашло объяснений в работах исследователей. Не исключено, что произошел очередной культурно-генетический «сбой», связанный с причинами военно-политического и социально-экономического характера. В вышедшей недавно истории Республике Алтай указанному периоду отведено всего три страницы, на которых отражена общая историческая обстановка в Центральной Азии. Несмотря на то, что каких-либо конкретных данных почти не приведено, был сделан вывод о том, что «...алтайская народность складывалась в основном из автохтонного, преимущественно тюркского населения этой территории, хотя с участием монгольского этнического компонента» (Кадырбаев А.Ш., 2002, с. 235). Одним из неблагоприятных факторов, который мог негативно сказаться на развитии народов, населявших Горный Алтай в монгольское и постмонгольское время, являлось изменение климата (Тишкин А.А., 2005б, с. 320). Современные исследования свидетельствуют о похолодании, начавшемся во 2-й половине XIV в. и продолжавшемся с постепенным ухудшением до конца XVI в. (Галахов В.П., Назаров А.Н., Харламова Н.Ф., 2005, с. 66). 1585–1700 гг. вообще отмечаются как «малый ледниковый период» (Михайлов Н.Н., Редькин А.Г., 2000, с. 28; Малолетко А.М., 2002).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 37–43.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-1 и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 165–171.

Абдулганеев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А. Новые могильники 2-й половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 243–252.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 52–77.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 33–36.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Армавир; М., 1997. Вып. 3. С. 92–114.

Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. Вып. 1. С. 4–13.

Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ОмГУ; ОФ ОИИФиФ СО РАН, 2004. 116 с.

Барышников Г.Я. Развитие рельефа переходных зон горных стран в кайнозое. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 182 с.

Басандайка: Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1948. 217 с., прил.

Басилов В.Н. Символика религиозная // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 187–192.

Беднарик Р., Дэвлет Е.Г. Консервация памятников наскального искусства Верхней Лены // Памятники наскального искусства. М.: ИА РАН; ИАЭ РАН, 1993. С. 7–24.

Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.

Бобров В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 20–23.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 24 с.

Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А. Захоронение первой половины II тыс. в пункте Ближние Елбаны-VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 124–135.

Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 эпохи палеометаллов на Нижней Катунь (вопросы культурогенеза и инфильтрации древнего населения в условиях горной среды) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. №7. С. 56–67.

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве // ТТКАЭЭ. М., Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292–347.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках Горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 107–114.

Варенов А.В. Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 123–125.

Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М.: Восточная литература, 1998. 319 с.

Васильев Л.С. Древний Китай. Т. 2: Период Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2000. 623 с.: карта.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка, 1989. 111 с.

Галахов В.П., Редькин А.Г., Назаров А.Н. Изменение климата и колебания ледников Алтая в среднем и позднем голоцене // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Вып. 1. С. 87–91.

Галахов В.П., Назаров А.Н., Харламов Н.Ф. Колебания ледников и изменения климата в позднем голоцене по материалам исследований ледников и ледниковых отложений бассейна Актру (Центральный Алтай, Северо-Чуйский хребет). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 132 с.: ил.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 116–126.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 80–90.

- Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 102–128.
- Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алае // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии: Труды гуманитарного факультета НГУ, Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. Сер. II. Вып. 1. С. 18–36.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения Лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 262–266.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002а. С. 174–180.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Омск; Тобольск: Изд-во ОмГПУ, 2002б. С. 43–46.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 227–229.
- Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие до н.э. – IV в. до н.э.). М.: Наука, 1993. 349 с.
- Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Восточная литература, 1995. С. 359–430.
- Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.; Л., 1939. Т. 2. Гл. 6. С. 399–411.
- Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. I. С. 17–21.
- Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. М.; Л., 1947. Вып. 18. С. 9–17.
- Грязнов М.П. Археологические исследования территории одного древнего поселения (раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. М., 1951. Вып. XL. С. 105–113.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с. + прил. (МИА. №48).
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
- Гумилев Л.Н. Изменение климата и миграции кочевников // Природа. 1972. №4. С. 44–52.
- Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. 287 с. (Археологические памятники сунну. Вып. 1).

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 176 с. (Археологические памятники сунну. Вып. 2).

Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.

Дашковский П.К. Коргон-I – новый памятник культуры енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 16–23.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт-ун-та, 2005. С. 62–68.

Демин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Барнаульский госпединститут, 1992. С. 28–34, 170–175.

Демин М.А., Ситников С.М. Могильник Чекановский Лог-10 – новый памятник развитой бронзы и раннескифского времени Юго-Западного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 59–66.

Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф. и др. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 176 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Предисловие // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 3–6.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники долины Бертек // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. С. 16–38.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. 224 с.

Долговесова Е.Б. Своеобразные антропоморфные изображения на петроглифах Средней Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 257–260.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. 224 с.

Древние курганы Алтая. Горно-Алтайск: Ак чечек, 1998. 128 с.

Древняя астрономия: Небо и человек. М.: ГАИШ МГУ, 1998. 310 с.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок 1963, 1965 гг.) // Труды ТКАЭЭ. Л.: Наука, 1970. Т. III. С. 80–209.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XVI. С. 75–117.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 77–80.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мир вещей по данным Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М.: Наука, 1999. С. 487–525.

Елин В.Н., Ковалев В.С. Некоторые результаты археологического обследования малых карстовых гротов Горного Алтая // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1989. С. 68–70.

Елин В.Н., Соенов В.И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 161–177.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения могильника «Олень-колодезь» // Российская археология. 2000. №1. С. 167–182.

Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учебное пособие. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.: ил.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: АО «Эллипс Лтд», 1994. 224 с.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 94 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 93–103.

Ирисов Э.А. Животный мир // Горный Алтай. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. С. 179–198.

История монгалов / Дж. дель Пано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. Ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с.: ил. (Путешествие и путешественники).

Кадырбаев А.Ш. Политическое положение Горного Алтая в XV–XVI вв. // История Республики Алтай. Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. С. 233–235.

Камбалов Н. Природа и природные богатства Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1955. 175 с.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 26–29, 101–102.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–123.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской Пещеры-1 (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 152 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Т. I. 288 с: ил.+ вкл.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 224–242.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Изучение курганов раннескифского времени, раскопанных на могильнике Тыткескень-VI в Горном Алтае // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 1997а. С. 162–171.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997б. 232 с., ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 70–75.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Некоторые планиграфические наблюдения на погребально-поминальных комплексах Верхнего Приобья эпохи ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 40–49.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катунь // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: БГПИ, 1992. С. 125–130, 222–226.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. №9).

Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 103–131.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976. 221 с.: табл.

Контев А.В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: КГПИ, 1991. Т. 2. С. 54–55.

Косарев М.Ф. К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии юга Западно-Сибирской равнины в бронзовом и железном веке // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 37–42.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.: илл.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Курганы могильников Ябоган-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 70–81, 241–255.

Кочеев В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. №10. С. 70–83.

Кочеев В.А., Худяков Ю.С. Палаш из Беш-Озека // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 239–242.

Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., Кнуренко П.С. Первые опыты археоастрономического исследования писаниц Якутии // Археоастрономия: проблемы становления. М.: ИА РАН, 1996. С. 83–87.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 136–148.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катунь // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 7–22.

Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1992. С. 25–36.

Кубарев В.Д. Бике-I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катунь // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. №7. С. 120–145.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: ИАЭ СО РАН и др., 1992. 123 с.

Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.П., Черемисин Д.В., Мыльников В.П. Археологические исследования на средней Катунь // ALTAICA. 1992. №1. С. 43–49.

Кубарев Г.В. Древнетюркское погребение с р. Чуи // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 91–92.

Кубарев Г.В. Новый серебряный сосуд из Талдуaira // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. №1. С. 164–182.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 1997. 18 с.

Куминова А.В. Растительный покров Алтая. Новосибирск: Наука, 1960. 450 с.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 43–58.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Находки финального мезолита в устье р. Бийке (Горный Алтай) // Охрана и изучение культурного наследия Алтая (тезисы научно-практической конференции). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 46–51.

Курманкулов Ж. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 191–197.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960. 197 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Наука, 1969. 211 с.

Лапшин Б.И. Разведки в долинах рек Катунь и Бий // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 215.

Лапшин Б.И. Разведка в долинах Катунь и Бий // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск: ИИФФ АН СССР, 1985. С. 10–16.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Солнцеголовый орел – Змееборец и Податель Блага (к методике раскрытия семантики образов и реконструкции астральной мифологии жречества окуневской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 401–407.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.: ил.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1999. 608 с.

Максимова А.Г. Погребение воина XIV века // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1965. №5. С. 85–91.

Малолетко А.М. Палеотопонимика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 264 с.

Малолетко А.М., Орлова Л.А. Климат Алтая в скифскую эпоху // Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов к конференции). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1986. С. 50–52.

Малолетко А.М. Малом ледниковом периоде // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 116–124.

Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 173–191.

Мамадаков Ю.Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 197–203.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, использования и изучения культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 125–131.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 115–129.

Марсадолов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 11–22.

Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. Л., 1984. Вып. 25. С. 90–98.

Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.

Марсадолов Л.С. Керамические сосуды в памятниках Горного Алтая VIII–VI вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987а. Ч. II. С. 62–66.

Марсадолов Л.С. Две группы памятников кочевников Алтая VIII–VII вв. до н.э. // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. областной науч. конф. Омск, 1987б. С. 101–104.

Марсадолов Л.С. Работы в Центральном Алтае // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987в. С. 260–261.

Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // АСГЭ. Л., 1988а. Вып. 29. С. 65–81.

Марсадолов Л.С. О дате большого Берельского кургана // СГЭ. Л., 1988б. Вып. 53. С. 24–26.

Марсадолов Л.С. Астрономическая обсерватория в Горном Алтае // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1991. С. 27–29.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. 100 с.

Марсадолов Л.С. Об этногенезе пазырыкцев Алтая // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1997а. С. 77–80.

Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талдура). СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997б. 56 с.

Марсадолов Л.С. Археoaстрономические исследования памятников VIII–VII вв. до н.э. в Саяно-Алтае // Древняя астрономия: небо и человек. М.: ГАИШ МГУ, 1997в. С. 47–48.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 5–24.

Марсадолов Л.С. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 104–107.

Марсадолов Л.С. Планиграфия могильников Горного Алтая VI–IV вв. до н.э. // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000а. С. 69–72.

Марсадолов Л.С. Ритуальный центр в долине р. Чуи на Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000б. С. 206–210.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2000в. 56 с.

Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб.: ГЭ, 2001. 184 с.: илл. (Материалы СААЭ ГЭ. Вып. 4).

Марсадолов Л.С. Новые исследования на ритуальном центре в долине реки Юстыд (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. II. С. 104–108.

Марсадолов Л.С. Еще раз о последовательности сооружения Пазырыкских и Бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2003а. Кн. II. С. 93–103.

Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар: Б.и., 2004а. С. 69–85.

Марсадолов Л.С. Работы Саяно-Алтайской экспедиции в 2003 г. // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004б. С. 48–59.

Марсадолов Л.С. Глиняные сосуды Горного Алтая VIII–III веков до н.э. // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004в. Вып. 2. С. 37–51.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И. Соотношение радиоуглеродных и археологических датировок для малых и средних курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 108–115.

Марсадолов Л.С., Тишкин А.А. Основная библиография печатных работ археологов за последние 50 лет (1947–1997 гг.) по конскому снаряжению I тыс. до н.э. в степной полосе Евразии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 91–92, 170–188.

Мартынов А.И. О хозяйственном освоении территорий скифо-сибирского мира // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 11–14.

Мартынов А.И. О зарубежном опыте охраны и использования археологических памятников // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 12–19.

Мартынов А.И. О проекте археологического музея-заповедника «Каракол» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 16–18.

Мартынов А.И. Сохранение и использование археологического наследия России – проблема национальная // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 16–18.

Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 147–172.

Маточкин Е.П. Проблемы охраны петроглифов Горного Алтая // Памятники наскального искусства. М.: ИА РАН; ИАЭ РАН, 1993. С. 70–73.

Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (Ом-VII): Раскопки 1998, 1999 годов. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. 64 с. + 93 илл. (Новое в археологии Прииртышья. Вып. 3).

Матющенко В.И., Шерстобитова О.С. О методологических основаниях концепции археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ОмГУ; ОФ ОИИФиФ СО РАН, 2004. 116 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 183 с.

Миронов В.С. Культура населения Средней Катунь в скифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

Михайлов Н.Н., Редькин А.Г. Плоскогорье в позднеледниковое и послеледниковое время // Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 13–28.

Могильников В.А. Тюрки. Кимаки. Сросткинская культура. Карлуки. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 29–46, 189–200. (Археология СССР).

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 35–67.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116, 257–280.

Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 187–234.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 38–48.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М.: Ин-т археологии РАН, 1995. С. 62–74.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки Второго Сальдьярского могильника // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 126–144.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. Вып. 1. С. 26–63.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Исследование курганов долины Кызык-Телань // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. №11. С. 35–37.

Молодин В.И. Могильники Кальджин-6 и Ак-кол-1 на плоскогорье Укок и их культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. III. С. 230–232.

Молодин В.И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 131–142.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 50–73.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 256 с. (Материалы по археологии Сибири. Вып. 3).

Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-20 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994а. С. 127.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Позднее средневековье // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994б. С. 152–156.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: Изд-во археологии и этнографии СО РАН, 2004. 184 с.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-е Алтайского книжн. изд-ва, 1979. 400 с.

Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 112–126.

Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики) / В.И. Молодин, М.И. Воевода, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск:

Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 286 с. (Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 1).

Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 192–206.

Неверов С.В. Удила средневековых хакасов на Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 141–145.

Неверов С.В. Удила второй половины I-го тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1992. С. 141–154, 234–238.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.

Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 121–135.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 120–123.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 224 с.: ил.

Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 156–177.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 306 с.: ил.

Нохрина Т.И., Дергачева М.И., Николаев С.В., Петрин В.Т. Грот Бийка-II: результаты геологических, палеопедологических и археологических исследований // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 239–258.

Нохрина Т.И., Петрин В.Т. Комплексы каменного инвентаря инвентаря пещеры Бийка-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 208–211.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катуни. Новосибирск: Наука, 1984. 110 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.) М.: Наука, 1991. 256 с.

Петкевич М.В. Строение поверхности // Горный Алтай. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. С. 46–62.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Усачева И.В., Нохрина Т.И., Феденева И.И. Исследование пещерного комплекса на р. Бийка (правобережье р. Катунь, Горный Алтай) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и ан-

тропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. С. 80–85.

Петров Б.Ф. Почвы Алтайско-Саянской области. М., 1952. 247 с.

Петров Ф.Н., Кириллов А.К. Мегалитический комплекс Ахуново: одно из древнейших обсерваторий Евразии // Человек в пространстве древних культур. Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», ЧелГУ, 2003. С. 87–89.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Плетнева С.А. Древности черных клубуков. М.: Наука, 1973. 96 с. (САИ. Вып. Е1–19).

Плотников Ю.А. О возможности сохранения энеолитического населения Горного Алтая вплоть до раннего железного века // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 17–18.

Подосинов А.В. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: «Языки русской культуры», 1999. 720 с.

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. 1993. №3. С. 21–31.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 125 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.: ил.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. №4. С. 66–87.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 25–37.

Потемкина Т.М., Юревич В.А. Древнейшая «астрономическая обсерватория» на территории России // Археoaстрономия: проблемы становления. М.: ИА РАН, 1996. С. 109–114.

Потемкина Т.М., Юревич В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М.: ИА РАН, 1998. 52 с.

Почвы Горно-Алтайской автономной области. Новосибирск: Наука, 1973. 351 с.

Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989. 758 с.

Ригведа. Мандалы V–VIII. М.: Наука, 1999. 743 с.

Ригведа. Мандалы IX–X. М.: Наука, 1999. 560 с.

Розен М.Ф. Из неопубликованных рукописей // Золото Алтая: история и современность (материалы научно-практической конференции). Барнаул, 1995. С. 112–121.

Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны // История монгалов / Дж. Дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с. + табл.

- Савинов Д.Г. К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. С. 49–52.
- Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая: ГАНИИИЯЛ, 1980. Вып. 1. С. 161–167.
- Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 146–162.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 175 с.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994. 208 с.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2002. 204 с.: ил.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Степные империи древней Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. С. 181–330.
- Семибратов В.П. Раннеголоценовые комплексы среднего течения реки Катунь: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 24 с.
- Семибратов В.П., Майчиков О.В. Поселение Усть-Бийке-1: Итоги и перспективы изучения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 108–113.
- Ситников С.М. Псалии саргаринско-алексеевской культуры (по материалам лесостепного и степного Алтая) // Археологический альманах: Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк: Апекс, 2004. №15. С. 139–142. (Археологический альманах. №15).
- Собанский Г.Г. Промысловые звери Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1988. 157 с.
- Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 134–152.
- Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 48–62.
- Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (Описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003, 160 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГПИ, 1992. 116 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. №3. С. 115–118.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. №3. С. 113–135.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8. С. 39–60.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды ГЭ: Культура и искусство народов Востока. Л., 1969. Т. X. С. 208–236.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Степанова Н.Ф. Отчет об археологической разведке Шебалинского отряда ААЭ в 1980 г. в ГААО Алтайского края. Барнаул, 1980. 12 с., прил. (Архив МАЭА АлтГУ. №29).

Степанова Н.Ф. Охранные раскопки на Усть-Куюмском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996а. С. 115–119.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996б. С. 54–69.

Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 137–145.

Степанова Н. Ф. Керамика раннего железного века и средневековья с поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999а. Вып. X. С. 166–169.

Степанова Н.Ф. О своеобразии памятников скифского времени Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999б. Т. V. С. 509–513.

Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 25 с.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 11–24.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. 494 с.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

Суразаков А.С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа бронзы и скифского времени // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 168–171.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1989. 216 с.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990а. С. 56–96.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990б. С. 197–200.

Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // История Республики Алтай. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. Т. 1. С. 177–184.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.: ил.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей, 2003а. 68 с.: ил.

Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 127–133.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. III. Вып. 2. С. 57–112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: АГУ; ИИФиФ СО АН СССР, 1991. С. 155–157.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2004. Вып. 1. С. 37–82.

Тишкин А.А. Отчет об аварийных археологических раскопках курганной группы Бийке (зона предполагаемого строительства Катунской ГЭС) в Шебалинском районе Горно-Алтайской автономной области в 1989 году. Барнаул, 1990. 14 с., прил. (Архив МАЭА АлтГУ. №120).

Тишкин А.А. Отчет об аварийных археологических раскопках курганных групп Щепчиха-I в Змеиногорском районе Алтайского края (зона строительства орошаемого участка) и Бийке в Шебалинском районе Горно-Алтайской республики (зона предполагаемого строительства Катунской ГЭС) в 1991 году. Барнаул, 1992. 41 с., прил. (Архив МАЭА АлтГУ. №112).

Тишкин А.А. Отчет об аварийных раскопках на поселении Турина Гора-I в Ленинском районе г. Барнаула на месте предполагаемого строительства кирпичного цеха АХРПУ и курганной группы Бийке в Шебалинском районе Республики Алтай (зона предполагаемого строительства Катунской ГЭС) в 1992 году. Барнаул, 1993. 51 с., прил. (Архив МАЭА АлтГУ. №126).

Тишкин А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: АКИН, 1994а. С. 46–49.

Тишкин А.А. Общие, особенные и единичные признаки погребального обряда курганов могильника Бийке в Горном Алтае // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994б. С. 92–95.

Тишкин А.А. Некоторые аспекты культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994в. С. 124–127.

Тишкин А.А. Характеристика основного направления хозяйственной деятельности населения раннескифского времени Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996а. С. 57–61.

Тишкин А.А. Сооружение курганов на могильнике Бийке в Горном Алтае // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996б. С. 11–13.

Тишкин А.А. К вопросу о возможности выделения контактных культур // Горный Алтай и Россия – 240 лет. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996в. С. 26–28.

Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996г. 28 с.

Тишкин А.А. Ориентация погребенных людей в курганах раннескифского времени Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: ГЭ, 1996д. С. 50–54.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996е. С. 20–54.

Тишкин А.А. Изучение социально-экономической структуры населения Горного Алтая раннескифского времени // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 93–95.

Тишкин А.А. Отчет об аварийных археологических раскопках на памятнике Усть-Бийке-III в Чемальском районе Республики Алтай. Барнаул, 1998а. 34 с., прил. (Архив МАЭА АлтГУ. №144).

Тишкин А.А. Разработка методики поиска на Алтае погребальных комплексов монгольского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VI Международного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск; СПб.: Изд-во Омск. ун-та, 1998б. Ч. II. С. 101–103.

Тишкин А.А. Изучение М.П. Грязновым памятников монгольского времени на Алтае // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2000а. С. 108–110.

Тишкин А.А. Бийкенское святилище в Горном Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000б. С. 210–215.

Тишкин А.А. Изучение археологических памятников монгольского времени на Алтае // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 82–84.

Тишкин А.А. Комплексный подход в изучении памятника Березовая Лука // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002а. С. 183–186.

Тишкин А.А. Предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002б. С. 143–149.

- Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003а. Кн. II. С. 164–166.
- Тишкин А.А. Культурно-хронологические схемы как отражение основных этапах освоения Алтая и сопредельных территорий // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003б. С. 203–209.
- Тишкин А.А. Особенности этнокультурного развития населения Алтая в монгольское время // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004а. С. 122–128.
- Тишкин А.А. Создание схем исторического развития древних и средневековых народов Алтая // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004б. С. 32–37.
- Тишкин А.А. Опыт изучения на Алтае археологических микрорайонов // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: Изд-во ОмГУ; ОФ ОИИФиФ СО РАН, 2004в. С. 89–93.
- Тишкин А.А. Проблемы выделения керамического комплекса раннескифского времени в Горном Алтае // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005а. Т. 2. С. 169–178.
- Тишкин А.А. Материалы к изучению социогенеза населения Горного Алтая монгольского времени // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005б. Ч. 1. С. 317–222.
- Тишкин А.А. Проблема происхождения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени и выделение основных этапов ее развития // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005в. Ч. 1. С. 322–327.
- Тишкин А.А. Керамические сосуды из курганов хуннского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005г. С. 129–135.
- Тишкин А.А. Об одном моменте в изучении культуры кочевников Горного Алтая раннескифского времени // Древние кочевники Центральной Азии (история культура, наследие). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005д. С. 41–44.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раскопки на Алтае // Археологические открытия 1997 года. М.: Эдиториал УРСС, 1999а. С. 316–318.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Материалы исследования памятника Усть-Бийке-III в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999б. Т. V. С. 520–526.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002а. С. 82–91.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, ан-

тропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002б. Т. VIII. С. 456–461.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003а. Т. IX. Ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003б. №10. С. 107–117.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: Изд-во ОмГУ; ОФ ОИИФиФ СО РАН, 2004. С. 93–97.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Комплекс разнокультурных археологических объектов на памятнике Телеутский Взвоз-I в Алтайском Приобье // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2000. Т. III. С. 53–60.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003а. Т. IX. Ч. I. С. 494–497.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003б. 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 238 с. + вкл.

Тишкин П.К., Дашковский П.К. Этнокультурная ситуация на Алтае в скифскую эпоху // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М.: ИА РАН, 2005. С. 248–267.

Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X. Ч. I. С. 410–415.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Особенности погребальных конструкций бийкенской археологической культуры и их семантика // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 363–371.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Погребальная практика носителей бийкенской культуры Алтая: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 279–294.

- Тишкин А.А., Майчиков О.В. Результаты обследования археологических памятников близ устья р. Бийке // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Вып. VIII. С. 86–89.
- Тишкин А.А., Медникова Э.М. Некоторые изделия с городища Елбаны // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. I. С. 133–136.
- Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Результаты археологического исследования курганного могильника Бийке в Горном Алтае // Горный Алтай и Россия – 240 лет. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996. С. 34–38.
- Тишкин А.А., Харченко Т.В. Раскопки пяти курганов могильника Бийке в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 67–70.
- Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. 160 с.
- Трифонов Ю.И. О берестяных колчанах Саяно-Алтая VI–X вв. в связи с их новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 189–199.
- Тур С.С. Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения раннескифского времени. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 136–147.
- Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 136–149.
- Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.
- Уманский А.П. Памятники эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Урало-алтаистика: Археология, этнография, язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 55–63.
- Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения первой половины II тыс. н.э. на могильнике Ильинка в Алтайском крае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 146–161.
- Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В., Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Худяков Ю.С. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 186–201.
- Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 336 с.
- Худяков Ю.С. Мумифицированное захоронение из могильника Усть-Эдиган // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 118–135.

Худяков Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1993. С. 107–148.

Худяков Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 145–155.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998а. №3. С. 97–112.

Худяков Ю.С. Раскопки аварийных объектов на памятниках Кок-Эдиган и Чоба-Бильдыр в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998б. С. 167–169.

Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998в. С. 206–211.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998г. С. 160–206.

Худяков Ю.С. Предметный комплекс из памятников кыргызов XI–XII вв. в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 161–171.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002а. Т. VIII. С. 472–478.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002б. С. 79–87.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003а. Т. IX. Ч. I. С. 504–509.

Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003б. Вып. 1. С. 99–109.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. №3. С. 46–53.

Худяков Ю.С., Миронов М.В. Раскопки курганов пазырыкской культуры на памятниках Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 537–541.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

- Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д. Новые находки хуннских луков в Гобийском Алтае // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 126–132.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. №5. С. 37–48.
- Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с. (Материалы по археологии Сибири. Вып. 4).
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
- Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 206–224.
- Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан: Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: Славия, 2004. С. 10–39.
- Шилов Ю.А. Прародина ариев: История, обряды и мифы. Киев: СИНТО, 1995. 744 с.
- Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово: КемГУ, 1989. Ч. II. С. 41–44.
- Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990а. 18 с.
- Шульга П.И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990б. С. 83–87.
- Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поисков // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 155–159.
- Шульга П.И. Раскопки «скифского» поселения Аскат-2 на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 64–65.
- Шульга П.И. Поселение Элекмонар-4 на Средней Катуни // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. №1. С. 59–75.
- Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуни // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 106–123.
- Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-1 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. №2. С. 73–84.
- Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – начале VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998а. С. 25–49.
- Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катуни // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998б. С. 146–164.

Шульга П.И. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 148–150.

Шульга П.И. Датировка ранних памятников каменной культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 236–246.

Шульга П.И., Шульга Н.Ф. Три раннескифских кургана из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 250–255.

Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: НИЦ «Ладомир», 1999. 488 с.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Хуннское оружие дистанционного боя из могильника Эгин-Гол в Северной Монголии // Вестник НГУ. 2003. Т. 2. Вып. 3. С. 43–53.

Юревич В.А. Астрономические направления археоастрономии // Археоастрономия: проблемы становления. М.: ИА РАН, 1996. С. 146–150.

Фото 1. Усть-Бийке-III. Курган №4. Накладки на лук и наконечники стрел

Фото 2. Усть-Бийке-III. Курган №4.
Погребальный инвентарь воина булан-кобинской культуры

Фото 3.
Усть-Бийке-III. Курган №5.
Накладки на лук и
наконечники стрел

Фото 4.
Усть-Бийке-III. Курган №5.
Погребальный инвентарь
тюркского воина

Фото 5.
Усть-Бийке-III. Курган №6.
Предметы из могилы рядового
кочевника тюркской культуры

Фото 6. Усть-Бийке-III. Курган №3.
Погребальный инвентарь рядового кочевника монгольского времени

Фото 7. Усть-Бийке-III. Курган №7.
Предметы вооружения и снаряжения кочевника монгольского времени

Фото 8. Усть-Бийке-III. Курган №7. Погребение монгольского времени

Фото 9. Усть-Бийке-III. Курган №7. Железные стремена

Фото 10.
Усть-Бийке-III.
Курган №9. Насыпь

Фото 11.
Усть-Бийке-III.
Конструкции кургана №9
раннескифского времени

Фото 12.
Усть-Бийке-IIIа. Курган №9
Каменный ящик
и кольцевая кирпичка

13

14

15

16

Фото 13–16. Усть-Бийке-IV.
Результаты фиксации основных и дополнительных сооружений
кургана №1 бийкенской культуры

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

Фото 17–26. Бийке. Результаты раскопок курганов раннескифского времени

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ – Алтайская археологическая экспедиция.
АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
АО – Археологические открытия.
АСГЭ – Археологический сборник ГЭ.
БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт (ныне БГПУ).
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет.
БНЦ – Бурятский научный центр.
ГААО – Горно-Алтайская автономная область.
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ныне ГАГУ).
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований (ныне Институт алтаистики им. С.С. Суразакова).
ГАИШ – Государственный Астрономический институт им. П.К. Штернберга МГУ.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ГЭС – гидроэлектростанция.
ДонНУ – Донецкий национальный университет.
ИА РАН – Институт археологии РАН (г. Москва).
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).
ИИМК – Институт истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург).
ИИФФ АН СССР – Институт истории, филологии и философии АН СССР.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КГПИ – Красноярский государственный педагогический институт.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК АН СССР.
ЛАЭИА АГУ – Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АГУ.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии.
МАЭА АлтГУ – Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

- НГУ – Новосибирский государственный университет.
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.
ОмГУ – Омский государственный университет.
ОФ ОИИФиФ – Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии.
РАН – Российская академия наук.
СПб. – г. Санкт-Петербург.
СО РАН – Сибирское отделение РАН.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
ТТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.
УДГ – уровень древнего горизонта.
УСП – уровень современной поверхности.
ЧелГУ – Челябинский государственный университет.

Summary

A.A. Tishkin, V.V. Gorbunov

COMPLEX OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE VALLEY OF THE RIVER BIIKE (MOUNTAIN ALTAY)

This monography is given up to the study of archaeological sites situated near the small river Biike (the right bank of the Katun, Mountain Altay, Russia). Most of the sites are burial mounds of nomads of Late Aniquity Epoch and the Middle Ages. Their analysis shows the basis for the salvation of a number of problems connected with study of the Altay history. It concerns the working out of the methodics of search of burial and other structures, pointing of cultures, the possibility of their ethnic identification, periodization and more separate dating. Partial reconstruction of different sides of life and activity of ancient and medieval people is presented in the book. There are also illustrations of numerous archaeological materials.

Long research of a separate archaeological micro-district makes it possible to get the information about cultural development of population of some definite region during a long period. Comparison of these data with other results makes it possible to show a more objective picture for big historical and cultural fields. The given circumstances are specially important for the territories where there are no written evidences or they are very little.

Study of burial sites of nomads in Biikenskii archaeological micro-district and their comparative analysis with similar objects in other parts of Altay made it possible for the authors to work out a united cultural-chronological sheme of historical development of population of the given territory in the Eearly Iron Age and the Middle Ages (the end of the IX th – XIV th centuries A.D.). The basis of it was systematization and typology of the inventory from complexes containing more massive and representative series of things. Study of the burial rite revealed ethno-cultural components that identified changes of material and spiritual traditions in different historical periods. The realized approach was effective in the research and demonstration of the integrated picture of development of the Altay cultures. The approach was repeatedly and effectively used by researchers beginning from the XIX th century and now it is still significant. It is important to mention the work of M.P. Gryaznov who was the first to create and substantiate the schematic building of the Altay cultures' change (he used the periodization of S.A. Teploukhov). The work was continued by A.A. Gavrilova, D.G. Savinov, L.S. Marsadolov and others.

The number of archaeological sources considerably grew up by the present time. It demanded definite compehention and arrangement of the given results about Late Ancient Epoch, Early and Developed Middle Ages. Process of archaeological study of the period of Late Middle Ages is now on the stage of data accumulation.

Typical inventory sets from the sites of Mountain Altay of the Early Iron Age and the Middle Ages make it possible to single out one row from 19 chronological groups that correspond to definite stages of the development of the given cultures: biikenskaya, pazyrykskaya, bulan-kobinskaya, turkskaya, kyrgyzskaya and the culture of Mongolian time. Reasons of changes of inventory complexes and burial rite, change of cultures are connected with important historical processes that took part in Central Asian region. All marked chronological groups are correlated with known events that took part in Central Asia and reflected in different written sources. It is an important research moment, because such approach helps understand the reasons of changes marked in archaeological materials.

The publication is meant for specialists from the fields of archaeology, ethnography, culturology and many other people who are interested in Asian culture.